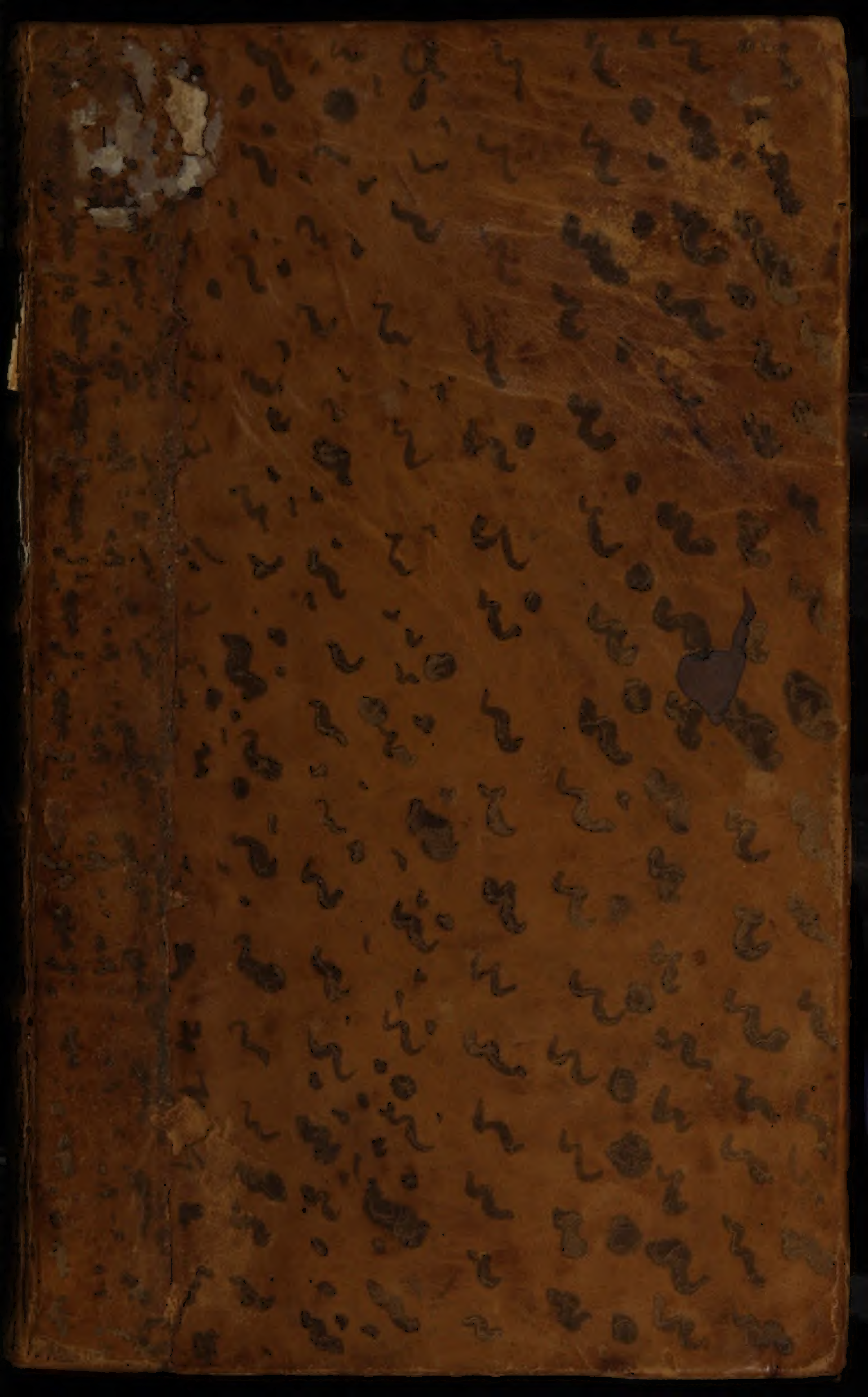
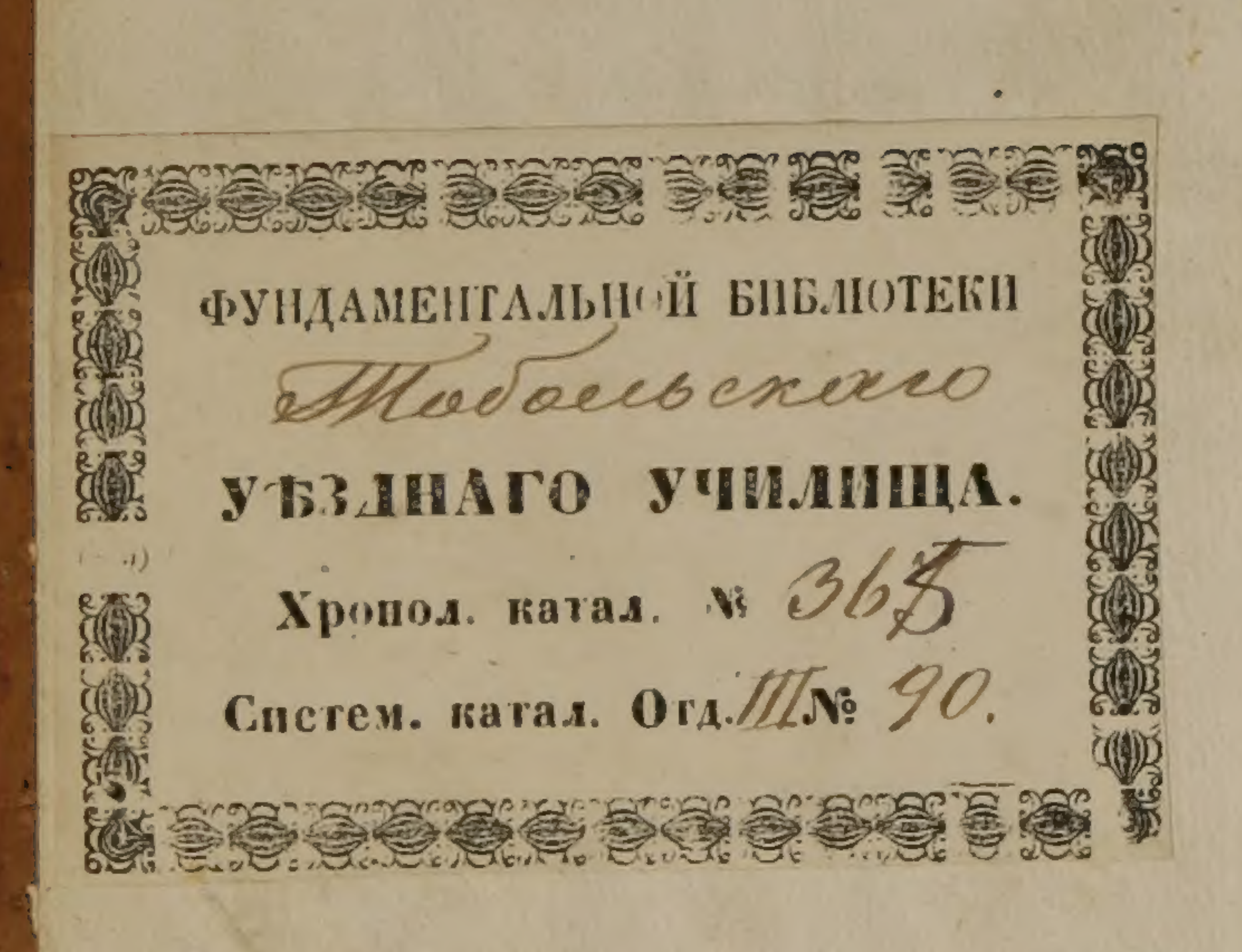

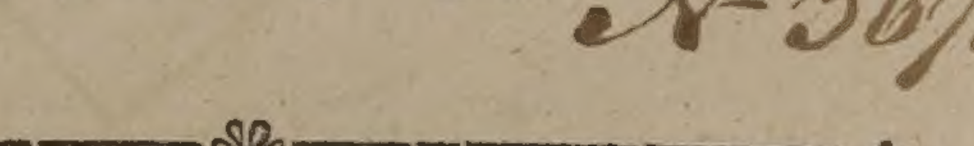
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

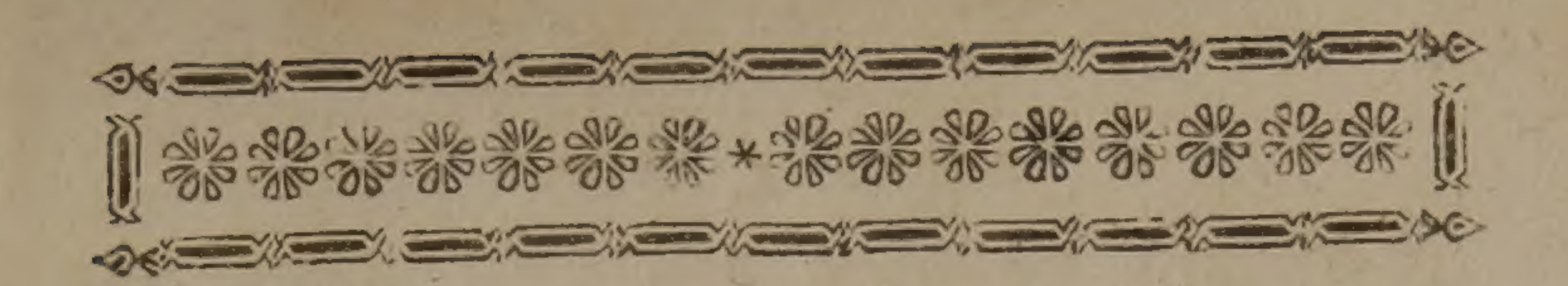
ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ
Всякаго званія Читателей.

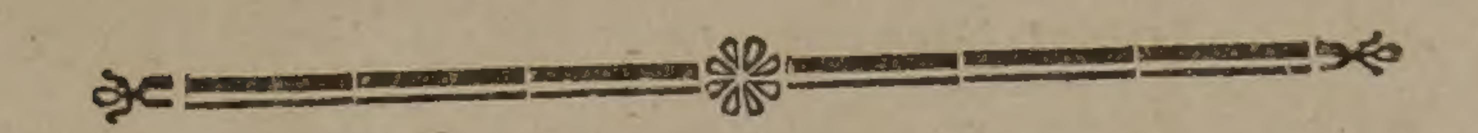
ЧАСТЬ IX.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1794 ГОДА.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

О РѢЗНОМЪ ИСКУСТВѢ ИЛИ ГРАВИРОВАНІИ.

Рѣзьба раздѣляется на два рода: битіе медалей и печатаніе картинъ.

Искуство бить медали издревле было уже приведено въ совершенство: о семъ можемъ мы заключить по стариннымъ медалямъ, а особливо по тѣмъ, кои были сдѣланы при перьвомъ Римскомъ Кесарѣ. Но сіе ху-

дожество подобно прочимъ подвержено было своему затмѣнію, и надлежитъ восходить до шестаго столѣтія, дабы найти совершенныя медали. Достопамятный вѣкъ Лудовика XIV, Короля Французскаго, изобиловалъ превосходными рѣщиками, равно, какъ и прочими великими художниками во всякомъ родѣ.

Рѣзьба картинъ изобрѣтена не давно. Первые тому опыты учинены были во Флоренціи на деревянныхъ доскахъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того начали употреблять мѣдныя доски, и картины отъ того учинилися нѣжнѣе и совершеннѣе. Наконецъ изобрѣтена рѣзьба крѣпкою водкою; чрезъ что рѣзьба учинилася столь же богатою и красивою, какъ и живопись.

Славнѣйшіе граверы суть: ле Клеркъ, Пикардъ, Нантоль, Каллотъ, Скородумовъ, Ейзенъ и множество другихъ, коихъ картины по всему свѣту разсѣяны.

О АРХИТЕКТУРѢ.

Вотъ что подало мысли объ Архитектурѣ и о четырехъ главнѣйшихъ ея орденахъ.

Дорій построилъ храмъ Юнонѣ въ городѣ Аргосѣ. Зданіе сіе показалось столь красиво, столь соразмѣрно, украшенія же столь хорошаго вкуса, что въ послѣдствіи начали брать сіе зданіе за образецъ, и сей перьвый строенія способъ названъ былъ Дорическимъ орденомъ: онъ-то нынѣ употребляется въ пространныхъ и огромныхъ зданіяхъ, коимъ тонкость украшеній не приличествуетъ. Орденъ сей познается по его простотѣ; онъ не имѣетъ ни какихъ украшеній ни на базисѣ, ни на верхушкѣ столбовъ.

Послѣ сего, когда Іонійцы построили славный храмъ Діанинъ; то захотѣли къ величавости присоединить болѣе пріятности и тонкости вкуса: въ слѣдствіе чего украсили они столбы завитками, и карнизы зубцами; чрезъ

что и произвели новый орденъ Архитектуры, называемый Іоническимъ.

Калимахъ, славный рѣщикъ Аѳинскій, вздумалъ сдѣлать нѣкоторую отмѣну въ сихъ двухъ орденахъ, а особливо украсить столбы Акантовою вѣтвію: къ чему подала ему мысль корзина, поставленная на гробѣ одной молодой дѣвушки Коринѳской, около коей обвилося Акантовое деревцо; сей случай родилъ третій орденъ Архитектуры, названный Коринѳскимъ. Сей орденъ есть изъ всѣхъ красивѣйшій и богатѣйшій. Верьхушки столбовъ онаго украшены двумя рядами листьевъ, осмью большими завитками и осмью малыми. Карнизъ его украшенъ модильйонами.

Наконецъ Римляне учинили четвертый орденъ изъ смѣшенія трехъ перьвыхъ, убавя отъ одного, занявъ отъ другаго и прибавя нѣчто къ обѣимъ. Сей орденъ называется *Композитъ* или смѣшанный, по тому, что онъ заимствуетъ отъ Іоничес-

каго и Коринѳскаго. У сего ордена верьхушка столбовъ украшена двумя рядами листьевъ, взятыми изъ Коринѳскаго ордена и завитками изъ Іоническаго ордена; столбы его имѣютъ вышины десять своихъ поперечниковъ, а карнизы украшены простыми зубцами.

Красивѣйшія и совершеннѣйшія произведенія Архитектуры, по крайней мѣрѣ изъ оставшихся намъ, есть храмъ Іюлія Цесаря, видимый еще отъ части въ Римѣ. Оставшіеся цѣлые столбы Коринѳскаго ордена подаютъ понятіе о красотѣ, благородной простотѣ и величавости всего зданія. Театръ Марцелловъ и Панѳеонъ почитаются еще совершеннѣйшими произведеніями сего художества. Храмъ Юпитера Анскура, построенный Витрувіемъ, есть въ томъ же вкусѣ. Храмъ мира, воздвигнутый по приказанію Веспасіяна, и которой украсилъ онъ добычами Іерусалимскаго храма, есть также богатѣйшій и пространнѣйшій въ Римѣ.

Въ новѣйшія времена для возстановленія Архитектуры посыланы были Архитекторы въ Римъ и во все прочія мѣста, гдѣ осталися нѣкоторые слѣды древняго Зодчества. Они увидѣли соразмѣрность частей сихъ зданій, и умѣренное употребленіе украшеній, и возвратилися съ истиннымъ понятіемъ о вкусѣ и красотѣ, кои потомъ показали въ построенныхъ ими зданіяхъ.

О музыкѣ.

Музыка есть подражаніе звукамъ, кои природа употребляетъ на выраженіе своихъ чувствій; и поелику природа краснорѣчивѣе изъясняется воплями горести и радости, нежели витіеватѣйшими словами: то изъ того естественно слѣдуетъ, что музыка трогательнѣе и нѣжнѣе поезіи.

Разсказываемое намъ о силѣ древней гармоніи весьма удивительно. Она утишала гнѣвъ и даже самое изступленіе и бѣшенство; умѣряла

или умножала по желанію своему жаръ сражающихся. Тиреей, для учрежденія порядочнаго шествія войскъ своихъ, принуждалъ каждаго солдата означать ногою мѣру своихъ пѣсенъ, шествуя на сраженіе, и одинъ изъ Пророковъ Господнихъ для утишенія волненій, въ кои повергало его пламенное его усердіе, приказывалъ играть при себѣ на арфѣ, и немедленно приходилъ отъ того въ себя.

Сіи удивительныя дѣйствія должно приписывать отмѣнному дарованію и искуству древнихъ музыкантовъ, и живости чувствія, кое умѣли они выражать въ своихъ сочиненіяхъ, поелику древняя музыка не имѣла акордовъ, и слѣдовательно была не способна сама собою производить сіи удивительныя дѣйствія, ей приписываемыя.

Новая музыка превосходитъ древнюю акордами, кои изобрѣлъ въ одиннадцатомъ столѣтіи одинъ Италіянской Венедиктинской монахъ; по-

средствомъ чего музыка можетъ подражать всему, что есть величайшаго и ужаснѣйшаго въ природѣ, какъ то, грому, воплю сражающихся и умирающихъ, и реву раздраженнаго Океана.

Перьвый, употребившій музыку при сраженіяхъ, былъ Озиридъ Царь Египетскій, коему приписывается изобрѣтеніе литавръ и трубъ. С. Амвросій въ четвертомъ по Христѣ столѣтіи, перьвый ввелъ пѣніе въ церьквахъ.

Сначала, для означенія различныхъ музыкальныхъ голосовъ, употреблялися начальныя буквы изъ Азбуки. Послѣ того Гюнд'Арецо, монахъ Венедиктинской, выдумалъ означать ихъ точками на паралельныхъ линѣяхъ. Чрезъ нѣсколько времени потомъ одинъ Парижанинъ, по имени Жанъ де Мїсръ означилъ мѣру и продолженіе оныхъ черными и бѣлыми точками и крючками.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Художества достигли до высочайшей степени своего совершенства немедленными шагами, но почти вдругъ, и сей свѣтлый день насталъ безъ всякаго разсвѣта. Въ Аѳинахъ одинъ и тотъ же самой человѣкъ могъ слушать наставленія Сократа и Платона, Софокловы и Аристофановы піесы и рѣчи Демосѳеновы. Августъ хвалился, что онъ перемѣнилъ всю фассаду города Рима, и одѣлъ его мраморомъ: сіе значитъ, что при немъ возродилися рѣщики, живописцы и Архитекторы, такъ, какъ Стихотворцы и Историки. Въ началѣ пятагонадесять столѣтія всѣ славнѣйшія школы живописи образовалися въ одно почти время въ Римѣ, въ Генуѣ, въ Венеціи и во Флоренціи. Наконецъ отъ 1630 года до 1680 появилися въ царствованіе Лудовика XIV превосходнѣйшіе художники и славнѣйшіе во всякомъ родѣ писатели.

Причины цвѣтущаго состоянія наукъ и художествъ во времена Августовы, Папы Льва X и Лудовика XIV должно отнести ни къ чему иному, какъ къ тому, съ каковымъ стараніемъ прилѣжали къ подражанію всѣмъ древнимъ памятчикамъ живописи и Архитектуры. Сіе рвеніе возгорѣлося въ сердцахъ отъ успѣха въ преслѣдующихъ войнахъ, и отъ нѣкотораго душевозвышенія, причиненнаго тѣми же самыми успѣхами. Когда Римъ, говоритъ Горацій, пересталъ опасаться Карфагенянъ; то начали читать Греческія творенія, и подражать имъ. Во время же Льва X изобрѣтеніе типографіи умножило копіи хорошихъ сочиненій, кои по причинѣ рѣдкости своей были уже почти неизвѣстны: и съ тѣхъ поръ начали стараться перенимать оныя, и подражать имъ. Что касается до Грековъ; то они обязаны были совершенствомъ своихъ художествъ силѣ своего ума, подкрѣпляемаго еще

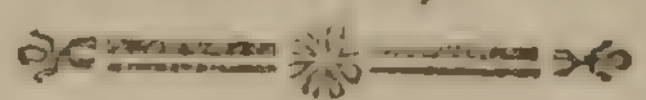
сверьхъ того великостiю мыслей, кои раждало въ нихъ цвѣтущее состоянiе ихъ Государства, и блистательные успѣхи ихъ оружiя.

Причиною же многократныхъ упадковъ наукъ и художествъ было въ разныя времена ничто иное, какъ недостатокъ нѣкоего жара, коимъ воспламеняются умы при царствованiи Великихъ Государей. Желанiе отличиться отъ нашихъ предшественниковъ, и вкусъ лучшихъ вещей, кои становятся нелюбопытными, когда не содержатъ въ себѣ ничего новаго, надмѣру разборчивое старанiе въ поправленiи слога, дабы замѣтить недостатокъ великихъ вещей и чувствiй красивостiю выраженiй. Такимъ то образомъ, когда Грецiя учинилася данницею Римлянъ; то поелику Ораторы не имѣли болѣе случая подавать военныхъ совѣтовъ, или исправлять законы гражданскiе; то и начали они упражняться въ такихъ предметахъ, кои мало заключали въ

себѣ важности: что примѣтя, начали они стараться украсить, елико возможно слогъ свой, для приданія большей цѣны, тонкости и новости мыслямъ.

Для предъупрежденія упадка вкуса и изящныхъ художествъ должны мы обращать умъ нашъ къ великимъ предметамъ. Законъ Христіанской, естьли хотя мало устремишь къ нему вниманіе, имѣетъ чемъ поддержать и возвысить слабѣйшие умы. Паче всего должны мы остерегаться отъ обманчивыхъ приманъ новости и соблазнительнаго блеска Краснословія. Не надлежитъ намъ совращаться съ пути, по коему шли писатели, съ давняго времени почитаемые образцами совершенства, и источниками истиннаго вкуса; изъ новыхъ же подражать только тѣмъ, кои прежнимъ подобны, и пишутъ столь же, какъ и тѣ, естественно, то есть, кои ближе подходятъ къ природѣ.

Конецъ.

НѢЧТО ОТНОСЯЩЕЕСЯ КЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

Въ 1620 году нашли близь острова Корсики кита, въ коемъ было сто футовъ длины; изъ него вынули 135 тысячь фунтовъ жиру, и семнадцать человѣкъ едва могли вытащить изъ тѣла его большую кишку, которая столь была широка, что человѣкъ верьхомъ на лошади могъ въ нее въѣхать. Хребетъ сего животнаго состоялъ изъ 32 позвонковъ. Это была самка, и брюхатая: зародышь изъ нее былъ вынутъ и свѣшенъ: въ немъ нашлося 1500 фунтовъ вѣсу, и 30 футовъ длины.

Сколь ни велико было сіе животное, но путешественники придаютъ еще болѣе величины находимымъ ими китамъ, которая превосходитъ почти вѣроятность: говорятъ, что въ Китайскомъ морѣ видали китовъ длиною 900 футовъ: иные приравнивали

ихъ къ островамъ, къ подводнымъ камнямъ, и изъ сего-то видно родилась у Сѣверныхъ рыболововъ мысль о *Крагенѣ*, или *горѣ рыбѣ*, которая по сказанію ихъ воздымается со дна морскаго наподобіе подводнаго камня, и привлекаетъ на свою спину множество морскихъ звѣрей, кои тутъ и живутъ. Но какъ бы кто не думалъ о сихъ повѣствованіяхъ; по крайней мѣрѣ то истинно, что киты, ловимые прежде сего въ Сѣверѣ, были гораздо болѣе, нежели нынѣшніе; по той, конечно, причинѣ, что тѣ были старѣе: ибо почти не возможно назначить предѣловъ жизни сихъ великихъ животныхъ.

1677 годъ славенъ въ лѣтописяхъ китоловства: 201 корабль различныхъ народовъ, изъ числа коихъ 129 были Голландскихъ, поймали 1968 китовъ, изъ коихъ добыли 67,883 бочки масла, кои съ продажею усовъ доставили 3,724,490 флориновъ. Съ того времени ловля сія не была уже столько же изобильна.

Богатства Абиссинов, по сказанію отца Лобо, наиболѣе состоятъ въ коровахъ. Рога ихъ быковъ суть столь велики, что въ каждый изъ нихъ вмѣщается двадцать бутылокъ: Абиссинцы дѣлаютъ изъ нихъ свои бутылки и кувшины.

Быки, говоритъ Піетро де ла Вале, кои впрягаются въ кареты въ Суратѣ, суть бѣлые, большіе и съ горбами наподобіе верблюдовъ: они бѣгаютъ и скачутъ какъ лошади; ихъ покрываютъ богатыми чепраками, и навѣшиваютъ на шею множество колокольчиковъ, такъ, что когда они бѣгутъ по улицамъ; то весьма далеко слышно. Сіи быки не на одно сіе употребляются въ городахъ Индѣйскихъ; но еще и въ сельскихъ работахъ и въ продолжительныхъ путешествіяхъ.

Могольскія повозки, говоритъ Овингтонъ, суть нѣкоторой родъ двуколесныхъ каретъ, въ которыя впрягаются также быки, кои хотя съ

природы тяжелы и неповоротливы, но прiобрѣтаютъ однакожъ отъ долговременной привычки великую способность къ везенiю сихъ повозокъ, такъ, что ни на какомъ животномъ не можно болѣе уѣхать.

Тѣ два вола, говоритъ Тавернье, кои были впряжены въ мою повозку, стоили мнѣ около 600 рупiй; сему не надлежитъ дивиться: ибо есть весьма сильные быки, кои дѣлаютъ шестидесятидневныя путешествiя, полагая на каждый день по 15 миль, и безпрестанно бѣгутъ рысью. Когда они сдѣлаютъ половину дневнаго пути; то каждому изъ нихъ даютъ по два или по три шара величиною съ копѣечную булку, кои сдѣланы изъ пшеничной муки съ масломъ и черным сахаромъ, а въ вечеру даютъ толченаго крупно гороху полчаса моченаго въ горячей водѣ.

Во всѣхъ странахъ Африки и Южной Азiи находятъ великое число быковъ дикихъ, коихъ тѣлята

ловятся. Они пріучаются сами собою, и бываютъ столь ручны, что повинуются всему, что ни заставятъ ихъ работать: они слушаются голоса своего хозяина; за ними весьма хорошей имѣютъ присмотръ, ласкаютъ ихъ, подковываютъ и кормятъ весьма сытно и хорошо. Воспитанныя такимъ образомъ сіи животныя совсемъ кажутся быть инаго свойства, нежели наши быки, и становятся такъ умны; что почти могутъ быть способны на человѣческія дѣянія: отъ сего-то произходитъ, что быки суть предметы почтенія и суевѣрнаго поклоненія Индѣйцовъ. Готентоты пріучаютъ быковъ своихъ къ войнѣ, и называютъ ихъ бакелейсами, а употребляютъ въ сраженіяхъ почти такимъ же образомъ, какъ Индѣйцы слоновъ. Они научаютъ сихъ быковъ стерѣчь стада, пасти ихъ, пригонять домой, защищать отъ воровъ и отъ дикихъ звѣрей; они научаютъ ихъ знать пріятелей и непріятелей,

разумѣть ихъ знаки, повиноваться ихъ голосу и проч.

Путешественникъ Колбъ описываетъ весьма подробно и любопытно свойство сихъ рогатыхъ пастуховъ и воиновъ. Готентоты, говоритъ онъ, называютъ сихъ быковъ бакелейсами, что на ихъ языкѣ значитъ *воина*: каждая ихъ армія снабдена хорошимъ стадомъ сихъ бакелейсовъ, кои безъ всякаго труда повинуются, и коихъ начальникъ выпускаетъ на непріятеля, когда разсудитъ за благо. Какъ скоро дадутъ имъ волю; то съ бѣшенствомъ бросаются на непріятельскую армію, бодаютъ рогами, брыкаютъ, топчутъ ногами, растерзываютъ брюха, и ломаютъ все съ ними встрѣчающееся съ такою лютостію, что естьли не успѣютъ ихъ отвратить; то они разсвирѣпѣвъ до крайности, разбиваютъ ряды, и наведя ужасъ на непріятелей, доставляютъ своимъ хозяевамъ легкую побѣду...... Ихъ также употребляютъ вмѣсто пасту-

ховъ пасти стада; при малѣйшемъ знакѣ ихъ хозяевъ собираютъ они разсѣявшуюся скотину, и нападаютъ также съ яростію на воровъ. Всякой Кралъ, или Готентотская деревня, имѣетъ по полудюжинѣ такихъ бакелейсовъ, кои выбираются изъ сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ быковъ: когда же одинъ изъ нихъ умретъ, или по причинѣ великой старости не въ состояніи будетъ служить; то хозяинъ такова убиваетъ, и немедленно избираетъ на мѣсто его другова; сей выборъ поручается обыкновенно какому либо старику, котораго почитаютъ способнѣйшимъ къ сему избиранію. Сего нововыбраннаго быка пріобщаютъ къ старшему, и слѣдовательно искуснѣйшему бакелейсу, и научаютъ его слѣдовать за его товарищемъ. Сіи наставленія преподаются ему, или палочными ударами, или иными способами. На ночь связываютъ ихъ вмѣстѣ рогами, и держатъ такимъ образомъ нѣкоторую

часть дня, до тѣхъ поръ, пока молодой быкъ совершенно научится всему, то есть, до тѣхъ поръ, пока сдѣлается онъ исправнымъ пастухомъ.

Дикіе быки Луизіатскіе вмѣсто короткой шерсти, которую имѣютъ наши Европейскіе быки, покрыты тонкою и длинною волною наподобіе шолку, и завитою, которая лѣтомъ бываетъ гуще, нежели зимою. Жители весьма много выгодъ отъ нихъ получаютъ.

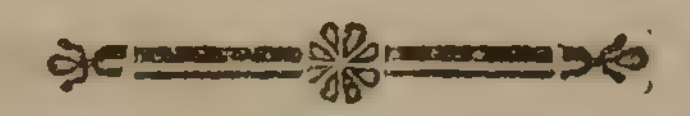
За 15 миль отъ Дацкой рѣки, говоритъ путешественникъ дю Монтъ, находится рѣка, называемая *морскимъ волкомъ*, кои обѣ находятся близь Гудзонскаго залива, и въ сей странѣ есть родъ быковъ, называемыхъ быками Мускусовыми, по той причинѣ, что они весьма много пахнутъ Мускусомъ въ извѣстное время года, такъ, что ихъ тогда ѣсть не льзя. Сіи животныя весьма хорошую имѣютъ шерсть, изъ которой у меня

были чулки лучше шолковыхЪ. Сіи быки, хотя и меньше нашихЪ, имѣютЪ однако же рога гораздо толщѣ и длиннѣе: корни ихЪ сходятся на верьхушкѣ головы, и спускаются близь морды, почти кЪ самому рту; потомЪ концы воздымаются кЪ верьху и составляютЪ полумѣсяцЪ. Есть рога столь толстые и большіе, что мнѣ случалось видѣть, что они свѣшенные имѣли шестдесятЪ фунтовЪ: ноги у нихЪ весьма коротки, такЪ, что шерсть ихЪ волочится по землѣ, когда они ходятЪ, что учиняетЪ ихЪ весьма безобразными, такЪ, что издали не можно различить, гдѣ у нихЪ голова и хвостЪ.

КакЪ бы еще не довольно было чудесЪ, разсказываемыхЪ о бобрахЪ, писатели и путешественники, всегда наклонные кЪ увеличиванію, говоря о сихЪ животныхЪ, настраиваютЪ баснію сверьхЪ басни, и брѣдни на брѣдни. Они говорятЪ, что и у бобровЪ есть родЪ правленія и свои

законы, они сказываютъ, что они учиняютъ невольниками безпорядочныхъ бобровъ, заставляютъ ихъ носить землю, и таскать лѣсъ для строенія; что принуждаютъ къ работѣ лѣнивыхъ, хотя и нѣтъ между бобрами таковыхъ; что они всегда общества свои составляютъ изъ нечетнаго числа, дабы въ совѣтахъ ихъ былъ всегда превышающій голосъ; что общества ихъ имѣютъ президента, а каждое колѣно начальника; что у нихъ есть стража, для общей безопасности установленная; что они когда за ними гонятся, то откусываютъ себѣ естество, для удовлетворенія жадности охотниковъ, и такимъ образомъ изуродованные, показываются для возбужденія жалости. Всѣ сіи сказанія весьма чудесны: но они ни когда не существовали индѣ, какъ въ воображеніи писателей. Бобры не имѣютъ инаго искуства, кромѣ того, о коемъ достовѣрные естествоиспытатели утвержда-

ютъ, чего и одного довольно, для возбужденія нашего удивленія: ихъ республика состоитъ изъ разныхъ членовъ, гдѣ всѣ граждане суть счастливы; общество ихъ просто сопряжено чувствіями взаимнаго дружества и любви, управляетъ онымъ сама натура, и въ немъ нѣтъ блистательныхъ тѣхъ совершенствъ, какія есть у насъ: но за то нѣтъ и пороковъ нашихъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
О
ПРОВИДѢНІИ.

Зенонъ утверждалъ, что провидѣніе или промыслъ печется о родѣ человѣческомъ такимъ же образомъ, какъ присутствуетъ на шарѣ небесномъ; но будучи единообразнѣе Аристотеля, отвергалъ онъ свободное изволеніе человѣка, и въ томъ-то различествовалъ съ симъ Философомъ.

въ прочемъ, какъ одинъ, такъ и другой, признавая существованіе всеобщаго промысла, отвергали бытіе всякаго частнаго провидѣнія. Сіе есть такова свойства провидѣніе, которое не токмо сообразно съ невѣріемъ, какъ наказаніямъ, такъ и наградамъ будущей жизни, но которое даже разрушаетъ совсемъ сей догматъ.

Пиѳагорейцы и Платонисты заблуждалися иначе; ибо сіи двѣ секты вѣрили частному промыслу, простирающемуся на каждаго человѣка особливо; такой же промыслъ, по понятію древнихъ Философовъ, не могъ существовать иначе, какъ не имѣя страстей любви и ненависти: въ семъ то и состоитъ затрудненіе. Сіи секты изключали изъ свойствъ Божества всѣ страсти, а наипаче гнѣвъ; въ слѣдствіе чего отметали они вѣрованіе ученію наказаній и награжденій будущей жизни: но однако же совсемъ тѣмъ вѣровали провидѣнію,

управляющему родомъ человѣческимъ по внушеніямъ страстей. Для изъясненія сего видимаго противорѣчія надлежитъ прибѣгнуть къ одному господствующему началу язычества, то есть къ вліянію, приписываемому оным мѣстнымъ и необходимымъ Божествамъ. Пиѳагоръ и Платонъ учили, что различныя страны свѣта были препоручены отъ Верьховнаго Владыки вселенныя нѣкіимъ нижнимъ и подчиненнымъ ему богамъ. Сіе было зa долго еще до сихъ Философовъ, общее мнѣніе Язычниковъ; оно произходило отъ Египтянъ, у коихъ Пиѳагоръ и Платонъ оное заняли. Всѣ писанія ихъ учениковъ наполнены ученіемъ о демонахъ и духахъ, и столь явнымъ и точнымъ образомъ, что сей догматъ учинился потомъ образовательнымъ свойствомъ Богословіи ихъ. Они полагали, что сіи духи, или подчиненные боги, были подвержены страстямъ, и что посредствомъ ихъ частный промыслъ

имѣлъ свое существованіе. Надлежитъ также здѣсь замѣтить, что причина, которая, по сказанію Халкидіаса, заставляла Перипатетиковъ отмѣтать вѣрованіе промыслу, есть та, что они не вѣровали управленію нижнихъ боговъ; что показываютъ, что сіи два мнѣнія были тѣсно между собою связаны.

Изъ сказаннаго нами явствуетъ, что правило, полагающее, яко бы Богъ не подверженъ гнѣву, правило, кое, по мнѣнію Языческому, испровергало догматъ наказаній и наградъ будущихъ, отпюдь не простиралось на провидѣніе частное боговъ, и что благоволеніе, приписываемое нѣкоторыми Философами Вышшему Божеству, не была, по мнѣнію ихъ, страсть подобная гнѣву, коего они ему не приписывали, но токмо простое благоволеніе, которое въ порядкѣ и правленіи вселенныя направляло цѣлость къ лучшему безъ всякаго наития въ каждую особую систему. Сіе благо-

воленіе не произходило отъ воли; но проистекало изъ самой главносущности Вышшаго Бытія. И такъ, почти всѣ Философы признавали промыслъ, естьли не частный, то по крайней мѣрѣ всеобщій. Демокритъ и Левкипъ почитаются перьвыми промыслоборцами; но мнѣніе сіе Епикуръ предпріялъ утвердить. Всѣ Епикуріянцы мыслили сообразно съ своимъ учителемъ: однако же Лукрецій стихотворецъ въ той самой книгѣ, въ которой опровергаетъ промыслъ, утверждаетъ бытіе онаго выразительнѣйшимъ образомъ, сказавъ, что нѣкая скрытая сила имѣетъ вліяніе на великія произшествія.

Епикуръ въ самой вещи признавалъ бытіе боговъ изъ политики; система же его была совершенное безбожіе. Цицеронъ говоритъ о томъ въ книгѣ своей о естествѣ боговъ. Мы рѣшимъ ниже сего, и постараемся опровергнуть, по чему не вѣрятъ они промыслу.

Всѣ просвѣщенные народы признавали провидѣніе: о Грекахъ можно бы привести множество тому примѣровъ; но мы удовольствуемся однимъ тѣмъ, о коемъ повѣствуетъ Плутархъ въ жизни Тимолеоновой. Какъ скоро Діонисій прибылъ въ Коринѳъ; то не было ни одного человѣка въ Греціи, которой бы не желалъ туда ѣхать, дабы съ нимъ видѣться и говорить: одни ѣхали, весьма радуяся его нещастію, такъ, какъ бы попирая ногами того, кого щастіе низвергнуло; столько-то они его ненавидѣли! Другіе, тронутые столь великою перемѣною, смотрѣли на него съ нѣкоторымъ родомъ сожалѣнія, размышляя о всемогуществѣ сокровенныхъ Божественныхъ причинъ надъ несмысленными человѣками и надъ вещами, ежедневно предъ глазами нашими произходящими. — Должно однако же признаться, что правовѣріе Плутархово не всегда одинаково, и что онъ иногда говоритъ и языкомъ Епикуріянцовъ.

Индійцы, Кельты, Египтяне, Еѳіопы, Халдеи, однимъ словомъ, почти всѣ народы, вѣровавшіе, что есть Богъ, мнили такъ же, что сей Богъ печется о вещахъ человѣческихъ: таково-то сильно и естественно убѣжденіе въ промыслѣ, какъ скоро кто вѣритъ бытію Вышшаго Существа. Очевидность сего догмата нимало не затмѣвается множествомъ пустыхъ противъ онаго возраженій: единыхъ лучей разсудка довлѣетъ намъ, для уразумѣнія, что Создатель сего совершеннаго творенія, коему не можно довольно надивиться, не могъ оставить, и предать оное произволу слѣпаго случая. Какимъ образомъ представить себѣ, чтобъ чадолюбивѣйшій изъ отцовъ оставилъ дѣтей своихъ безъ всякаго призора? На что бы ему сотворять ихъ, естьли бы онъ къ нимъ былъ равнодушенъ? Какой художникъ оставляетъ и нерачитъ о своемъ произведеніи? Какъ можно, чтобъ Богъ, сотворивъ бытій, спо-

собныхъ познавать своего Создателя и слѣдовать законамъ, не далъ имъ оныхъ? Но законы не предполагаютъ ли наказанія злодѣямъ? Какимъ же образомъ наказывать, не зная что происходитъ? Все, что есть въ Богѣ, въ человѣкѣ и во всемъ свѣтѣ, ведетъ насъ къ существованію промысла. Испровергнувъ сію истинну, испровергнешъ законъ; понятіе о Богѣ изгладится, и покусишся вѣрить, что поелику остался одинъ шагъ, дабы впасть въ совершенное безбожіе, то отмѣтающіе промыслъ могутъ быть помѣщены въ число безбожниковъ. Но дабы учинить сіе ощутительнѣйшимъ; то учинимъ сравненіе между Богомъ закона и Богомъ беззаконія, между Богомъ промысла и Богомъ Епикуровымъ, между Богомъ Христіянъ и Богомъ нѣкоторыхъ Ѳеистовъ. Въ системѣ беззаконія вижу я Бога неприступнаго и гордаго, которой не рачитъ, забываетъ о человѣкѣ создавъ его, и боясь унизиться надмѣру,

естьли станетъ о немъ пещися, освобождаетъ его отъ всякой зависимости, предаетъ его изъ презрѣнія всѣмъ заблужденіямъ его гордости, и всѣмъ крайностямъ страстей, не пріемля въ немъ ни малаго участія; Богъ, видящій равнымъ окомъ, какъ торжествующій порокъ, такъ и обиженную добродѣтель, которой не хочетъ быть любимъ, и даже знаемъ своею тварію, хотя и одарилъ ее понятіемъ, удобнымъ его познать, и сердцемъ, способнымъ любить его. Въ системѣ промысла я вижу напротивъ того, Бога мудраго, коего неподвижная воля есть неподвижное прилѣпленіе къ порядку, Бога благаго, коего отеческая любовь за удовольствіе почитаетъ возраждать въ сердцѣ человѣка сѣмяна добродѣтели, имъ посѣянныя, Бога справедливаго, награждающаго безъ мѣры, исправляющаго безъ надмѣнности и жестокости, наказующаго соразмѣрно проступкамъ; вижу Бога, желающаго быть знаемымъ,

увѣнчавающаго въ насъ собственные дары свои, дань, воздаваемую нами его безконечнымъ совершенствамъ, и любовь, имъ же въ насъ къ онымъ внушаемую. Предлагается Ѳеисту, находящемуся между сихъ двухъ картинъ, принять ту, которой начертаніе наиболѣе согласуется съ его разумомъ.

Естьли бы мы и могли не познать промысла въ зрѣлищѣ вселенныя; то нашли бы оное познаніе въ самихъ себѣ. Не ища убѣгающихъ отъ насъ причинъ, отверземъ слухъ нашъ внутреннему гласу, стремящемуся къ нашему наставленію. Человѣкъ есть сокращенная вселенная и подобіе Создателя. Когда не можемъ мы созерцать сего великаго подлинника; то будемъ довольны разсматриваніемъ онаго въ его образѣ. Мы ни гдѣ его лучше не можемъ найти, какъ въ тѣхъ спискахъ, въ коихъ онъ хотѣлъ себя изобразить. Усредоточась въ самаго себя, ощущаю я въ себѣ

нѣкое начало, мыслящее, судящее, хотящее; сверьхъ того нахожу еще, что я есмь тѣло организованное, удобное къ безчисленности разнообразныхъ движеній, изъ коихъ нѣкоторыя совершенно отъ меня не зависятъ, иныя отъ части зависятъ, а прочія совершенно въ моей власти. Движенія, отъ меня независящія, суть на примѣръ, крововрашеніе и соковращеніе, изъ чего произтекаютъ питаніе и составленіе жизненныхъ спиртовъ. Сіе движеніе не могу я остановить дѣйствіемъ моей воли, и не могу жить, естьли какая посторонняя причина перерветъ его теченіе. Я нахожу въ себѣ другія движенія, столь же независящія отъ воли моей, какъ и крововращеніе; но кои могу я на нѣсколько мгновеній остановить, не разрушивъ всей моей машины. Таково между прочими есть движеніе дыханія, кое могу я удержать, когда захочу; но не на долго посредствомъ воли моей, не прибѣгая къ инымъ способамъ.

Наконецъ есть во мнѣ нѣкоторыя жидкости, блудящія по всѣмъ различнымъ протокамъ, коими тѣло мое наполнено, но коихъ теченіе могу я опредѣлить дѣйствіемъ моей воли. Безъ сего дѣйствія сіи жидкости, кои назову я жизненными спиртами, текутъ съ помощію своей природной дѣятельности, безъ разбору по всѣмъ встрѣчаемымъ порожнимъ протокамъ; не привязываясь къ одному мѣсту болѣе, нежели къ другому, подобно служителямъ, ходящимъ нерадиво въ задъ и въ передъ въ ожиданіи приказаній господина ихъ; но смотря по желаніямъ моимъ онѣ преносятся въ особливые протоки, по мѣрѣ большей, или меньшей въ томъ надобности, которой я есмь судія. Я вижу въ найденномъ мною во мнѣ самомъ справедливое изображеніе всея вселенныя. Мы видимъ въ оной порядочныя и постоянныя движенія, отъ коихъ зависятъ всѣ прочіе, и кои суть во вселенной то

самое, что крововращенiе въ тѣлѣ человѣческомъ. Сего движенiя Богъ не останавливаетъ, равномѣрно, какъ и человѣкъ не останавливаетъ движенiя кровообращенiя, съ тою однако же разницею, что въ насъ сiе есть знакъ недостатка могущества, а въ Богѣ непреложности. И такъ мы сравнимъ всеобщiя движенiя нашихъ тѣлъ, независящихъ отъ насъ, съ всеобщими и непремѣнными уставами, кои Богъ предписалъ веществу. Но какъ мы находимъ въ себѣ нѣкоторыя движенiя, хотя отъ насъ и независящiя, но коихъ теченiе можемъ мы однако же на время остановить, какъ то дыханiе; то равномѣрно вижу я во вселенной движенiя весьма порядочныя, произходящiя отъ всеобщихъ движенiй, кои Богъ можетъ остановить на время, не причиня вреда сему удивительному порядку, но которой бы необходимо разстроился, естьли бы сiе остановленiе долѣе продолжилося. Таково, на примѣръ, движенiе Солнца

и Луны, кои Богъ остановилъ, дабы дать время Iисусу Навину одержать побѣду надъ врагами его народа. Наконецъ я нахожу, какъ въ природѣ, такъ и въ себѣ, безчисленное множество жидкостей разнаго рода, разлитыхъ во всѣхъ порахъ и межуткахъ тѣлъ, кои сами по себѣ, хотя и имѣютъ движенiе, но такое, которое не имѣетъ опредѣленнаго направленiя въ ту или другую сторону. Сiи-то жидкости суть въ природѣ то, что жизненные соки въ тѣлахъ человѣческихъ, то есть, соки, необходимо нужные, для всѣхъ главныхъ и не зависящихъ отъ насъ движенiй, но сверьхъ того подчиненныя нашимъ хотѣнiямъ.

Продолженiе впредь.

НѢЧТО О РЫБАХЪ.

Г. Шеферъ замѣчаетъ, что нѣтъ ни одной части животнаго царства, гдѣ бы разновидность и недознаніе болѣе находилися, какъ въ рыбахъ. Стараніе, ихъ измѣрять, есть трудъ тщетный: онъ часто бралъ многихъ рыбъ одного рода, одного вѣса и одной длины; измѣрялъ ихъ въ разныя времена многократно; и сравнивая сіи измѣренія, не могъ найти личего достовѣрнаго и точнаго.

Есть такія рыбы, какъ на примѣръ, *фрауенфишъ* Регенсбургская, которая только во время мѣтанія икры имѣетъ остроконечную чешую.

Иногда въ рыбахъ одного рода бываетъ менѣе позвонковъ и реберъ въ одной, нежели въ другой, и проч. Сіе доказываетъ, что простое розрядство (classification) и обыкновенныя рыбоописанія не весьма полезны, и не могутъ довести рыбословіе (Ихтіологія) къ нѣкоторой досто-

вѣрности, до тѣхъ поръ, пока не станутъ присоединять къ тому раскрашенныхъ изображенiй. Среди сего удивительнаго множества разнообразiя, къ чему можетъ послужить описанiе одной рыбы? Г. Шеферъ онымъ и не ограничилъ своихъ изысканiй. Онъ всегда наблюдалъ попеременно многихъ живыхъ и сонныхъ рыбъ ловимыхъ въ разныхъ рѣкахъ и въ разныя времена, и сiи наблюденiя сравнивалъ съ первымъ своимъ описанiемъ.

Большая часть рыбословов утверждаютъ, что рыбы не имѣютъ слуху: Г. Клейнъ есть въ томъ числѣ, и Г. Шеферъ показываетъ наклонность вѣрить сему мнѣнiю. Однако же онъ объявляетъ, что не справедливо сказано было, будто двѣ главныя косточки, называемыя слухомъ, не во всякое время у рыбъ бываютъ. Нашъ Физикъ всегда находилъ ихъ въ безчисленномъ почти томъ множествѣ рыбъ, коихъ онъ

разнималъ. Но заблужденіе сіе происходитъ отъ того, что потребно превосходное искуство для неупущенія ихъ, а безъ того они легко укрываются отъ глазъ, и остаются погребенными подъ мозговымъ веществомъ.

Изобиліе икры, или яицъ рыбьихъ, есть вещь весьма извѣстная. Г. Шеферъ щитаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Онъ прежде свѣситъ всю икру, или яичникъ простой или двойной. Потомъ беретъ вѣсъ одного грана, и щитаетъ сколько яицъ содержится въ семъ гранѣ; послѣ чего весьма удобно узнать, сколько содержится оныхъ во всемъ вѣсѣ.

Рыбы имѣютъ свои болѣзни. Но опытъ показалъ Гну Шеферу, что они имѣютъ иногда одинакія съ человѣкомъ и съ четвероногими немощи. На примѣръ, онъ находилъ въ нихъ согнившую печонку, и наполненную бѣловатыми шариками, подобными просянымъ зернамъ, изъ коихъ выжималъ онъ нѣкоторой родъ жел-

товатаго гноя. Въ сихъ больныхъ рыбахъ желчный пузырь былъ совсемъ безъ желчи, а пѣчонка была желта или блѣдна.

Нечаянной случай показалъ сему наблюдателю, какимъ образомъ самки мечутъ икру. Между тѣмъ, какъ живописецъ списывалъ одну живую самку; то она выпустила изъ отверстія, подъ заднимъ проходомъ находящагося, два ряда икры, кои растянулися въ водѣ на подобіе лѣнтъ, вмѣстѣ связанныхъ. Гнъ Шеферъ сохранилъ сію икру въ водѣ, и держалъ оную въ продолженіе многихъ недѣль; но поелику не была она напитана молоками, то есть сѣмянемъ самца; то и осталася безъ дѣйствія.

Китъ есть величайшая изъ морскихъ рыбъ, и первая изъ сосцепитательныхъ животныхъ. Сіи животные дышатъ посредствомъ легкаго, совокупляются и родятъ дѣтей живыхъ, какъ четвероногія. Дѣтородный же китовъ удъ употребляется да-

мами на зонтики и шнурованья и проч.

Прочіе рыбы не совокупляются; но самецъ безъ всякаго къ самкѣ прикосновенія, обливаетъ молоками выпущенную ею икру.

О ТЯГОСТИ ВОЗДУХА.

Воздухъ есть та невидимая и упругая жидкость, которая насъ окружаетъ, и занимаетъ вокругъ земли пространство, коего предѣлы намъ не извѣстны.

Мы не знаемъ также, каковъ есть видъ частицъ, составляющихъ сію текущую массу, поелику онѣ надмѣру тонки, и слѣдовательно неудобопримѣчательны. Стихіи знать иначе не можно, какъ судя по свойствамъ ощутительнымъ, происходящимъ отъ сборища и движенія ихъ частицъ; того ради не возможно ис-

толковать, такимъ образомъ онѣ дѣйствуютъ: но когда свойственности ихъ извѣстны; то большая часть зависящихъ отъ того дѣйствій могутъ удобно быть истолкованы.

Надлежитъ различать въ воздухѣ собственную тягость сея чистыя стихіи съ тою, которая происходитъ отъ различныхъ иныхъ веществъ, оную обременяющихъ, а особливо по близости отъ земли; безъ сего различія стали бы мы приписывать собственной тягости стихійнаго воздуха многія явленія, кои она не способна производить: и дѣйствительно, чистый воздухъ столь легокъ, что когда только извлекутъ изъ него наполняющія его водяныя частицы; то вѣсъ его будетъ весьма малъ; и естьли бы равномѣрно можно было извлечь изъ сея стихіи прочихъ родовъ частицы, коими онъ кромѣ водяныхъ еще остается наполненъ; то вѣроятно, что тягость его была бы тогда почти неощутительна.

И такъ воздухъ парокружный бываетъ болѣе или менѣе тяжелъ, смотря по тому, сколько наполченъ онъ посторонними веществами: слѣдовательно ближайшій къ землѣ воздухъ есть тяжелѣ дальнѣйшаго.

Воздухъ также бываетъ тяжелѣ или легчѣ, смотря по тому, сколько онъ сжатъ стужею, или разжиженъ теплотою.

Кубичный футъ воздуха, близь земли имѣющагося, будучи свѣшенъ въ умѣренную погоду, содержитъ въ себѣ унцію, или шесть золотниковъ. Воздушный столбъ, имѣющій въ основаніи футъ, и простирающійся до высочайшихъ предѣловъ парокружія, вѣситъ надъ землею, или надъ другимъ какимъ тѣломъ, на которое онъ налегаетъ, пятнадцать фунтовъ. Вѣсъ воздуха, окружающаго средняго роста человѣка, и давящаго его, содержитъ въ себѣ около тридцати тысячь фунтовъ, когда воздухъ легковѣсенъ, то есть, когда мало въ

немъ паровъ; но сія тягость можетъ увеличиться отъ приращенія паровъ до сорока тысячь фунтовъ.

Перемѣга воздушнаго вѣса можетъ приключить въ тѣлахъ нашихъ примѣтное разстройство. Казалось бы, что чемъ тяжелѣ воздухъ, тѣмъ бы болѣе вѣсъ его долженствовалъ насъ угнѣтать; но напротивъ того мы тогда чувствуемъ великую тягость, когда онъ легокъ. Тѣло наше наполнено жидкостями, заключающимися въ сосудахъ, коихъ внутреннія стенки суть столь тонки и удоборастягивательны, что когда онѣ не довольно бываютъ сжаты давленіемъ внѣшняго воздуха; то надмѣру напряжены и растянуты упругостію воздуха, смѣшаннаго съ жидкостями нашими; сіе растяженіе утѣсняетъ дѣйствіе сосудовъ и всѣхъ прочихъ частей тѣла: отъ того-то происходитъ, что въ дождливое время, когда воздухъ бываетъ очень легокъ, мы чувствуемъ себя тяжелѣе

и лѣнивѣе обыкновеннаго. По сей-то самой причинѣ животныя подъ Пневматическимъ колоколомъ гораздо удобнѣе выдерживаютъ большое количество весьма здавленнаго воздуха, нежели малое количество надмѣру разжиженнаго. И такъ сіе несомнѣнно, что воздухъ, надъ нами висящій, препятствующій излишнему растяженію сосудовъ нашего тѣла, и коего тягость столь соразмѣрна, смотря по времени и мѣстамъ, не можетъ причинить великихъ перемѣнъ въ нашемъ здравіи.

Воздухъ кажется послѣ огня легчайшею изъ стихій, по тому, что онъ помѣщенъ непосредственно подъ мѣстозаймищемъ Еѳира; однако же намъ равномѣрно извѣстно, что тончайшія частицы прочихъ стихій возносятся къ мѣстозаймищу воздуха, когда онѣ отдѣлены и свободны; особливо же вода возносится туда въ большомъ количествѣ; частицы же масляныя и соляныя всегда разсѣва-

ются по оному, какъ скоро отдѣляется отъ другихъ стихій: тончайшія земляныя частицы суть также весьма лѣтучи, ибо онѣ вырываются и остаются какъ бы повѣшенными въ пароъружіи, даже и тогда, когда онѣ соединены съ другими началами. Всѣ сіи частицы послѣ отъ того только упадаютъ, что соединясь, составятъ маленькія тѣла, превосходящія тяжестію воздушныя частицы. Мы судимъ о тягости стихій относительно одна къ другой только въ такомъ случаѣ, когда атомы одной стихіи собраны вмѣстѣ, и тогда, какъ атомы разныхъ стихій соединены; но тогда сіи соединенныя атомы могутъ составить весьма тяжелыя тѣла, хотя составляющія оныя частицы суть и весьма сами по себѣ легки: слѣдовательно тягость сихъ тѣлъ можетъ превосходить тягость воздуха, которой имъ равенъ въ пространствѣ. И дѣйствительно оныя должны быть тяжелѣ по тому, что воздушныя атомы со

ставляютъ вмѣстѣ только весьма жидкое тѣло, весьма рѣдкое, и слѣдовательно весьма легкое; но изъ сего не можно заключить, чтобъ воздушныя атомы были легче водяныхъ, земляныхъ, желѣзныхъ и проч.

Съ того времяни, какъ чрезъ многократные опыты убѣдилися мы, что воздухъ имѣетъ въ занимаемомъ имъ мѣстѣ давленіе, открыто множество дѣйствій, зависящихъ отъ тягости парокружія, и кои нынѣ весьма ясно толкуются: таковы на примѣръ, висѣніе ртути въ барометрѣ, возхожденіе воды въ насосъ, воздыманіе мяса въ накидываніи горшковъ, вшествіе воздуха въ грудь во время дыханія и проч.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ОТЪ ЖЕЛУДКА.

Когда боль ощущается въ верьхней части желудка къ лѣвому боку, называемой *Кардїа*; то болѣзнь сія называется Кардіалгія. Острая, накопившаяся въ семъ мѣстѣ мокрота, излишняя желчь, воспаленіе, глисты, контузіи, надмѣру крѣпкія напитки, натощакъ употребленные, и все то, что крѣпко, или способно раздражить сію часть внутренности, можетъ произвести кардіалгію. Естьли причина сей болѣзни горяча; то больной чувствуетъ жажду, во рту горько, солоно, сухо и горячо: естьли же

къ сему присоединится лихорадочный жаръ; то сіе можно приписать разлившейся желчи, которая удобна произвести воспаленіе и рожу. Примѣчаютъ, что чемъ сильнѣе жаръ, тѣмъ менѣе крови въ жилахъ, и та отчасти гнила: и чахотка часто слѣдуетъ за такою немощію. Мокротная рвота, не сопровождаемая ни разстройствомъ въ тѣлѣ, ни жаромъ, означаетъ, что желудочная сія боль произошла отъ холодной причины. Иногда обѣ причины, соединясь вмѣстѣ, производятъ сію болѣзнь, и возвѣщаются стеченіемъ, свойственнымъ каждой изъ нихъ признакомъ. Во время рвоты, причиненной черною желчью, больной чувствуетъ горькость во рту, и вскорѣ послѣ того почасту тягость въ ипохондрахъ: естьли острота столь сильна, что можетъ ободрать кожу во рту и внутренность желудка; то сія немощь становится опасною. Когда мокрота, остановясь при устьѣ желудка, не преодолѣется лѣкарствами;

то дѣлается въ томъ мѣстѣ нарывъ. Весьма также опасно, когда глисты причиняютъ кардіалгію. Внутренность, наполненная вѣтрами, напряженіе почекъ, частая отрыжка, суть признаки, что боль желудочная произходитъ отъ вѣтровъ.

Случается, что беременныя женщины выкидываютъ отъ кардіалгіи; многія весьма скоро умираютъ, когда сія болѣзнь сопровождается обмороками, трепетаніемъ сердца, болью въ головѣ, труднымъ дыханіемъ. Сіи знаки слабости суть въ особливости ощутительны и опасны въ престарѣлыхъ людяхъ.

Нѣкоторые наблюдатели увѣряютъ, что естьли на правой ногѣ сдѣлаются волдыри во время кардіалгіи; то больной умретъ въ двадцать седьмой день послѣ того: естьли же на бровяхъ сдѣлаются прыщики, и потомъ загноятся, и сдѣлаются небольшими ранками; то больной прежде осми дней умретъ.

Лѣкарства.

I. ОтЪ кардіалгіи, или желудочной боли, произходящей отЪ жара, должно размѣшать столовую ложку яшной полуизжаренной муки вЪ рюмкѣ смородиннаго или берберичнаго соку, и принять по утру натощакЪ: сіе должно продолжать нѣсколько дней.

Или покушать рыбы сЪ лимоннымЪ сокомЪ, или уксусомЪ.

ДнемЪ должно вЪ жажду пить лимонадЪ. НадлежитЪ кушать сочныя мяса и сырыя овощи. Также садиться вЪ холодную ванну.

Однако же, поелику должно опасаться, чтобЪ не простудить совершенно желудокЪ; то между прохладительными надлежитЪ раза по два вЪ недѣлю принимать по немногу кораллового порошку, или изЪ раковыхЪ жерновокЪ, и желтаго сандала.

Можно примѣшать гранЪ опіума вЪ столовую ложку гренатоваго сиропа и принять на ночь; или двѣ ложки

соку травы подорожника въ стаканѣ воды, примѣшавъ къ тому немного сахару.

Должно отъ времени до времени принимать слабительное изъ навара двухъ унцій тамарину, въ которомъ распустить драхму ревеню, или одну или двѣ унціи манны. Естьли съ самаго начала болѣзни примѣтятъ тошноту; то должно дать рвотнаго, которое полегче, о чемъ должно посовѣтовать съ лѣкаремъ: послѣ же рвотнаго принять какое либо сердцекрѣпительное лѣкарство, какъ то, Алкермесова конфекту, или розоваго конбула.

Не худо также по часту открывать жилу, но по малому количеству пускать каждой разъ крови: когда къ болѣзни сей присоединится большой жаръ, грудные и мягчительные декокты весьма къ тому способны.

II. Когда болѣзнь сія будетъ сопряжена съ рожею и воспаленіемъ;

то наблюдать то же самое, выключая рвотнаго, вмѣсто коего надлежитъ ставить больному часто холодительные клестиры, пускать крови столько, сколько дозволятъ то силы и возрастъ больнаго; вмѣсто же ревеню и манны должно въ слабительное примѣшать очищенной кассіи.

III. Естьли же боль происходитъ отъ мокроты; то съ начала надлежитъ принять рвотное; чрезъ два дни послѣ того принять слабительное изъ манны, и въ продолженіе нѣсколько дней принимать въ небольшомъ количествѣ вина по двадцати грановъ толченаго въ мѣлкой порошокъ калгану, и столько же корней зедоарныхъ съ десятью гранами шафрана, или приправлять похлебку и мяса мушкатнымъ орѣхомъ, перцомъ и гвоздикою. Вообще, когда кардіалгія происходитъ отъ холодной причины; то надлежитъ употреблять нѣсколько горячительную пищу, какъ то, баранину, голубей, куропатокъ,

перепѣлокъ, жаворонковъ и проч. Простой же народъ можетъ довольствоваться обыкновеннымъ мясомъ, приправленнымъ тминомъ, шалфеемъ, чеснокомъ, лукомъ, петрушкою и проч. Послѣ кушанья должно жевать корицу, анисъ или укропъ.

Въ вечеру ложась спать, или по утру, должно пить по рюмкѣ полыннаго вина, или водки, распустивъ полдрахмы Ѳеріяка.

Въ мѣсяцъ раза по два должно принимать слабительное, какъ то, сабурныя пилюли, или сиропъ изъ блѣдныхъ розовъ, спать мало, сколько можно болѣе имѣть движенія, пить больше вина за обѣдомъ, не много ѣсть фруктовъ, и употреблять при окончаніи обѣда по нѣскольку стараго сыра.

Отъ холоднаго желудка.

I. Возми фунтъ анису, четыре унціи коріандру, и укропнаго сѣмя и столько же сахару. Истолки все

сіе въ порошокъ, и просѣй ситомъ. Сего должно принимать по ложкѣ послѣ кушанья.

II. Пѣй всякой день по немногу полыннаго вина, или водки, съ корицею и мозжевеловыми ягодами настоянной. Но должно перестать когда почувствуешь жаръ, и что отъ сего грудь сдѣлается суха.

Примѣчаніе. Холодной и сырой желудокъ споспѣшествуетъ желудочнымъ болѣзнямъ, боли въ боку, подагрическимъ припадкамъ, и часто причиняетъ небольшую безпрестанную почти лихорадку съ неутолимою жаждою. Крѣпкое вино холодное вино, дыни и прочіе фрукты, салатъ, зелень, пирожное умножаютъ еще сію болѣзнь. Старое вино вредно таковымъ желудкамъ, а новое полезно. Перецъ ихъ не столь горячитъ, какъ корица.

Когда желудочная боль произходитъ отъ черной желчи; то надлежитъ весьма часто принимать сла-

бительное изЪ взвара многоножника, вЪ которой на цѣлую ночь положить вариться на горячей золѣ двѣ драхмы Александрійскаго листа, и драхму корицы; сей взварЪ надлежитЪ процѣдить, и потомЪ распустить вЪ ономЪ двѣ драхмы конфекта hamech сЪ одною унціею яблочнаго сиропа. ВЪ похлебки примѣшивать ложки по три или по четыре соку изЪ травы огуречнаго духу.

ОтЪ боли же, причиняемой глистами, принимать ревень, мятный порошокЪ и померанцовую корку.

Во всѣхЪ же другихЪ родахЪ кардіалгіи весьма полезно принимать рвотное, и потомЪ укрѣплять себя раковыми жерновками, АрмянскимЪ болусомЪ, приготовленнымЪ жемчугомЪ и оленьимЪ рогомЪ: примѣшивая которое либо изЪ сихЪ веществЪ вЪ консервЪ или розовый, или фіалковый, и проч.

III. Должно выпить три ложки соку пятилистнику сЪ небольшимЪ количествомЪ вина.

IV. На тощакъ хорошо жевать корень зедоарный.

V. Были примѣры, что многія особы, употребляя тщетно всякія лѣкарства, совершенно излѣчилися, поставя себѣ двѣ апектуры: перьвую у верьхней части желудка, а вторую у лѣваго боку.

VI. Возми четыре фунта полынныхъ листьевъ, истолки ихъ въ ступѣ, и сдѣлай тѣстомъ, и смѣшавъ оное хорошенько съ двумя противъ того долями сахару, сдѣлай родъ опіата. Высушивъ на солнцѣ, употребляй по немногу, когда почувствуешь какую нибудь боль или тягость въ желудкѣ.

VII. Наполни деревянную чашу горячею золою: смочи ея виномъ, покрой сверьху холстиною, и завернувъ оною всю чашу, приложи къ желудку.

VIII. Приложи къ желудку подушечку, или мѣшечекъ, наполненный подогрѣтою на сковородѣ солью.

IX. Возми хлѣбнаго мякиша, и намочи его въ ромашковомъ маслѣ; и наблюдая, чтобъ онъ былъ столь же горячь, каковъ бываетъ вынутой только изъ печи хлѣбъ, заверни въ полотно, и приложи къ больному желудку.

X. Наполни свиной пузырь декоктомъ изъ лавроваго листа, душицы, маіорану, мяты, тмину, ромашки, мелилоту, сѣмянъ анисовыхъ и укропныхъ, и приложи оной къ больному мѣсту: когда же простынетъ, то разогрѣвъ, опять приложи.

XI. Замѣси лепешку изъ горсти полыни, мяты и розовыхъ цвѣтовъ съ яшными дрождями и виноградным винпритомъ, и приложи къ желудку.

Пластырь
Великаго Герцога Тосканскаго отъ желудочной боли.

I. Возми три драхмы гумми такамагака, три драхмы Перуанскаго бальсама и столько водки, чтобъ

оная покрывала сіи снадобья, и разогрѣвъ сіе на тихомъ огнѣ, пока вся водка пропадетъ, прикладывай къ желудку.

II. Возми горсть мяты, размариновыхъ цвѣтовъ, и маіорана, истолки ихъ въ мраморной иготи съ двумя или тремя яичными желтками, немного розоваго масла и просѣянной пшеничной муки. Сдѣлай изъ того пластырь, и приложи къ больному мѣсту. Сей пластырь также помогаетъ отъ колики.

Другія многія лѣкарства отъ желудка.

1. Гвоздичной ессенціи должно принимать отъ одной до трехъ капель.

2. Коричневая ессенція, одна капля.

3. Коричневая вода, отъ одной до трехъ драхмъ.

4. Коричневая тинктура, отъ полудрахмы до двухъ драхмъ.

5. Мушкатный цвѣтъ, отъ шести грановъ до одного скрупула.

6. Мушкатное масло; прикладывать съ наружи, и принимать внутрь. Количество прїема должно быть отъ четырехъ до десяти грановъ.

7. Унгарская водка, отъ полудрахмы до двухъ драхмъ.

8. Тинктура соли виннаго камня. Прїемъ отъ десяти до тридцати каплей.

9. Сабурный екстрактъ. Отъ четырнадцати грановъ до одной драхмы.

10. Полыннаго взвару по произволенїю.

11. Вода Грецкихъ орѣховъ. Отъ одной до семи унцїй.

12. Вода мелисовая магистральная. Прїемъ отъ одной драхмы до унцїи.

13. Екстрактъ Грецкихъ орѣховъ, отъ одного скрупула до драхмы.

14. Шалфейный консервъ, или взваръ.

15. Розовый спиртъ, отъ полудрахмы до двухъ драхмъ.

16. Розовая вода, отъ одной унцїи до шести.

17. Ревень, отъ полускрупула до одной драхмы.

18. Ревенный екстрактъ, отъ десяти грановъ до двухъ скрупуловъ.

19. Вода померанцовыхъ цвѣтовъ отъ одной драхмы до одной унціи.

20. Винный медъ, полстакана.

Лѣкарство отъ желудочной боли причиненной несваренïемъ, или сопровождаемой рвотою.

Возми лоскутъ сапожной кожи съ руку величины, намажь на оную митридату толстой слой, напороши сверьху мушкатнымъ орѣхомъ въ довольномъ количествѣ, прикрой ее другимъ лоскутомъ кожи, и скатавъ ихъ вмѣстѣ, приложи къ желудку.

Естьли желудокъ не можетъ ничего въ себѣ держать.

Выпусти изъ яица бѣлокъ, наполни его Французскою водкою: оставь его такимъ образомъ нѣсколько времени, и потомъ выпустя проглоти; то вскорѣ почувствуешь облегченіе.

Для укрѣпленія желудка.

1. Принимай по утру натощакъ одинъ разъ въ недѣлю по цѣлой драхмѣ Угарской водки въ мясной похлебкѣ. И такою же водкою три желудокъ рукою.

2. Принимай ежедневно по нѣскольку капель полыннаго екстракта въ похлебкѣ.

3. Всѣ горькія вещества весьма удобны укрѣплять желудокъ.

Похлебка, для укрѣпленія желудка, послѣ долговременной болѣзни.

Возми хорошаго цыпленка, отрѣжь ему голову и ноги, обдери его еще теплаго. Положи въ горшокъ съ тремя мѣрами воды, которыя должно уварить такъ, чтобъ только [illegible]ѣ осталися. За четверть часа пр[illegible]ъ тѣмъ, какъ вынимать похлебку, брось въ нея два финика, четыре себе[illegible]ты(*), четыре ююба, щепоть коринки и доб-

(*) Родъ сливъ, привозимыхъ изъ Египта.

рую горсть ключеваго кресу. Когда все сіе четверть часа покипитъ; по процѣди бульонъ, не выжимая ничего, и дай его больному.

Сей похлебки должно ѣсть по два раза въ день по тарелкѣ, по утру около семи часовъ, и чрезъ три часа послѣ ужина. Сей вечерній бульонъ должно разогрѣвать въ кипяткѣ.

Для желудка престарѣлыхъ людей.

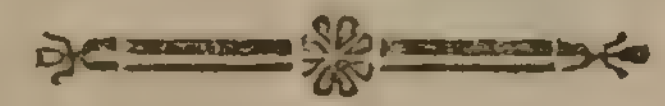
Возми сѣрой амбры два грана, мушкатнаго орѣха и шафрана каждаго по грану, лабданумъ три или четыре грана; и накатавъ изъ сего пилюль, дай принять въ одинъ разъ.

Какъ очистить желудокъ отъ дурныхъ соковъ.

1. Положи въ стеклянной кубъ непосредственно болѣе цвѣтовъ или листьевъ розмариновыхъ, прибавь къ тому столько же маіорану, шесть аптекарскихъ фунтовъ добраго вина, толченой крупно гвоздики и такова же инбирю каждаго по скрупулу, и

заткнувъ плотнѣе сосудъ, дай девять или десять дней настояться. Послѣ чего перегони посредствомъ кипятка, и принимай по столовой ложкѣ съ сахаромъ

2. Естьли кто почувствуетъ тягость въ желудкѣ, боль и переполненіе, кои произходятъ отъ изобилія сыростей; то самое легчайшее средство, и скорѣйше тому пособить, состоитъ въ томъ, чтобъ проглотить три цѣлыхъ зерна чернаго перцу наподобіе пилюль: но послѣ сего не должно ни чего употреблять прежде истеченія трехъ или четырехъ часовъ.

О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ ПЛАСТЫРЕЙ.

отъ разныхъ опасныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ болѣзней.

Пластырь есть внѣшній медикаментъ, густаго и вязкаго свойства, состав-

ленный изъ разныхъ припасовъ, свaренныхъ и смѣшанныхъ вмѣстѣ; его намазываютъ на холстину или на кожу, и прикладываютъ къ больному мѣсту.

Вещества, придающія пластырю густоту, суть: воскъ, рѣзина или живица, смолы, жиры, литаргиріумъ или глетъ, бѣлила, миніумъ и проч.

Пластырь цефалическій или корональный разводящій густую мокроту и истребляющій оную совершенно.

Его употребляютъ для укрѣпленія мозгу, въ разслабленіи и параличѣ. Прикладывается же онъ ко лбу.

Истолки и разотри вмѣстѣ стираксы, росного ладану, мастики, такамагака, ладану, лабданумъ и гумми hederae (*), каждаго по двѣ унціи: еще разотри особливо, и истолки вмѣстѣ въ порошокъ, гвоздики, мушкатнаго орѣха и корицы, каждаго по

(*) Плющовая смола, находящаяся во всѣхъ аптекахъ.

двѣ унціи. Потомъ положи всѣ сіи порошки вмѣстѣ въ иготь, и смѣшай ихъ, подливъ туда унцію Венецейскаго терпентина, и сколько нужно жидкой стираксы самой чистой, дабы придать сей матеріи густоту пластыря, и сбивъ все сіе гораздо вмѣстѣ, употребляй.

Пластырь цикутный, весьма сильно разводящій густыя мокроты, а особливо затвердѣлости печенки и селезенки, лупы и проч.

Положи въ горшокъ два съ половиною фунта гумми амоніаку, истолченной крупно, налѣй около четырехъ фунтовъ цикутоваго соку, изъ свѣжей цикуты выжатаго; дай смолѣ настояться въ семъ соку въ продолженіе шести часовъ на горячей золѣ до тѣхъ поръ, пока сія смѣсь получитъ густоту сиропа. Потомъ кипятить ее четверть часа полегоньку, дабы смола совершенно распустилася, процѣди ея и выжми сквозь хол-

стину, и вари до густоты пластыря. Послѣ чего кладутъ въ него восемь унцій желтаго воску, изрѣзавъ его въ куски, и дать ему растопиться въ пластырѣ, помѣшивая деревянною лопаткою на тихомъ огнѣ. Когда сіе хорошенько смѣшается; то простуди и храни въ глиняномъ горшкѣ, для употребленія въ нуждѣ.

Пластырь сѣрный, излѣчающій большую часть ранъ и чирьевъ.

Распусти въ трехъ унціяхъ сѣрнаго масла полъунціи желтаго свѣжаго воску, изрѣзавъ его въ малые куски, и три драхмы канифоли. Смѣшавъ все сіе гораздо вмѣстѣ, прибавь смирны въ порошкѣ вѣсомъ противъ всѣхъ вышепомянутыхъ веществъ; потомъ вари сіе на тихомъ огнѣ, не забывая безпрестанно мѣшать деревянною лопаткою до тѣхъ поръ, пока все сіе хорошенько смѣшается. Тогда сними съ огня, и давъ простыть, употребляй.

Пластырь
отъ боли въ поясницѣ или въ почкахъ.

Часто случается, что въ такихъ болѣзняхъ, въ коихъ должно лѣжать въ постѣлѣ, отъ долговременнаго лѣжанія больной чувствуетъ великой жаръ въ поясницѣ такъ, что принужденъ поминутно перемѣнять мѣста, ища свѣжести, и подкладывать подъ себя кожи, для прохлажденія и проч. Въ такомъ случаѣ можно съ пользою употребить слѣдующее средство.

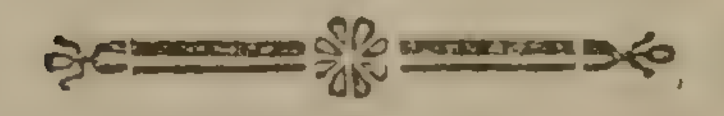
1. Возми розоваго масла (*) три унціи, розовой или придорожниковой воды три унціи: смѣшай ихъ вмѣстѣ, обмакни въ нихъ холстину, и потомъ нѣсколько оную выжавъ руками, приложи къ поясницѣ.

2. Оксикратъ, или вода съ уксусомъ смѣшанная, весьма также отъ

(*) Сіе не есть розовая ессенція весьма дорогая, но простое деревянное масло настоянное съ розовыми цвѣтами.

сего помогаетъ, будучи такимъ же образомъ приложена къ поясницѣ. Сей оксикратъ есть смѣсь шести частей воды съ одною частію уксуса: онъ еще будетъ лучше, естьли вмѣсто уксусу смѣшаешь съ водою соку изъ незрѣлаго винограда такое же количество.

Окончаніе будетъ въ слѣдующей части.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ ПРЕДПИСАНІЯ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЯСЯ.

СРЕДСТВО ОТЪ КЛОПОВЪ.

Возьми зеленой полыни, выжми изъ нее сокъ, смѣшай оный съ деревяннымъ масломъ, и вымажь симъ тѣ мѣста, въ которыхъ ведутся клопы; отъ чего они тотъ часъ изчезнутъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ СОСТАВЫ ДЛЯ ФАБРИКЪ.

Мѣдь *красная* состоитъ изъ 4 частей мѣди и 1 части золота.

Книгопечатныя буквы изъ 3 частей свинца, 1 части желѣза и 2 частей антимоніи или сурьмы.

Желтая финифть на фаянсѣ состоитъ изъ 10 частей обожженнаго кварца, 65 частей зоды, 4 частей свинцоваго пепла, 6 частей оловяннаго пепла.

Стекло простое и зеленое дѣлается изъ пѣску, древесной золы и соли.

Бѣлое стекло изъ чистаго пѣску, каленаго кварца, горнаго хрусталю или кремня, поташа и марганца magnesia.

Принцъ металлъ 1 фунтъ зеленой мѣди, 5 лотовъ Аглинскаго олова $1\frac{1}{4}$ лота цинка.

Томбакъ. 7 лотовъ красной мѣди, 3 лота зеленой мѣди и 15 griновъ олова, или 16 частей красной мѣди, 1 часть цинка и 1 часть олова.

Аглинское олово. $90\frac{1}{2}$ фунтовъ Аглинскаго олова и $1\frac{1}{2}$ фунта мѣди.

Обыкновенное олово. 100 фунтовъ олова и отъ 7 до 8 фунтовъ свинцу.

Олово серебровидное. 100 фунтовъ мѣдь содержащаго олова и $3\frac{1}{2}$ фунтовъ висмута.

Киноварь. 4 части сѣры и 3¼ части ртути.

Бѣлый серебреный составъ. 10 унцовъ свинцу, 6 унцовъ висмута и 4 драхмы сурьмянаго королька.

Бѣлая мѣдь. 4. 5 частей мѣди и 1 часть арсенику.

Туттанего. 2 части олова и 1 часть висмута.

Пушечная мѣдь. 100 фунтовъ мѣди и 12 фунтовъ олова.

Колокольной составъ. 100 фунтовъ мѣди и отъ 20 до 25 фунтовъ олова.

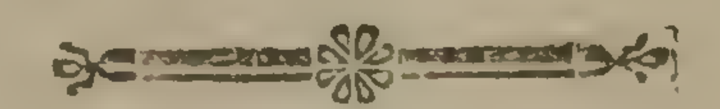
Мусивное золото. 12 частей олова, 7 частей сѣры, 3 части салміяка или нашатыря и 3 части ртути.

Пакъ-фонгъ, Китайской металлъ, состоитъ изъ мѣди и никеля.

Семилоръ. 7 лотовъ красной мѣди, 3 лота зеленой мѣди и 15 унцовъ чистаго олова.

Пиншбакъ, самой чистый изъ мѣдной яри, или мѣдной ржавчины и чистаго сурика (luria), которому,

посредствомъ примѣси изъ жира или масла, металлической его видъ паки возвращается.

КАКЪ ДѢЛАТЬ МЫЛО ИЗЪ ПАПОРОТНИКА.

Собери сколько пожелаешь папоротниковой травы, и высуши ее такъ, какъ прочіе роды травъ. При тихой и сухой погодѣ вырой въ землѣ яму такой величины, какая потребна, смотря по количеству травы, и потомъ въ ней сожги ее въ золу. Сію золу вынь, и прилѣй къ ней столько воды, чтобъ сдѣлалось тѣсто. Послѣ сего дѣлай изъ сего тѣста такой величины шары, или катыши, чтобъ можно было держать ихъ въ рукѣ способно, положи ихъ на доски, высуши, и употребляй потомъ при мытьѣ вмѣсто мыла. Такіе мыльные шары не только прочны; но и всякой холстъ отъ него дѣлается весьма

бѣлымъ, и не принимаетъ ни какого непріятнаго запаха, какъ отъ другаго мыла, естьли оно хорошо не выполощится.

КАКЪ КРАХМАЛИТЬ БѢЛЬЕ МОЛОКОМЪ, ОТЪ ЧЕГО НЕ БУДЕТЪ ЕГО ПРОѢДАТЬ, КАКЪ ТО ОТЪ ОБЫКНОВЕННАГО КРАХМАЛА СЛУЧАЕТСЯ.

Поставь кринку молока на двое сутокъ въ холодное мѣсто, чтобъ оно не скислось и несвернулось, и чемъ долѣе оно стоять будетъ не скисаясь, тѣмъ гуще будутъ на немъ сливки, и тѣмъ синѣе будетъ молоко, что для сего необходимымъ почитается. Потомъ сними съ онаго молока сливки съ такою осторожностію, чтобъ оныхъ ни чего на молокѣ не осталось. Въ такомъ молокѣ мочи вымытое бѣлье, потомъ выжми его, просуши, и гладь обыкновеннымъ образомъ.

РЕЦЕПТЪ,
КАКЪ СОСТАВЛЯТЬ РАЗНАГО ЦВѢТА ФИНИФТЬ ДЛЯ ФАЯНСОВОЙ ПОСУДЫ.

Общее основаніе всѣхъ финифтей есть свинцовая и оловянная известь, кои смѣшавъ вмѣстѣ, растапливаютъ въ стклодѣльной печи съ перезженнымъ кварцомъ или бѣлымъ голышемъ, истолченнымъ и просѣяннымъ, въ которой подмѣшивается соль виннаго камня, для удобнѣйшаго плавленія. Сія смѣсь производитъ родъ полукристаллизаціи, и будучи истолчена въ порошокъ, служитъ основаніемъ всякаго цвѣта финифтямъ.

Вотъ какимъ образомъ сіе дѣлается: возми тритцать фунтовъ свинцу и столько же чистаго олова, преврати его въ известь; потомъ просѣявъ ситомъ, кипяти въ чистой водѣ, наполнивъ оною глиняной муравленой горшокъ. Когда сіе немного покипитъ: то снявъ горшокъ съ огня,

слѣй полегоньку воду, которая увлекаетъ съ собою тончайшую часть извести; на оставшуюся въ горшкѣ грубую часть наливается свѣжая вода, и поступается по прежнему, повторяя до тѣхъ поръ, какъ сливаемая вода не станетъ болѣе увлекать съ собою извѣсти.

Учинивъ сіе выпорожни сосудъ, пережги съ нова известь, и повторяй то же, что и въ первой разъ, и слитыя такимъ образомъ воды, наполненныя тонкими известковыми частицами, выпарай на огнѣ, оставшуюся же по выпареніи всей воды известь, изотри мѣлко, и просѣй потомъ оную приготовленную такимъ образомъ съ перезженнымъ голышемъ: на 50 фунтовъ помянутой извести и такова же количества перезженнаго голыша, кладется пять унцовъ бѣлаго виннаго камня, или восемь унцовъ сколь можно болѣе перечищеннаго поташу, коего можно найти въ аптекахъ.

Смѣшавъ всѣ сіи матеріи, и положа ихъ въ обожженной глиняной новой горшокъ, поставь ихъ на десять часовъ на огонь, и потомъ истолокши въ порошокъ, храни въ весьма сухомъ мѣстѣ для употребленія въ надобности.

Для дѣланія бѣлой финифти *молочнаго цвѣта*, положи 48 грановъ марганцу на шесть фунтовъ помянутой матеріи.

Для *бирюзоваго цвѣта*: на такое же количество матеріи, прибавь три унціи мѣдныхъ окалинъ, троекратно пережженныхъ, подмѣшай къ тому еще 96 грановъ зафлору, то есть полуметаллическаго вещества, добываемаго изъ кобольта, или сорокъ восемь грановъ марганца.

Обыкновенной *синій цвѣтъ* дѣлается, когда на четыре фунта матеріи, положено будетъ 48 грановъ зафлору и двѣ унціи пережженной паталы.

Небесный цвѣтъ. Взявъ 4 фунта помянутаго порошка, 2 унціи зафлору и 48 грановъ (ces uftum) пережженой мѣди, которая находится во всѣхъ аптекахъ.

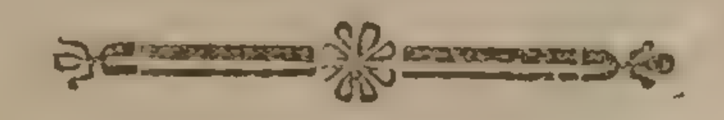
Зеленый. На четыре фунта матеріи, двѣ унціи жженой мѣди, и 48 грановъ желѣзныхъ окалинъ.

Черный. Четыре фунта матеріи, двѣ унціи зафлору, и столько же Піемонтскаго марганца.

Пурпуровой. Четыре фунта матеріи и двѣ унціи марганца.

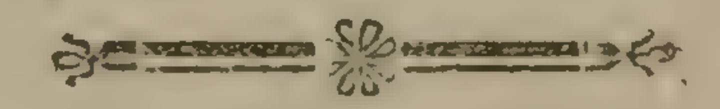
Желтый. Шесть фунтовъ матеріи, три унціи виннаго камня и семдесятъ два грана марганца.

Фіолетовый. На шесть фунтовъ матеріи, положи 48 грановъ пережженыхъ мѣдныхъ окалинъ и двѣ унціи марганца.

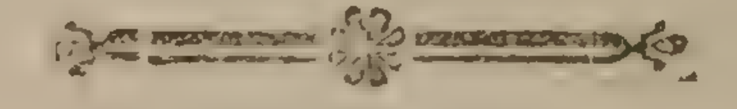
МОРКОВНОЕ ВИНО.

Вымой морковь чисто, развари въ большомъ сосудѣ, выжми изъ нее тисками сокъ, и потомъ сваривъ не очень сильно, дай нѣсколько времени окиснуть, и послѣ передвой въ кубѣ.

ОТЪ ГУСИНАГО ПАДЕЖА.

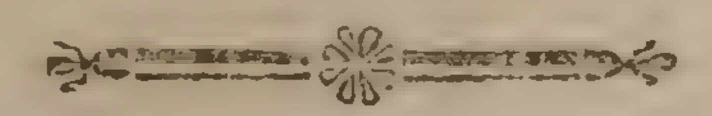
Должно гусямъ мазать уши льняным масломъ, и по утрамъ не рано выгонять.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ
О КУШАНЬЯХЪ.

I.
ТѢСТО СЛОЕНОЕ ИЛИ ЗДОБНОЕ ИЗЪ КИСЛЫХЪ СЛИВОКЪ.

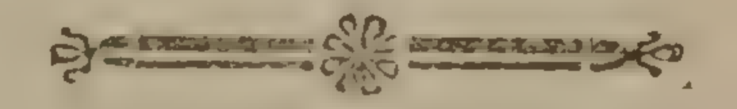
Взять муки, сколько кому разсудится, замѣсить оную на кислыхЪ сливкахЪ, положи пять разболтанныхЪ яицЪ и Чухонскаго масла; естьли на одинЪ фунтЪ муки, то класть четверть фунта масла и не много соли, все сіе должно хорошенько тереть довольное время, потомЪ положить тѣсто на полчаса на пирожной доскѣ, накрывши чистымЪ полотенцомЪ; и какЪ оно взойдетЪ нѣсколько, тереть его, и послѣ дѣлать изЪ сего тѣста сладкіе пироги, или какіе кому угодно, подобные обыкновеннымЪ слоенымЪ пирогамЪ.

2.

САХАРНЫЕ ВАФЛИ.

Разбей шесть яицЪ, положи вЪ чашку, прибавь кЪ оному полфунта самаго мѣлкаго сахару, столько же муки, взбей все хорошенько вмѣстѣ; потомЪ растопи самаго чистаго масла четверть фунта, влѣй туда, и збѣй еще вмѣстѣ; послѣ чего, ежели тѣсто будетЪ очень жидко, прибавляй муки по равному количеству сЪ сахаромЪ до тѣхЪ порЪ, пока тѣсто будетЪ соразмѣрно, и такЪ разогрѣвЪ доски, вливай его на оныя.

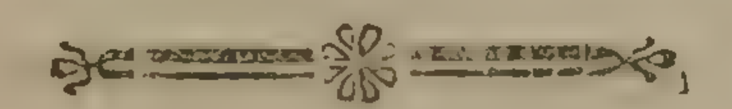

3.

СЛИВОШНЫЕ ВАФЛИ.

На бутылку хорошихЪ сливокЪ должно взять полфунта муки крупичатой, сливки сперьва особо взбить, чтобЪ были гораздо густы, потомЪ

взыпать муку въ оные збитые сливки, и еще вмѣстѣ все вѣничкомъ хорошенько побить, тогда уже изъ онаго раствору или тѣста можно печь вафли; и когда они поспѣютъ, то сахаромъ обсыпать и подавать.

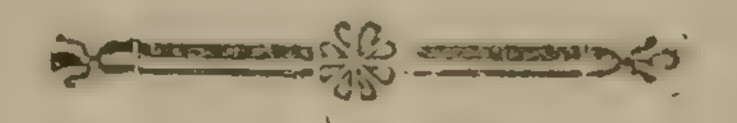

4.

МИНДАЛЬНОЙ ПИРОГЪ.

Взять одинъ фунтъ миндалю сладкаго, четверть фунта горькаго, кожу съ нихъ снявъ, толочь мѣлко съ немногою водою; взять двадцать яицъ свѣжихъ, выпустить изъ нихъ желтки, и бить больше; потомъ положить три четверти фунта толченаго сахару въ оные желтки, и бить съ сахаромъ; потомъ взять изъ 12 яицъ бѣлки, и бить, покуда пѣна будетъ, а бить все въ одну сторону; потомъ какъ печь готова будетъ, то все смѣшать въ одно мѣсто,

влить на блюдо и поставить въ печь, только смотрѣть, чтобъ въ печи какъ сверьху, такъ и съ низу равенъ былъ жаръ; когда пирогъ начнетъ опадать, то вынувъ его, подавать на столъ.

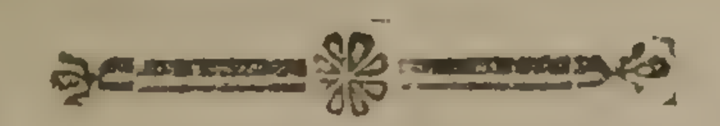

5.

ИТАЛІЯНСКІЕ СЛИВКИ.

Свари въ каструлькѣ молока, положи туда немного зеленой лимонной корки, коріандру, небольшой кусочикъ корицы, четверть фунта сахару и немного соли, вари сливки до половины, послѣ дай простынуть; потомъ положи въ каструльку щепоть муки, разболтанной съ шестью яишными желтками, лѣй туда мало по малу сливки, помѣшивая, процѣди ихъ сквозь сито, и перелѣй на то блюдо, которое должно подавать; дай имъ разогрѣться въ горячей водѣ

прежде, нежели будешь подавать, своьху поджарь, чтобЪ они подрумянились.

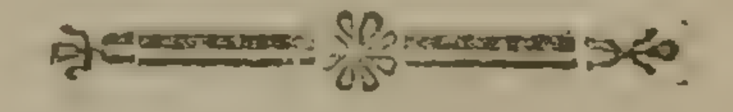

6.

ЖЖЕНЫЕ СЛИВКИ.

Возми десять лотовЪ сахару, и обмочи его вЪ воду, послѣ влѣй двѣ ложки воды, чтобЪ сахарЪ могЪ скорѣе разойтися, вылѣй все оное вЪ серебряную или оловянную кастрюльку, поставь на огонь, и дай поджариться; но мѣшай, чтобЪ не згорѣло; когда сахарЪ пожелтѣетЪ, то влѣй полштофа сливокЪ, и мѣшай хорошенько, смотри однако, чтобЪ они тотчасЪ закипѣли; послѣ, когда сахарЪ разойдется и сливки пожелтѣютЪ, то влѣй ихЪ вЪ чашку, дабы простыли; потомЪ возми десять желтковЪ, и взбей ихЪ хорошенько; влѣй оное молоко туда, положи не много толченой корицы, и смѣшай все

оное хорошенько вмѣстѣ, потомъ влѣй все оное въ серебряное блюдо и поставь въ печь, и когда сливки станутъ густѣть, тогда они и готовы; естьли же похочешь употреблять ихъ въ оловянномъ блюдѣ, то прежде поставь его съ кушаньемъ на чашку съ горячею водою.

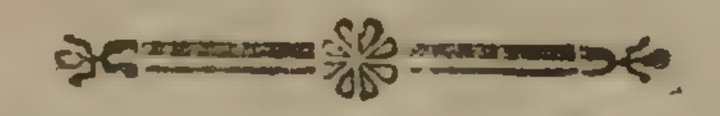

7.

КАКЪ ДѢЛАТЬ КАРТОФЕЛЬНУЮ МУКУ И ИЗЪ ОНОЙ КИСЕЛЬ.

Взять картофелю, снять съ него какъ можно тонѣе кожу, и тереть на теркою въ водѣ; потомъ взять натертые яблоки, съ водою хорошенько размѣшать и процѣдить сквозь полотенцо, или сито, и дать процѣженному устояться, послѣ слить и оставшуюся на днѣ муку перемыть, и дать отстояться, потомъ опять слить и до тѣхъ поръ мыть, пока вода

чиста будетъ; послѣ сливши воду, поставить сушиться на солнце; а какъ высохнетъ, то изъ оной муки дѣлать кисель такимъ образомъ: взять четверть фунта муки, два стакана молока миндальнаго, десять зеренъ горькаго миндалю, четверть сладкаго миндалю и немного положить ванили, и варить все вмѣстѣ, пока поспѣетъ.

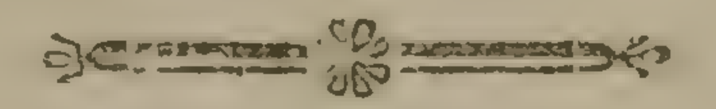

8.

КИСЕЛЬ МОЛОШНОЙ ОВСЯНОЙ.

Взять овсяной муки несѣянной, намочить въ теплой водѣ, и поставить также въ теплое мѣсто, дать киснуть сутки, а послѣ процѣдить сквозь сито, класть въ каструльку или кадку, и дать гораздо укиснуть и устояться; потомъ взять со дна, положить въ каструльку, налить свѣжимъ молокомъ, и поставить на вольной огонь, мѣшать деревянною лож-

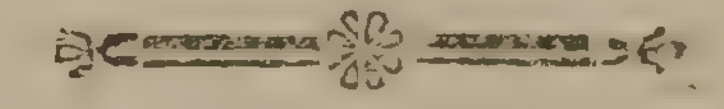
кою тихо, процѣдить сквозь полотенцо, и поставивъ на большой огонь, хорошенько мѣшать, и когда кисель сварится, то выкласть его въ формы, застудить, и подавать на столъ.

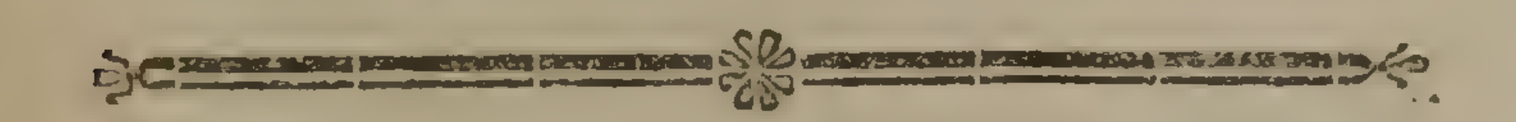
9.

КИСЕЛЬ ПШЕНИЧНОЙ.

Взять пшеничной муки съ отрубями, намочить въ теплой водѣ, заквасить густо, поставивъ въ теплое мѣсто, дать киснуть сутки, послѣ выжать, процѣдить, и класть въ каструльку, налить свѣжимъ молокомъ, варить такъ, какъ обыкновенно варится кисель, застудить, и подавать настолъ.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

О ВЕСЕЛОМЪ ДУХѢ,

которой должно имѣть въ деревнѣ и въ городѣ.

Человѣкъ, которой можетъ избирать свою бесѣду, весьма былъ бы хулы достоинъ, когда бы онъ весь свой умъ и опытность не употребилъ на сдѣланіе знакомства съ такими людьми, коихъ нравъ наиболѣе съ его нравомъ сходствуетъ: но естьли онъ не учинилъ такова выбора, или обманулся въ ономъ, или необходимо долженъ быть всегда въ одной бесѣдѣ; то безъ сомнѣнія собственная его выгода требуетъ, чтобъ онъ какъ можно лучше старался принаравливаться къ оному.

Я знаю, что я повторяю сказанное уже множество разъ; но ни кто не можетъ не принять сего за благо, развѣ только тотъ, кто всегда по сему поступалъ. Безъ дальнѣйшаго предисловія, поелику нынѣ такое время (*) года, что большая часть городскихъ жителей, наскучивъ дѣлами, и пресытясь шумными утѣхами, удаляются въ деревню; то мнѣ кажется не худо ихъ предъувѣдомить, чтобъ они, сколько можно болѣе, запаслися веселонравіемъ. И дѣйствительно, хотя городскую жизнь описываютъ всегда пріятнѣйшимъ образомъ, и хотя она и заслуживаетъ сіе названіе; но со всѣмъ тѣмъ сіе неоспоримо, что она для тѣхъ только пріятна, кои умѣютъ пользоваться своими досугами и уединеніемъ.

Для тѣхъ же, кои не могутъ жить безъ дѣлъ и безъ хлопотъ, или безъ того, чтобъ не быть въ

(*) Іюнь мѣсяцъ.

многочисленной бесѣдѣ; тѣ да благоволятъ вспомнить, что въ деревнѣ нѣтъ ни биржи, ни театровъ, ни клубовъ, ни маскерадовъ, ни прочихъ тому подобныхъ увеселеній, кои здѣсь обезскучиваютъ ихъ отъ непріятности, видѣть всякой день то же да то же въ домахъ своихъ, но что тамъ большую часть своего времени должны они проводить въ нѣдрахъ семьи своей, и что слѣдовательно ихъ польза требуетъ разсмотрѣть какое будутъ они тамъ вкушать удовольствіе, прежде, нежели оставить сей любезный для нихъ городъ.

Я помню, Г. Зритель, что мы нѣсколько времени тому назадъ, весьма хорошія получили отъ васъ наставленія, когда вы были въ деревнѣ Г. Коверли: сіе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ я привожу на память, что почти не возможно не вести пріятную жизнь въ такомъ домѣ, гдѣ хозяинъ таковъ, какъ вы описали вашего друга, и что по сей са-

мой причинѣ не льзя довольно совѣтовать другимъ подражать ему въ домашнихъ его добродѣтеляхъ. Колико ласковость сія и благорасположеніе его къ сосѣдямъ и ко всѣмъ своимъ служителямъ суть милы! Со всѣмъ тѣмъ, сколь мало онымъ подражателей мы видимъ! Напротивъ того мы почти вездѣ слышимъ ссоры, распри, крикъ, шумъ, злословіе и проч: и проч. Я привелъ пріятеля вашего въ примѣръ, дабы лучше доказать, что каковъ хозяинъ, таковы и всѣ его домашніе, то есть, каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Согласіе и единодушіе родственниковъ и друзей составляютъ главнѣйшее удовольствіе жизни, Хотя сіе и неоспоримая истинна, естьли судить по тому, что произходитъ въ свѣтѣ: но кажется, что подумаешь совсемъ тому противное, видя съ какою рачительностію люди изыскиваютъ сами себѣ мученія. Естьли бы сего не было; то что же бы полу-

дило ихъ ссориться за всякую безделицу, завидовать и злословить? Сие мы видимъ всякой день, и есть такія люди, кои поставляютъ великимъ удовольствіемъ быть несносными забіяками и задирщиками, и не пропускающіе ни одного случая къ ссорамъ. Отъ сего-то происходитъ, что въ рѣдкой семьѣ не найдешь раздоровъ и непонятной какой-то между родными ненависти, хотя собственная ихъ выгода требуетъ, чтобъ они жили согласно, по тому, что ежели я не обманываюсь, ни одинъ изъ нихъ не можетъ огорчить другаго, не почувствовавъ послѣ самъ доброй части сего огорченія. — Но я зашелъ далѣе, нежели думалъ, и чуть было не забылъ главную мою цѣль, состоявшую въ томъ, чтобъ сказать вамъ просто, что мы, пріобыкшіе большую часть времени провождать въ городѣ, съ трудомъ можемъ прожить долго въ деревнѣ, что тамъ становимся мы отъ того несносны

сами себѣ и другъ другу, когда наша бесѣда столь ограничена; такъ, что было бы великое чудо, естьли бы мы около Сентября не объявили открытой междоусобной войны, и не стали бы другъ друга въ глаза укорять тѣмъ, что привыкли мы изъ любви Христіянской говорить объ отсутствующихъ. Послѣ такого признанія, попрошу я васъ снабдѣвать насъ отъ времени до времени нѣсколькими наставленіями, касательно веселонравія, нужнаго въ доможитіи, и ласкаю себя, что они принесутъ намъ нѣкоторую пользу, по тому, что все наше общество весьма уважаетъ, какъ вашу особу, такъ и спасительныя ваши наставленія.

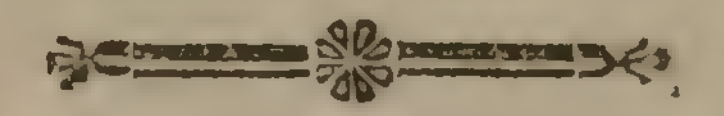
Позвольте сверьхъ того, чтобъ я поговорилъ съ вами о нѣкоторомъ учрежденіи, постановленномъ обществомъ моихъ пріятелей, для предупрежденія всѣхъ тѣхъ безпорядковъ и неустройствъ, о коихъ я вамъ доносилъ. Сіи пріятели мои собираются

въ прекрасную деревню одного отсутствующаго Вельможи, куда и поѣхали они числомъ до десяти, или двенадцати, будучи весьма хорошо другъ къ другу расположены, хотя нравы ихъ и дарованія, какъ природныя, такъ и пріобрѣтенныя различны; но они ласкаютъ себя, что сіе самое различіе послужитъ къ умноженію удовольствій; съ другой стороны, будучи увѣрены, что между многими друзьями, живущими вмѣстѣ, отъ недостатка ли новыхъ предметовъ, или отъ другой какой причины, раждается нѣкоторая постылость, могущая превратиться въ неудовольствіе, или даже и въ брюзгливость; то они определили одинъ флигель того дома, для нѣкотораго рода больницы. Естьли случится, что одинъ изъ нихъ выговоритъ какое колкое для другова, или обидное слово, или сдѣлаетъ что либо показывающее неудовольствіе, или отвращеніе къ бесѣдѣ; то его немедленно отведутъ въ одну

изъ комнатъ помянутаго флигеля, и не выпускаютъ оттуда, пока онъ не подастъ прочимъ прошенія въ униженнѣйшихъ выраженіяхъ, и тогда они по большинству голосовъ освобождаютъ его, или оставляютъ еще на нѣсколько дней, когда онъ покажется еще не способенъ къ собесѣдованію съ ними. Сверьхъ того да будетъ вамъ извѣстно, что всѣ злоумышленные обиняки и недовольные кислые виды заслуживаютъ сіе изгнаніе; на примѣръ, естьли кто съ сердцемъ скажетъ что слугѣ, принудитъ человѣка повторить уже сказанное, или покажетъ невнимательность или скуку; то сіе почитается у нихъ непростительными проступками. Когда же кто изъ нихъ увидитъ себя расположеннымъ къ угрюмости, и самъ добровольно себя изгонитъ изъ бесѣды, то по выходѣ его изъ больницы, принимаютъ его съ распростертыми руками, и оказываютъ ему великое уваженіе. Они ласкаютъ себя,

что ежели они отъ такого учрежденія не излѣчатся совершенно отъ угрюмости; то по крайней мѣрѣ хотя ту выгоду имѣть будутъ, что угрюмость одного не будетъ разстроивать всей бесѣды. Есть еще многія другія учрежденія, постановленныя ими для поддержанія спокойствія между ими: я впредь сообщу вамъ оныя, равно, какъ и все то, что съ ними случится, естьли то покажется мнѣ полезнымъ для публики.

Я есмь и проч.

О СВОЙСТВАХЪ РАЗНЫХЪ ЛЮДЕЙ,

кои достойны быть помѣщенными въ вышеломянутую больницу.

Увѣдомивъ васъ въ перьвомъ моемъ письмѣ о обществѣ добрыхъ пріятелей, удалившихся въ деревню, долженъ я васъ извѣстить такъ же, что полу-

чилъ я объ нихъ извѣстіе. Ко мнѣ пишутъ, что учрежденіе больницы для тѣхъ, кои будутъ не веселы, произвело весьма хорошее дѣйствіе. Нашлось четыре или пять человѣкъ, кои столько были благоразумны, что сами въ оную удалились, и послали письменныя увѣдомленія къ бесѣдѣ, означивъ въ оныхъ тому причины. Вотъ они такъ, какъ я ихъ получилъ.

Первое изъ сихъ увѣдомленій отъ дѣвицы *Самолюбовой*, въ которомъ она съ покорностію представляетъ слѣдующее:

„Что будучи убѣждена въ недостаткѣ своего достоинства, и въ тщеславіи своемъ желать того, чтобъ всѣ ей удивлялися, она самопроизвольно удалилася въ больницу.

Что она чувствуетъ, что тщеславная женщина есть самая несноснѣйшая тварь, которая когда либо можетъ случиться въ бесѣдѣ вѣжливыхъ и благовоспитанныхъ людей.

Что прежде, нежели она опять появится въ обществѣ, желаетъ она быть удостовѣрена въ томъ, что ей будутъ угождать равно со всѣми прочими, не смотря на то, что она весьма пригожа.

Что она наконецъ для того удалилась въ больницу, дабы не слыхать похвалъ, коими осыпалъ ее нѣкоторой дворянинъ, учинившійся ея обожателемъ.

Что того ради проситъ она униженно честную компанію объявить, что всякая не у мѣста похвала будетъ впредь почитаться обидою, и накажется съ такою же строгостію, какъ и злословіе; поелику сіе послѣднее обвиняетъ людей въ порокахъ, а первая учиняетъ ихъ таковыми . . . . .„

Не смотря на искренность, которая, кажется, царствуетъ въ семъ увѣдомленіи, пишутъ ко мнѣ, что всѣ сіи представленія нашлися безъ основанія, что мнимое отвращеніе сея

дѣвицы къ похваламъ, почтено истинною хитростію, дабы болѣе тѣмъ заставить себя хвалить, и что по сей-то самой причинѣ увѣдомленіе ея оставлено безъ отвѣта, и осталось на столѣ.

Второе отъ Госпожи *Вертопраховой*, которая представляетъ всѣмъ членамъ общества:

,, Что она дѣвица знатная, выданная замужь за простаго дворянина.

Что ей ни хорошо ни дурно.

Что мужь ея настоящій степной мужикъ.

Что она не расположена быть въ собраніи.

Что она желаетъ имѣть мѣсто въ больницѣ во все время пребыванія ея въ деревнѣ.

Чтобъ почтенные Господа члены благоволили забавляться и шутить съ равными себѣ.

Что мужъ ея можетъ остаться съ ними, естьли то ему угодно .....,,

Тотчасъ было заключено, чтобъ

Госпожу Вертопрахову почитать еще пребывающею въ Лондонѣ.

Третіе отъ Господина Адвоката *Замыслова*, въ которомъ онъ униженно представляетъ:

„Что онъ великой охотникъ до Аргументаціи.

Что онъ въ бесѣдѣ говоритъ очень громко.

Что онъ непреодолимую имѣетъ склонность думать, что нѣтъ такой вещи, которая бы не подвержена была спору.

Что онъ остался послѣдній въ Вестминстерской залѣ, когда потолокъ въ ней затрещалъ, по тому, что нашлись люди, кои утверждали, что онъ обрушится.

Что ему не возможно ни какъ, ни въ чемъ и ни съ кѣмъ согласиться.

Что онъ удалился въ больницу, дабы забыть о самомъ себѣ.

Что, какъ скоро онъ въ томъ успѣетъ; то присоединится къ членамъ общества.....„

По сему представленію заключили, чтобъ его удалить отъ бесѣды.

Четвертое представленіе отъ Господина *Деревенщикова*, которой искренно признавается:

„Что онъ удалился въ больницу для того, что бываетъ подверженъ нѣкоторой грубой веселости, которая дѣлаетъ его неспособнымъ къ собесѣдованію съ вѣжливыми и благовоспитанными людьми.

Что онъ вознамѣрился пріуготовить себя посредствомъ строгой діеты учиться ихъ сочленомъ.

Что онъ часто входитъ въ собраніе, какъ будто курьеръ съ важнѣйшими депешами.

Что онъ выбралъ убитую коврами комнату, дабы учиться въ ней ходить и двигаться, не будучи ни кѣмъ слышимъ.

Что онъ кланяется, говоритъ, пьетъ и ѣстъ передъ зеркаломъ, дабы пріучить себя къ вѣжливости.

Что онъ столь горячее и живое

имѣетъ свойство, что становится несносенъ людямъ тихаго и скромнаго сложенія.

Что онъ старается позабыть междумѣтіе: *тьфу къ чорту!*

Что онъ всячески старается обойтися въ компаніи безъ трости.

Что какъ скоро онъ отъ нее отвыкнетъ; то появится въ обществѣ ....,,

Пятое было прислано отъ Гна *Ревенникова*, которой представляетъ слѣдующее:

,,Что онъ удалился въ больницу для того, что хотя онъ и въ совершенномъ здоровьѣ находится; но что отъ долговременнаго употребленія и недостатка къ разговорамъ, привыкъ онъ безпрестанно жаловаться, и говорить, что онъ болѣнъ.

Что онъ ни въ чемъ на свѣтѣ нужды не имѣетъ, кромѣ того, чтобъ было о чемъ говорить, и что сей единственный недостатокъ причинилъ ему сію несчастную немощь.

Что онъ признается добровольно, ни къ чему неспособнымъ, какъ быть въ больницѣ, и что для сего-то онъ и не дожидался, чтобъ его насильно туда посадили.

Что ни чего нѣтъ столь непристойнаго и противнаго, какъ многія жалобы въ хорошей компаніи, по тому, что всѣ должны о немъ сожалѣть, вѣрятъ ли въ самомъ дѣлѣ, что онъ болѣнъ, или нѣтъ, и что жалующійся весьма глупую фигуру представляетъ, хотя бы о немъ въ правду сожалѣли, или толькобъ что смѣялися.

Чтобъ благоволено было дать ему время на узнаніе, здоровъ ли онъ или болѣнъ, и что онъ постарается поскорѣе явиться въ бесѣду и проч......,,

Сего болѣзнующаго сначала извинили, --- съ другой же стороны, поелику часы вознамѣрилися нѣсколько спокойно наслаждаться симъ пріятнымъ временемъ года, но что бы

и пріобрѣсть нѣкоторыя добрыя привычки, могущія впредь приносить имъ пользу, дѣлаются иногда неспособными къ наблюденію своихъ правилъ, дабы не имѣть между собою ни тщеславныхъ, ни вздорныхъ, ни наглыхъ людей, кои бы приходили возмущать ихъ блаженство. Большія несчастія столь рѣдки, что почти никогда не возмущаютъ хорошую компанію; но снизхожденіе наше къ нѣкоторымъ страннымъ прихотямъ, похищаетъ у насъ добрую часть нашего времени, и приключаетъ намъ истинное зло.

Между прочими учрежденіями сей бесѣды, весьма строго изгнали изъ нея всѣ непріятныя коротности обхожденія. Запрещено всѣмъ появляться въ собранія неодѣтымъ, или притти въ комнату другова, не предъувѣдомивъ его о томъ. До сего времени всѣ столь хорошо поступали, что въ продолженіе десяти дней одного только человѣка осудили въ

больницу, за то, что играя въ вискъ, онъ бросилъ карты. Онъ называется *Килѣтковъ*, и поднесъ слѣдующее прошеніе:

Хотя нижеименованный бранился, стучалъ ногами, и бросилъ на полъ карты; но со всѣмъ тѣмъ онъ всевозможное имѣетъ почтеніе къ дамамъ и ко всей честной компаніи.

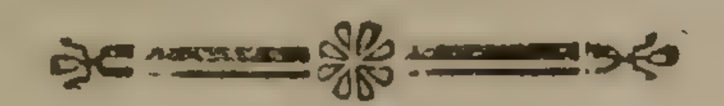
Онъ покорнѣйше проситъ оную принять въ уваженіе то, что въ игрѣ случаются такія вещи, кои самаго хладнокровнаго человѣка могутъ вывести изъ терпѣнія.

Что желаніе выиграть, и сверьхъ того одержать побѣду, часто противоположены проигрышемъ.

Что всѣ бесѣды, сколько ихъ ни есть въ свѣтѣ, снисходятъ въ семъ случаѣ немощи человѣческой.

И такъ онъ униженно проситъ, чтобъ было ему позволено явиться въ бесѣду, въ той надеждѣ, что впредь онъ тверже снесетъ счастіе и несчастіе, или

по крайней мѣрѣ, что выигравъ, будетъ только просто веселъ; а естьли проиграетъ, то только что не много надуется.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О ТЕРПѢНІИ.

Человѣкъ терпѣливый стоитъ больше сильнаго.

Совершенныя произведенія ума человѣческаго суть плоды терпѣнія

О ЛѢНОСТИ.

Все движется, все работаетъ въ свѣтѣ, всѣ небесныя тѣла и земныя въ работѣ; по какой же причинѣ намъ пребывать въ подлой праздности? Тунеядцы только находятся между людми.

Изъ всѣхъ страстей неизвѣстнѣйшая намъ самимъ есть лѣность. Она есть жесточайшая и злѣйшая изъ всѣхъ, хотя лютость ея и нечувствительна, и вредъ, отъ нея происходящій, есть скрытнѣе.

Лѣность поддерживаетъ честность того, кто родился добрымъ человѣкомъ, и весьма легко исправляетъ того, кто имѣетъ злыя склонности.

Расторопность дѣлаетъ гораздо надежнѣйшія пріобрѣтенія, нежели храбрость; лѣность же гораздо болѣе народовъ погубила, нежели остріе мѣча.

О УПРЯМСТВѢ.

Твердость духа и упрямство имѣютъ нѣчто сходное; но первая познается по дѣяніямъ, а вторая по словамъ.

Есть такіе люди, кои не умѣютъ ни мыслить ни разсуждать; но токмо умѣютъ хотѣть.

Неустрашимость есть упрямство сердца; которое обнаруживается только во время опасности.

Можно справедливо сравнить упрямство съ собакою кузнеца, которая спитъ подъ наковальнею.

О УТѢХАХЪ.

Отягчающая насъ печаль кажется намъ всегда совершенною; но какому же нещастію не можемъ мы сказать того о утѣхахъ.

Утѣхи, оставляя насъ, приключаютъ намъ огорченіе; но не наполняютъ сердца нашего, когда мы ихъ вкушаемъ.

О ЩАСТІИ.

Щастіе состоитъ въ точной соразмѣрности желаній и нуждъ съ способами удовлетворить онымъ. Все то, что разрушаетъ сіе равновѣсіе, все то, что уменьшаетъ сію соразмѣрность, такъ, что желанія становятся пространнѣе способовъ, уменьшаетъ естественно щастіе. Таково то есть дѣйствіе приращенія богатства, по тому, что желанія и нужды съ онымъ пріумножаются; но гораздо болѣе превосходятъ богатство.

Ни что столь ни легко, какъ быть щастливымъ: для сего только стоитъ родиться богатымъ, разумнымъ, здоровымъ, и ни въ комъ не имѣть нужды.

Человѣкъ говоритъ, что хочетъ быть щастливымъ; однако же онъ самъ ни когда о щастіи своемъ не печется, а всегда возлагаетъ сей

трудъ на другихъ, чтобъ доставить себѣ сіе столь желаемое блаженство.

О ДЕНЬГАХЪ.

Деньги подобны суть навозу, которой тогда только полезенъ, когда разбросанъ. *Баконъ.*

Мы желаемъ денегъ для того, чтобъ было чемъ жить съ пріятностію; для пріобрѣтенія сихъ денегъ рады подвергать ежедневно жизнь свою опасности: по пріобрѣтеніи же оныхъ, живемъ въ безпрестанной заботѣ, какъ бы ихъ сохранить, или еще къ нимъ болѣе присовокупить.

О КРАСОТѢ.

Красота есть первый даръ, даваемый намъ природою, и также первый отнимаемый ею.

Кажется, что пригожія женщины сотворены къ нашему мученію:

ибо мы ни безъ нихъ, ниже съ ними, не можемъ быть щасшливы.

О БЛАГОДѢТЕЛЯХЪ.

Естьли еще на свѣтѣ такіе люди, кои бы предъупреждали нужды несчастныхъ, и избавляли бы ихъ отъ стыда такова признанія, которагo единая только смерть несноснѣе.

Содѣлать человѣка щастливымъ, есть удостоиться самому быть таковымъ. Истинный благодѣтель находитъ въ сердцѣ своемъ награду за оказанное ближнему благотвореніе.

Ж. Ж. Руссо.

Не должно никогда забывать о полученномъ благодѣяніи; но не должно никогда помнить объ оказанномъ.

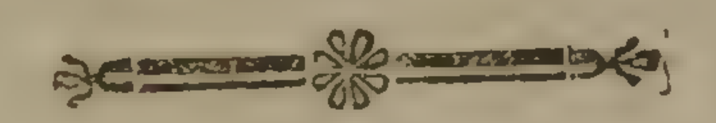
Гораздо труднѣе заплатить за благодѣяніе, нежели самому оказать оное: ибо заплата должна всегда превосходить оказанное намъ добро.

Мы должны почитать братомъ того, кто намъ помогаетъ собственнымъ своимъ имѣніемъ, а не того, кто будучи по крови намъ братъ, насъ оставляетъ.

Случай сдѣлать зло представляется по сту разъ въ день, а случай къ благотворенію, едва ли одинъ разъ въ годъ бываетъ.

ПИСЬМО КЛАРИНДЫ КЪ ЗРИТЕЛЮ.

Г. Зритель!

Поелику вы желали, чтобъ читатели ваши дѣлали журналы своей жизни; то я исполнила сіе ваше хотѣніе, и посылаю при семъ цѣлую недѣлю моего, по которой вы можете судить и о всей моей жизни. Я имѣю довольной достатокъ, и не за мужемъ; но уже въ продолженіе де-

сяти лѣтъ предлагали мнѣ множество выгодныхъ супружествъ, и есть одинъ молодой красавчикъ, которой весьма усильно приступаетъ ко мнѣ, чтобъ я дала ему преимущество предъ прочими. Будучи сама себѣ госпожею, пріѣзжаю я всякую зиму въ Столицу, гдѣ и провожу время такъ, какъ въ журналѣ моемъ означено, которой я предпріяла дѣлать, какъ скоро прочитала вами помѣщенный въ вашихъ листахъ. (*)

„*Вторникъ ночью.* Будучи занята прожектомъ моего журнала, я не могла лѣчь спать прежде втораго часа по полуночи.„

„*Середа по утру* отъ 8 часовъ до 10. Выпила я двѣ чашки шоколату на постелѣ, и тотчасъ послѣ того опять заснула.„

„Отъ 10 до 11. Съѣла я кусокъ хлѣба съ масломъ, выпила двѣ чашки чаю и читала *Зрителя*.„

(*) См. часть третія стран. 171 и слѣдующія.

„Отъ 11 до часу по полудни. Сидѣла передъ уборнымъ столикомъ, примѣривала новой головной уборъ. Приказала, чтобъ хорошенько вымыли и вычесали *Маркизку*. *Прим.* Синій цвѣтъ ко мнѣ болѣе всѣхъ присталъ.„

„Отъ 1 часа до половины 3. Ѣздила въ гостиной дворъ, гдѣ и купила пару опахаловъ„

„Отъ половины 3 до 4 часовъ. Употребила сіе время на обѣдъ. *Прим.* Г. *Фатюй* прошелъ мимо моихъ оконъ, и на слугѣ его была новая ливрея.„

„Отъ 4 часовъ до 6. Я одѣвалася. Ѣздила съ визитомъ къ старушкѣ Гжѣ *Весельчаковой* и къ ея сестрѣ, услышавъ, что онѣ въ тотъ самой день уѣхали въ деревню.„

„Отъ 6 до 7 часовъ. Играла въ пикетъ. *Прим.* Въ передъ къ бубнамъ прикупать не должно.„

„*Четвергъ*. Отъ 11 часовъ вчерашняго вечера до 8 часовъ сего утра. Видѣла во снѣ, что понтирую противъ Гна *Фатюя*.„

„Отъ 8 до 10 часовъ. Пила шоколатъ, и прочитала два явленія изъ *Заиры* на постелѣ.„

Отъ 10 до 11 часовъ. Просидѣла за чайнымъ столомъ. Посылала къ Гжѣ *Фирлюфюшкиной* за ея кобелькомъ для моей *Маркизки*. Прочитала театральное объявленіе. Получила письмо отъ Г. *Фатюя*. *Прим.* Я заперла его въ сундукъ, гдѣ лежатъ мои деньги.„

„Остальная часть утра. Торговка *Тряличкина* была у меня, и разсказывала, какою водою притирается *Фирлюфюшкина*. Выломила зубъ въ маленькомъ моемъ черепаховомъ гребнѣ. Послала *Петрушку* провѣдать о здоровьѣ Гжи *Худощавовой*, по тому, что на канунѣ Мартышка ея выпрыгнула изъ окна, и убилась. Мнѣ показалось, что я блѣдна. *Тряличкина* сказала мнѣ, что зеркало мое меня портитъ. Одѣлась совсемъ въ три часа.„

„Отъ 3 часовъ до 4. Кушанье

простыло прежде, нежели я сѣла за столъ.,,

,,Отъ 4 до 11 часовъ. Была я въ гостяхъ. Мнѣніе Г. *Фатюя* о стихотворцахъ. Повѣсть его о *Каннибалахъ*. Привязанность его къ рожицѣ, намалеванной на крышкѣ его табакерки. Старая *Фирлюфюшкина* обѣщала мнѣ своего перукмахера остричь волосы. Проиграла пять рублей въ лото.,,

,,Въ полночь. Лѣгла спать.,,

,,*Пятница* въ 8 часовъ по утру. Была еще въ постелѣ. Перечитывала всѣ письма Г. *Фатюя*. Кобелѣкъ Гжи Фирлюфюшкиной и моя Маркизка . . . .,,

,,Въ 10 часовъ. Рѣшилась пробыть цѣлой день дома, и никого не принимать.,,

,,Отъ 10 до 12. Хлопотала съ портнихой о платьѣ. Купила у разнощика цѣлой картонъ лентъ. Разбила синюю свою фарфоровую чашку.,,

Отъ 12 часовъ до втораго. Заперлась одна въ своей комнатѣ, и передъ зеркаломъ старалась перенять ухватки молодой Гжи *Медновой*.

„ВЪ 1 часЪ по полудни. Велѣла подать свои пяльцы. Вышила листочекЪ розовой на платкѣ, которой вышиваю. Глаза мои устали, голова отяжелѣла. Бросила пяльцы и прочитала остатокЪ Заиры.„

„ОтЪ 3 до 4 часовЪ. Обѣдала.„

„ОтЪ 4 часовЪ до полуночи. Перемѣнила намѣреніе, по утру принятое. Одѣлась и поѣхала сЪ двора. Играла до полуночи вЪ лото. Застала дѣвицу *Злословину* дома. СЪ ней довольно поговорили. Узнала отЪ нея, что каменья вЪ складнѣ дѣвицы *Блистаевой* фальшивые. Старая Гжа *Беззубова* выходитЪ за молодаго повѣсу, у котораго нѣтЪ не полушки. Дѣвица *Благоразумова* поѣхала вЪ деревню. У Г. *Вертушкина* волосы рыжіе, онЪ ихЪ подкрашиваетЪ. *Прим.* Дѣвица *Злословина* шепнула мнѣ на ухо, что имѣетЪ нѣчто мнѣ сказать о Г. *Фатюѣ*. Я увѣрена, что ето не правда.„

„ВЪ перьвомЪ часу по полуночи.

Видѣла я во снѣ, что Г. *Фатюй* стоялъ предо мною на колѣняхъ, и называлъ меня *Заирою*.

Суббота. Встала въ 8 часовъ по утру и сѣла за уборной столикъ.,,

,,Отъ 8 часовъ до 9. Цѣлые полчаса налѣпливала и снимала мушку; но наконецъ прилѣпила, какъ мнѣ хотѣлось, то есть надъ лѣвою бровью.,,

,,Отъ 9 до 12 часовъ. Пила чай, и одѣлась.,,

,,Отъ 12 до 2 часовъ. Была у обѣдни. Собраніе было многочисленное и блистательное. *Прим*. Гжа *Фиглюфюшкина* была одѣта, какъ чучела.,,

,,Отъ 3 до 4 часовъ. Обѣдала. Дѣвица К. заѣхала за мною, чтобъ ѣхать въ театръ. Я еще не отобѣдала.,,

Отъ 4 до 6 часовъ. Пила чай. Согнала со двора *Тришку* за то, что онъ наступилъ на лапку Маркизкѣ.,,

Въ 6 часовъ. Пріѣхала въ оперу. Гна *Фатюя* видѣла я только при

началѣ втораго дѣйствія. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то ненапудреннымъ дворяниномъ. Онъ поклонился какой-то дамѣ, сидѣвшей напротивъ его ложи. Въ третьемъ дѣйствіи много они съ пріятелемъ своимъ хлопали. *Фатюй* закричалъ фора! Проводилъ меня, и посадилъ въ карету. Мнѣ кажется, что онъ пожалъ мнѣ руку.,,

Въ 11 часовъ. Въ постелѣ. Печальной сонъ. Мнѣ приснилося, что шутъ, котораго я въ оперѣ видѣла, называлъ себя Гномъ *Фатюемъ*.

Воскресенье. Не здорова.,,

Понедѣльникъ, въ 8 часовъ по утру. Дѣвица *Вертопрахоса* меня разбудила. *Заира* лежала разогнута на геридонѣ подлѣ моей кровати. *Вертопрахоса* прочитала наизусть восемь прекраснѣйшихъ стиховъ изъ всей піесы. Мы поѣхали въ *Аезабилье* къ Хиромантику, какъ о томъ прежде сговорились. Онъ сказалъ мнѣ, что имя моего любовника начинается съ У.

Онъ чуть не угадалъ, по тому, что одною только буквою ошибся и пр.,,

Прочитавъ сей журналъ мой, не могла я разсудить, хорошо, или дурно я провождаю время; и признаюсь вамъ, что сіе любопытство ни когда мнѣ и въ голову не приходило прежде прочтенія разсужденія вашего о томъ. Изъ всѣхъ дѣяній семи дней, кои я вамъ описала, едва я могла найти одно достойное одобрѣнія, естьли выключить тотъ розовой листокъ, которой я вышила въ пяльцахъ, и я намѣрена за етотъ платокъ опять приняться, когда удосужуся. Что касается до Г. *Фатюя* и до *Паризки*; то я бы никогда не подумала, чтобъ они могли столько разъ меня занять, сколько я нахожу ихъ въ моемъ журналѣ. Я сгоню послѣднюю, естьли вы того непремѣнно потребуете; естьли же Г. *Фатюй* еще будетъ мѣшкать рѣшительно открыть мнѣ свое намѣреніе; то я не потерплю, чтобъ жизнь моя прошла въ однихъ только снахъ.

дабы утвердить болѣе Гжу Клариндy въ добромъ ея намѣреніи; то я прошу ея подумать, какія мысли будетъ имѣть о ней потомство, естьли исторія всей жизни ея будетъ обнародована такъ, какъ сіи семь дней. Я заключу сіе надгробною надписью, сочиненною безъимяннымъ авторомъ одной госпожѣ, совсемъ различнаго съ Клариндою свойства, и которая была сестра *Филиппа Сиднея*. Послѣдняя мысль оной надписи столь благородна, что я думаю читателямъ не противно будетъ здѣсь оную найти.

Надгробная надпись вдовствующей Графинѣ Пемброкской.

Подъ симъ мраморомъ лежитъ предметъ величайшихъ похвалъ, сестра Сиднѣева и мать Пемброкова. О смерть! ты сама скорѣе падешь подъ косою времени, прежде, нежели поразишь копіемъ твоимъ другую женщину, подобную ей въ тихости, знаніи, добродѣтели и красотѣ.

Кларинда! заслужи такую Епитафію!

ѲЕОФРАСТОВЫ (*) ХАРАКТЕРЫ
или
СВОЙСТВА ЛЮДЕЙ.

О ПРИТВОРСТВѢ.

Притворство трудно хорошо опредѣлить: естьли же просто сдѣлать оному описаніе; то можно сказать, что сіе есть нѣкоторое искуство располагать какъ слова свои, такъ и дѣйствія на худой конецъ. Притворщикъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: подошедъ къ своимъ непріятелямъ, онъ разговариваетъ съ ними, и заставляетъ ихъ заключить изъ сего поступка, что онъ ихъ не ненавидитъ; онъ хвалитъ открытымъ образомъ и въ глаза тѣхъ, коимъ го-

(*) Древній Греческій писатель.

творитъ сѣти, и показываетъ, что весьма объ нихъ сожалѣетъ, естьли приключится имъ что либо бѣдственное. Онъ кажется прощаетъ обидныя ему слова: хладнокровно повторяетъ ужаснѣйшія ругательства, кои ему нанесены, и самыя ласковыя слова употребляетъ для умягченія тѣхъ, кои на него жалуются. Естьли случится, что придетъ къ нему кто съ торопливымъ видомъ; то онъ притворяется, что занятъ дѣлами, и говоритъ ему, чтобъ онъ пришелъ въ другой разъ. Онъ рачительно скрываетъ все, что дѣлаетъ, и естьли вѣрить ему, то подумаешь, что онъ все въ нерѣшимости находится. Онъ ни слова не скажетъ безъ умысла; но всегда имѣетъ свои причины сказать, что онъ ѣдетъ въ деревню, или что онъ только что пріѣхалъ, иногда, что онъ слабъ здоровьемъ. Онъ скажетъ тому, кто у него проситъ денегъ, что не имѣетъ ни полушки; а другимъ скажетъ, что

тысячами ворочаетъ. Часто выслушавъ то, что ему сказали, хочетъ онъ увѣрить, что ни одного слова не слыхалъ: притворяется, что не видалъ тѣхъ вещей, на которыя устремлялъ глаза. Тѣ, кои говорятъ съ нимъ или просятъ о дѣлахъ, получаютъ только въ отвѣтъ сіи слова: *я объ етомъ подумаю*. Словомъ сказать, онъ всѣ своя слова и дѣйствія располагаетъ по выгодамъ своимъ, всегда говоритъ двусмысленно, и его должно остерегаться, какъ язвы. Ядъ аспидовъ не столь опасенъ, какъ такой человѣкъ.

О ПУСТОСЛОВИІ.

Глупое желаніе говорить происходитъ отъ сдѣланной привычки говорить много и безъ разсужденія. Такой человѣкъ, сидя близь особы, которую онъ ни когда не видывалъ, немедленно заведетъ съ нею разговоръ, распрашиваетъ его о женѣ, о

дѣтяхъ, хвалитъ самаго себя, разсказываетъ ему какой онъ видѣлъ сонъ, описываетъ ему подробно великолѣпной обѣдъ, на которой онъ былъ приглашенъ, не забывъ ни одного блюда; потомъ разгорячась, начнетъ хулить настоящее время, и утверждаетъ, что въ старину люди были лучше нынѣшнихъ. Оттуда бросится онъ говорить о цѣнѣ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ, хлѣба и о великомъ числѣ иногородцовъ, живущихъ въ Столицѣ. Онъ скажетъ, что рѣки скрываются весною, что надобно бы немного дождя, для хлѣба и прочихъ плодовъ земныхъ; что на будущій годъ онъ посѣетъ свой овесъ на другомъ мѣстѣ; жалуется, что трудно стало нынѣ жить. Онъ сказываетъ сему незнакомому, что лучшая въ городѣ вѣтчина у *Дамилла*: спрашиваетъ у него много ли аршинъ сукна входитъ ему въ кафтанъ; которое число, и сказываетъ ему, что не давно былъ онъ боленъ

животомъ, и ежели сей человѣкъ, съ которымъ онъ говоритъ, будетъ имѣть терпѣніе его слушать; то онъ отъ него не отвяжется, но скажетъ ему за новое, что Рождество бываетъ двадцать пятаго Декабря, что въ Февралѣ только 28 дней, что въ мѣсяцѣ 4 недѣли, и что на всякой недѣлѣ бываетъ Середа и Пятница и проч. Съ такими безъ человѣчными болтунами не чего инаго дѣлать, какъ только бѣжать не оглядываясь, естьли кто хочетъ избѣжать горячки; ибо естьли средство сносить такихъ людей, кои не умѣютъ разсудить, досугъ ли вамъ ихъ слушать, и не заняты ли вы какимъ важнымъ дѣломъ.

О НЕВѢЖЛИВОСТИ.

Невѣжливость есть ни что иное, какъ незнаніе людскости и пристойности свѣтскаго обхожденія. И дѣйствительно случается, что такой че-

ловѣкъ, нажравшись чесноку, идетъ смѣло въ гости, и задушаетъ всѣхъ симъ запахомъ; для него все равно, нюхать протухлую рыбу, или розу; чулки на немъ всегда спущены, или надѣты на изнанку, говоритъ громко, и ни какъ не можетъ умѣрить голоса своего, не довѣряетъ друзьямъ своимъ въ малѣйшихъ вещахъ, между тѣмъ, какъ разговариваетъ съ ихъ служителями, какъ съ равными себѣ, и разсказываетъ имъ все съ нимъ случившееся. Онъ садится, развалившись непристойнымъ образомъ. Такой человѣкъ ни чему въ жизни своей не удивляется, даже самымъ страннымъ случаямъ, встрѣчающимся ему: но естьли попадется ему на дорогѣ быкъ, оселъ, или старой козелъ; тогда онъ остановясь, радъ цѣлой день смотрѣть на него съ удивленіемъ. Естьли случится ему быть въ гостяхъ, когда поставятъ на столъ закуски то онъ все одинъ поѣстъ, отираетъ губы руками, а руки о

камзолЪ. ИзЪ за стола вставЪ вЪ срединѣ обѣда, пойдетЪ за нуждою, или пойдетЪ дать кусокЪ хлѣба любимой лошадкѣ, или коровѣ. Вы всегда найдете у нихЪ подЪ столомЪ большую дворную собаку, которая на приходящихЪ лаетЪ, а иногда и кусаетЪ; чему хозяинЪ только что смѣется. Сфера разума ихЪ не простирается далѣе сохЪ, боронЪ, косЪ, лопатЪ и прочихЪ земледѣльческихЪ орудій, которыя они и во снѣ видятЪ. Сіи-то самые люди, подбиваютЪ сапоги свои гвоздями, рыгаютЪ при людяхЪ, и дѣлаютЪ прочія подобныя тому невѣжества.

Ѡ НЕДОВѢРЧИВОСТИ.

НедовѣрчивыйчеловѣкЪ думаетЪ, что весь свѣтЪ хочетЪ его обмануть. Естьли, напримѣрЪ, пошлетЪ онЪ на рынокЪ слугу своего купить съѣстныхЪ припасовЪ; то вЪ слѣдЪ за нимЪ пошлетЪ другова, которому

велитъ за нимъ присматривать; и съ точностїю увѣдомить его, чего они будутъ стоить. Естьли случится ему ѣхать въ дорогу съ деньгами; то онъ на всякой верстѣ ихъ щитаетъ. Иногда легши съ женою спать, спрашиваетъ у нея, крѣпко ли заперты сундуки, замкнута ли шкатулка съ деньгами, и заперты ли сѣнныя двери; и хотя она его всячески увѣряетъ, что все заперто; но онъ не утерпитъ, чтобъ самому всего не осмотрѣть: онъ встаетъ въ одной рубашкѣ и босикомъ, беретъ ночникъ, и бродитъ съ нимъ по всему дому, и сдѣлавъ строжайшїй осмотръ, съ великимъ трудомъ можетъ заснуть. Естьли случится ему отдавать красить холстину; то онъ не отдастъ ея безъ порукъ. Естьли кто попроситъ у него на подержанье серебряныхъ ложекъ; то онъ не отдастъ ихъ не свѣсивъ: посылаетъ слугу за тѣмъ, кто ихъ понесъ, и назавтра же тре-

буетъ ихъ назадъ. Когда онъ ходитъ по городу со слугою, котораго отмѣнно отъ прочихъ любитъ; то велитъ ему итти передъ собою, боясь, чтобъ онъ не ушелъ.

О ЧЕЛОВѢКѢ
нетерпимомъ въ обществѣ за неопрятность свою.

Такова человѣка увидите вы въ бесѣдѣ вымараннаго, обросшаго бородою, съ длинными ногтями; онъ весь въ коростѣ и въ чирьяхъ. На рукахъ у него бородавки, которыя онъ согнать и не думаетъ, или вздумаетъ тогда, какъ пройдетъ уже время, и болѣзнь сдѣлается неизлѣчимою. Зубы у него чорны и всѣ выкрошились, такъ, что къ нему не льзя подойти: но сіе еще не все. За столомъ харкаетъ и плюетъ имянно на стоящаго за нимъ слугу; сморкается въ салфетку; говоритъ, набивши ротъ, и брызгая всѣмъ въ

глаза, на тарелку и на хлѣбъ, сидящихъ по нещастію близь его. Кафтанъ на немъ такъ замасленъ, какъ на блинникѣ. Входя въ домъ не обтираетъ онъ ногъ, хотя онѣ и всѣ въ грязи. Словомъ сказать, такой человѣкъ совершенно несносенъ въ обществѣ.

Продолженіе впредь.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Продолженїе анекдотовъ о Госпожѣ Ментенонъ.

Сія славная женщина желала быть обожаема всею вселенною; но не почувствовала бы благодарности ни къ одному изъ своихъ обожателей, будучи, какъ она говаривала, столь же чувствительна къ одобренію пастуха, какъ и къ преданности Царя. Она имѣла столь добрую славу, что нѣкоторой придворной сказалъ: я скорѣе сдѣлаю дерзское предложеніе Королевѣ, нежели етой женщинѣ. А дѣ

вица Скюдери, сія славная писательница романовъ, говаривала своимъ витіеватымъ наръчіемъ: воздухъ, которымъ близъ ея дышутъ, кажется внушаетъ добродътель. Сіе обыкновенное состояніе души ея, къ коему она привыкла, и которое вселяло ей въ мысли, чтобъ всъмъ безъ исключенія нравиться, избъгая склонности къ кому нибудь одному, не препятствовала однако же ей имъть отъ природы сердце нъжное и благодарное. Можетъ быть она внутренно и боролася съ чувствіями своей души; ибо не возможно, кажется, чтобъ изъ такого большаго числа любви достойныхъ людей, коимъ она нравилася, ни одинъ ей не понравился. Маршалъ д' Албретъ не могъ не влюбится въ нее, видя ее всякой день. Онъ ей пожертвовалъ всъми своими любовницами, и ни кто больше его оныхъ не имълъ; но чрезвычайно удивился, когда вмъсто того, чтобъ отвъчать на сіи пожерт-

вованія лестными обѣщаніями, Гжа Скарронъ предложила ему мужественное отреченіе отъ женщинъ, въ награду же за такое отреченіе сулила ему блаженство вѣчной жизни. Ей хотѣлося имѣть славу, учинить набожнымъ человѣка, которой былъ до крайности склоненъ къ любовной страсти. Албретъ все ей обѣщалъ, началъ имѣть любовницъ украдкою отъ публики, и возчувствовалъ неограниченное почтеніе къ той, которая исправила его нѣкоторымъ образомъ, и почтеніе сіе сохранилъ онъ къ ней до конца своей жизни. Онъ увидѣлъ, что лучше быть другомъ твердой женщины, нежели любовникомъ слабой. Онъ любилъ безъ надежды, былъ любимъ безъ слабости, и былъ щастливъ безъ преступленія Слава Гжи Скарронъ пронеслася ко Двору, гдѣ не взирая на шутливаго ея мужа, всѣ ее уважали. Между тѣмъ Скарронъ умеръ, и жена

оплакивала его, какъ будто что она потеряла.

По смерти своего мужа увидѣла она себя подверженною всѣмъ ужасностямъ неимущества. Скарронъ оставилъ ей въ наслѣдство одни только шутки и долги. Пріятели ея не оставили ея, и она пользовалася предложеніями ихъ съ умѣренностію. Любовники ея начали основывать великую надежду на бѣдности ея; но умыслы ихъ тщетно скрывалися подъ наружностію сожалѣнія и добродѣтели. Сердце ея съ великимъ нехотѣніемъ принимало сіи услуги. Чемъ болѣе кто щадилъ ея нѣжность; тѣмъ болѣе возбуждалъ ея самолюбіе, которое заслуживало сіе уваженіе. Красота ея находилась тогда въ самомъ лучшемъ своемъ блескѣ. Она являла ту величественность, которую кажется бракъ придаетъ женщинамъ, и ту свѣжесть юности, которую цѣломудріе сохраняетъ. Ухватки ея имѣли нѣчто восхитительное, улыбка

ея очаровывала сердца, видъ ея былъ благороденъ и прелестями наполненъ, чего не могло лишить ея въ послѣдствіи и время. Мысли ея столь были согласны съ языкомъ, что всѣ слова ея, подобно стрѣламъ, поражали сердца. Она имѣла нѣкоторую склонность къ задумчивости; но задумчивость сія заключала въ себѣ непонятную нѣкую пріятность, и вмѣсто того, чтобъ учинить ея угрюмою, разсыпала на всѣ ея слова неизъяснимую нѣжность, и влекла къ ней глаза и души всѣхъ присутствующихъ. Самыя даже шутки ея были благоразумны, а умъ столь естественный, что можно бы поклясться, что то не умъ. Маркиза де Моншевріель сжалилася надъ толикими прелестями и добродѣтелями. Она спасла ее отъ опасностей, коихъ Гжа Скарронъ не опасалася, предложивъ ей убѣжище въ своей деревнѣ. Гжа Скарронъ столько старалася ей угодить, что увидя однажды изъ слоевъ

ея, что ей хотѣлося имѣть шитый коверъ, вставала она въ продолженіе четырехъ мѣсяцовъ въ четыре часа по утру, и упражнялася неусыпно въ сей работѣ. Одинъ изъ сосѣдей, видя всякой день открытое такъ рано окошко, и сидящую у онаго женщину съ иглою, сказалъ Гжѣ де Моншевріель: какая у васъ, сударыня, трудолюбивая горнишная дѣвушка! На семъ-то произшествіи основано находящееся во многихъ тогдашнихъ рукописяхъ сказаніе, что будто бы она была горнишною дѣвкою.

Въ намѣреніи выйти изъ посредственнаго состоянія тѣмъ способомъ, чтобъ сдѣлать себѣ славное имя, она вмѣшала въ поступки свои нѣкоторыя странности. Ей не довольно казалось быть прекраснѣйшею женщиною своего времени; но желала еще прослыть женщиною чрезвычайною и твердою: она простирала добродѣтели своего пола даже до излишества; но хотѣла имѣть еще и

тѣ, коимъ и въ нашемъ полѣ удивляются. Ѣдучи однажды въ Поату со многими особами, случилось, что одинъ изъ путешественниковъ занемогъ оспою. Гжа Скарронъ не имѣла сей болѣзни; однакожъ, увѣривъ сестру больнаго, что сіе весьма опасно, и чтобъ она къ нему не входила, пошла сама въ его комнату, ходила за нимъ, и не прежде оставила, какъ онъ уже совсемъ выздоровѣлъ. Когда стали ее благодарить за сію великую услугу; то она отвѣчала: ето не дружба и не вѣра, которыя заставили меня сіе предпринять; но небольшое усердіе и великое желаніе сдѣлать такую вещь, которая никогда еще не дѣлалася.

Въ то время, какъ еметикъ (*) почитался послѣднимъ прибѣжищемъ во врачебной наукѣ въ отчаянныхъ болѣзняхъ, приняла она онаго, будучи совершенно здорова,

(*) Рвотное.

поѣхала въ гости, и съ великимъ хладнокровіемъ сказала, что она принимала еметикъ: ея отослали поскорѣе домой, почитая сумасшедшею. Мнѣ не того хотѣлося, говорила она послѣ; но чтобъ сказали: сія пригожая женщина имѣетъ мужественную твердость духа; однако же етаго не сказали.

Пріятели Гжи Скарронъ вздумали, что можно возстановить въ ея пользу ту пенсію, которую получалъ ея мужъ года съ четыре въ званіи *Королевина больнаго*, и которой лишился онъ за то, что сочинилъ ругательные стихи на Кардинала Мазарина. Подано было о ней множество прошеній, въ коихъ превозносилися ея рѣдкія добродѣтели. Кардиналъ Мазаринъ, прочитавъ одно изъ оныхъ, спросилъ: здорова ли она? Здорова, сударь, отвѣчали ему. Такъ слѣдовательно неспособна она занять мѣсто того человѣка, которой былъ боленъ. Гжѣ Скарронъ не ос-

ставалось иной помощи, кромѣ великодушія Г. Фукета. Онъ давалъ тысячу шесть сотъ ливровъ пенсіону Скаррону. Но быть на жалованьѣ сего главнаго Казначея, казалось не очень пристойно: онъ награждалъ мущинъ изъ тщеславія, а женщинъ изъ любострастія. Долго боролася она съ своею гордостію. Такой поступокъ казался ей послѣднѣйшею подлостію: добродѣтель ея, честь и твердое намѣреніе вести себя всегда такъ, чтобъ и враги ея не могли ни въ чемъ ее укорить, все сіе отвращало ее отъ онаго; но наконецъ другія склонили ее на то. Она поѣхала къ Фукету, но столь худо одѣтою, что особа, долженствовавшая ее представить, приведена была тѣмъ въ стыдъ. Не льзя сказать, чтобъ Гжа Скарронъ не любила нарядовъ: но поелику полъ ея дѣлаетъ изъ того обыкновенно почти единственное свое упражненіе; то сего и довольно было, чтобъ внушить ей къ нарядамъ

притворное презрѣніе. Она безмѣрно желала удостоиться тѣхъ похвалъ, коими дворъ набожной Королевы матери, осыпалъ удаляющихся отъ роскоши и щегольства. Фукетъ принялъ ее, какъ удрученный дѣлами Министръ, и не примѣтилъ тѣхъ скромныхъ прелестей, кои бы безъ сомнѣнія его тронули, и сему виду неимущества, которымъ бы онъ приведенъ былъ въ сожалѣніе: онъ надѣлавъ ей великое множество обѣщаній, забылъ объ оныхъ, какъ-то обыкновенно дѣлаетъ тотъ, кто сдѣлалъ привычку обѣщавать всему свѣту. Чрезъ нѣсколько дней, вспомнилъ онъ, взглянувъ нечаянно на записку, которую она ему подала, что и дѣйствительно Скарронъ имѣлъ пригожую жену, которую онъ нѣкогда видалъ. Крайняя бѣдность ея, описанная въ прошеніи, подала ему великую надежду, которую воображеніе его еще болѣе увеличило: онъ открылся въ томъ одному изъ тѣхъ

людей, коихъ Вельможи обыкновенно держатъ у себя, для вспоможенія имъ въ любовныхъ забавахъ. Сей человѣкъ пришедъ къ Гжѣ скарронъ, сказалъ ей, что *Его Высокопревосходительство* пріемлетъ великое участіе въ ея несчастіяхъ, но что не въ силахъ ей помочь, по причинѣ великаго множества людей, на пенсіи находящихся, и слѣдовательно не можетъ полагать убыточнаго для казны примѣра, чтобъ вдовамъ давать наслѣдственную пенсію; что по истиннѣ онъ оказываетъ благодѣянія свои многимъ женщинамъ, и даже самымъ знатнымъ; но что за сіе онъ получаетъ отъ нихъ такое возмѣздіе, которое вознаграждаетъ его убытки. Онъ примолвилъ, что ежели позволитъ она ему говорить свободно; то онъ совѣтуетъ ей подружиться съ нѣкоторыми изъ тѣхъ госпожь, кои живутъ милостями Г. Фукета. Сей вѣроломный совѣтъ стремился вовлещи Гжу Скарронъ въ сѣти. Фукетъ

намѣру дурно принялъ ее, чтобъ можно было подозрѣвать его въ любви къ ней. Она поблагодарила посланнаго. Гжа де Монтиньи, любовница и повѣренная Интенданта, свела съ нею знакомство, и старалась уговорить ее повидаться еще разъ съ нимъ. Но Гжа Скарронъ отвѣчала ей съ такою скромностію и благоразуміемъ, что Гжа де Монтиньи, начала стараться замять и какъ нибудь вывернуться изъ сего предложенія, которое учиняло ее презрительнѣйшею въ свѣтѣ тварью. Фукетъ былъ непривыченъ къ продолжительнымъ сопротивленіямъ: то, что мы называемъ добродѣтелію въ женщинахъ, казалося ему торгомъ. Онъ столько былъ увѣренъ, что сердца покупаются, что осмѣлился торговать сердце Гжи де Валіеръ (*): я имѣю, говорилъ онъ, всѣ деньги государственныя, и слѣдовательно у меня же и

(*) Любовница Людовика XIV; которой мѣсто заступила Гжа де Монтеспанъ.

тарифъ всѣхъ добродѣтелей. Пропят-ствія его подстрекнули; онъ вздумалъ, что будетъ щасливѣе, когда начнетъ говорить выразительнѣе, и для того прислалъ Гжѣ Скарронъ на изрядную сумму алмазовъ. Она не могла ни узнать ни угадать, отъ кого получила столь драгоцѣнной подарокъ, и приняла оной, какъ изъ десницы Провидѣнія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, Гжа де Монтиньи къ ней пріѣхала, разсматривала съ удивленіемъ сіи драгоцѣнности, и объявила ей, что то подарокъ Гна Фукета. Гжа Скарронъ покраснела, и вскричала, испугавшись, что немедленно отошлетъ назадъ. Гжа де Монтиньи представляла ей, что симъ поступкомъ сдѣлаетъ она ему обиду, которой онъ не заслуживаетъ; что сей подарокъ есть ни что иное, какъ знакъ его къ ней уваженія; и что такимъ образомъ поступаетъ онъ съ самыми почтеннѣйшими женщинами. Отъ опасенія ли обидѣть

знатнаго господина, или отъ легковѣрія и слабости, Гжа Скарронъ согласилася на сіе, и умягчилася. На другой день пріѣхала она посѣтить Гжу де Монтичьи, какъ то на канунѣ обѣщала. Но сколь велико было ея удивленіе, какъ вдругъ вошелъ туда и Гнъ Фукетъ! Она сочла сіе свиданіе условленнымъ, и тщетно увѣряли ея, что то было одно щастливое дѣйствіе нечаянности, и что Фукетъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ получить заплату за свои алмазы. Она немедленно уѣхала съ такою поспѣшностію, какъ будто изъ чумнаго дома. Разсказывая послѣ того сіе приключеніе, признавалася она, что ни когда не чувствовала такой радости, какъ отославъ назадъ алмазы, противъ коихъ, Фукетъ думалъ, что она не въ силахъ будетъ устоять.

Гжа Скарронъ начинала уже предаваться отчаянію, и не находила ни какого способа избавиться отъ

крайности своей, какъ нечаянно Королева мать произнесла имя Скаррово, что услышавъ Баронъ де ла Гардъ, уловилъ сей случай, дабы представить ей, что сей славный больной, коего удостоивала она нѣкогда своими благодѣяніями, оставилъ по себѣ жену, весьма пригожую и достойную сожалѣнія, коея добродѣтель давно уже борется съ бѣдностію. Къ симъ словамъ пристали и прочіе придворные, и униженно просили Королеву, чтобъ Ея Величество благоволила возобновить для нея тотъ пенсіонъ. котораго мужъ ея справедливо былъ лишенъ за дерзость своего пера. Просьбы сіи были столь усильны и убѣдительны, что Королева спросила, великъ ли былъ сей пенсіонъ. Оной состоялъ изъ полутора тысячи ливровъ; но нѣкто сказалъ Королевѣ, что онъ состоялъ изъ двухъ тысячь. Королева немедленно приказала его возобновить, и отослала ей въ тотъ же часъ первую четверть. Гжа Скар-

ронъ пріѣхала благодарить ее въ *Валь де Грасъ*, и всѣ придворные почитали себя щастливыми, что спосп́ѣшествовали испрошенію ей сея милости: благодарность моя, сказала она дѣвицѣ де Понъ, къ тѣмъ, коимъ не одолжена я симъ благодѣяніемъ, была бы кража у тѣхъ, коимъ я онымъ обязана. Между тѣмъ, какъ всѣ напереръ́ывъ ее поздравляли, Гжа де.... не могши себѣ представить, чтобъ можно было имѣть толикое число друзей, не имѣя множества любовниковъ, сказала довольно громко: О! что касается до того, что ежели Королева хотѣла дать пенсіонъ прекраснѣйшимъ глазамъ и величайшей кокеткѣ во всемъ Парижѣ; то лучше сего не могла она выбрать. Гжа Скарронъ услышала сіи слова, и оныя отравили всю ея радость. Похвала, приписанная глазамъ ея, не могла заставить ее простить обиду, нанесенную ея нравамъ. Сія несправедливость столь глубоко впечатлѣлась въ

сердцѣ ея, что она возчувствовала отъ того непримиримую ненависть къ сей госпожѣ, кромѣ которой, говорила она, ни кого въ свѣтѣ она не ненавидѣла, и сія ненависть столь была сильна, что ей дѣлалось всегда дурно, когда случалося ее видѣть, слышать ея имя, или проѣзжать мимо ея дома. При семъ-то случаѣ духовникъ ея сказалъ ей: такъ видно, сударыня, естьли вы не наслѣдуете царствія небеснаго; то причиною тому будетъ одна только ненависть. Гжа Скарронъ, видя, что имѣетъ довольной доходъ, дабы съ приличностію себя содержать, удалилася въ Урсулинской монастырь въ улицѣ Св. Іякова, гдѣ и жила со всевозможною скромностію, и предавалася раждающейся въ ней склонности къ набоженству. Четвертую часть своего пенсіона опредѣлила она на роздачу нищимъ, для испрошенія у Бога, говорила она, прощенія за учиненную услужливую ложь, которая доставила ей оную.

Одинъ каменьщикъ предсказалъ ей будущую ея великость въ домѣ Албретовомъ, гдѣ она нѣсколько времени занимала комнату. Сей каменьщикъ выдавалъ себя за Астролога, и часто бывалъ у Скаррона. Однажды, будучи пораженъ благороднымъ видомъ и величественнымъ станомъ его жены, сказалъ онъ: хотя она теперь жена калеки, но я предсказываю не ложно, что она родилася на то, чтобъ быть Королевою. Онъ столь часто повторялъ сіе предсказаніе, которое говорилъ, что написано въ звѣздахъ, что и въ самомъ дѣлѣ представляло ему воспаленное его воображеніе. Работая однажды въ домѣ Гна Албрета, вошелъ онъ въ комнату Гжи Скарронъ, и сказалъ ей пророческимъ голосомъ: по претерпѣніи многихъ огорченій, досадъ и трудовъ, взойдешь ты на такое мѣсто, куды и не помышляешь взойти. Одинъ великій Государь тебя полюбитъ и ты будешь царствовать; но ни когда

не будешь чрезмѣрно богата. Къ сему пророчеству присовокупилъ онъ странныя подробности, которыя увеселили ея и удивили. Вся сила разсудка ея не могла ее защитить отъ нѣкотораго смятенія, которое пріятельницы ея примѣтили: онѣ много тогда надъ ней смѣялися. Ехъ, сударыни, сказалъ тогда каменьщикъ, лучше бы вамъ цѣловать теперь съ почтеніемъ ея платье, нежели шутить надъ нею. Когда же сіе предсказаніе исполнилось; то она приказала искать сего каменьщика; но онъ уже умеръ. Она сдѣлала дѣтей его щастливыми. Дѣвица д' Омаль, читала ей однажды жизнь Кавалера Баярда, и когда дошла до предсказанія, гдѣ говорятъ ему, что онъ достигнетъ до высочайшей степени уваженія и знатности, колхъ только подданный можетъ надѣяться но что имѣніе его не будетъ соразмѣрно съ его возвышеніемъ: я на него похожа, сказала Гжа Ментенонъ, и каменьщикъ мнѣ то предсказалъ.

Маркизъ де С.... человѣкъ весьма развратный и богатый, вознамѣрился удалиться отъ большаго свѣта и отъ утѣхъ, по той причинѣ, что ноги его начали пухнуть. Онъ сталъ весьма здраво разсуждать съ тѣхъ поръ, какъ желудокъ его сталъ худо варить. И такъ, дабы съ нѣкоторымъ удовольствіемъ спастися, разсудилъ онъ, что ему надобна жена. Но чтобъ избѣжать дальнихъ хлопотъ сватовства и отказовъ, бросилъ онъ глаза свои на Гжу Скаррон. Фельдмаршальша д' Албретъ взялась за него стараться, и учинила ей первыя о томъ предложенія, будучи увѣрена, что сія бѣдная вдова осыплетъ ея благодареніями. Но Гжа Скарронъ не разсудила, чтобъ очень было пріятно перейти съ ложа страдавшаго подагрою мужа, на ложе водяною болѣзнію одержимаго: она отвѣтствовала Гжѣ д' Албретъ, что сей человѣкъ для нее не годится, что онъ развратенъ, беззакон-

никъ, сердитъ, глупъ, и что она предпочитаетъ щастливую посредственность такому состоянію, гдѣ съ великимъ богатствомъ найдетъ она еще большее мученіе. Фельдмаршальша продолжая ее уговаривать, представляла ей, что Маркизъ тотъ человѣкъ знатной, и столько ограниченной имѣетъ умъ, что конечно во всемъ будетъ согласоваться съ ея волею. Въ отвѣтъ на сіе получила она, что знатность безъ достоинства есть весьма бѣдная вещь, и что не можно хорошо управлять такимъ человѣкомъ, которой не стыдится быть подъ властію жены. Гжа д' Албретъ вознегодовала на сопротивленіе, котораго она не ожидала, и сказала ей въ первомъ движеніи своей досады, что она съ лишкомъ спѣсива, что не всегда была такъ разборчива, что свѣтское обхожденіе ее испортило, что ее избаловали, и что вѣть вышла же она за мужь за шута стихотворца. Гжа Скарронъ, чувствительно

огорченная симъ выговоромъ, не могла удержаться отъ слезъ, отъ того ли, что память мужа ея была ей еще дорога, или по причинѣ той, что гордость ея терпѣла отъ такова воспоминанія, что она была жена Скарронова, хотя она всячески старалася заставить о томъ забыть. Гжа д' Албретъ наговорила ей тысячу обязательныхъ вещей, дабы загладить сію обиду; но ударъ уже былъ нанесенъ и какъ говорится, снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Гжа Скарронъ не могла снести, чтобъ ее укорили такимъ мужемъ, коего одно имя доставило ей по смерти его пенсію. Герцогиня Ришелье ихъ однако же помирила. Маркизъ С..... получивъ отказъ, пересталъ продолжать сватанье свое, показывавшее такое же къ самому себѣ презрѣніе, какъ уваженіе къ Гжѣ Скарронъ. Но когда Королева мать скончалася, и какъ пенсія, получаемая ею отъ ея щедротъ, съ нею же кончилась; то Маркизъ

снова появился съ тякимъ надежнымъ видомъ, которой еще ненавистнѣе его учинилъ. Тщетно ожидалъ онъ перемѣны склонности ея отъ перемѣны состоянія. Гжа Скарронъ была непоколебима въ своихъ намѣреніяхъ, когда почитала ихъ справедливыми. Состояніе, въ которомъ она находилася, не умаляло ея твердости; состояніе же, ей представляемое, ни мало ея не ослѣпляло: свобода, казалась ей лучшимъ изъ всѣхъ благъ въ свѣтѣ. Она сказала Гжѣ д' Албретъ, что не намѣрена содѣлаться невольницею того, коего женою быть отказалася. Друзья ея начали почитать ее упрямицею, недостойною покровительства, потому, что пренебрегала она столь блистательное щастіе. Одна только славная Нинона Ланкло одобрила ея твердость. Сія женщина, говорила она, стоитъ болѣе всѣхъ Французскихъ Маркизовъ вмѣстѣ. Она предложила ей домъ свой и столъ; но Гжа Скарронъ надмѣру привязана была къ своей

славѣ, чтобъ принять сіе убѣжище. Обхожденіе Ниноны не согласовалося ни съ нравомъ ея ни съ видами. И такъ перешла она изъ економіи въ другой монастырь, въ предмѣстіи Сен-Марсельскомъ находящейся.

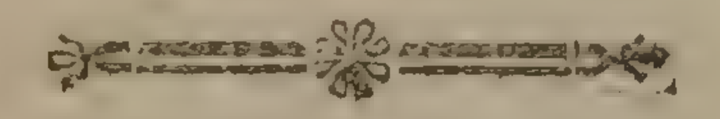
Между тѣмъ не преставала она стараться о пенсіи, которую получала отъ Королевы матери. За нее подавано было множество прошеній, въ коихъ Аббатъ Тетю истощевалъ все свое краснорѣчіе. Сіи прошенія начиналася всегда слѣдующими словами: *Вдова Скарронъ всеподданнѣйше проситъ Ваше Величество*, и проч. Сіе наскучило наконецъ Королю, которой сказалъ однажды: долго ли я буду слышать о этой вдовѣ Скарронъ? Сіи слова произвели новое сравненіе, и недѣли съ двѣ говорили при Дворѣ: онъ также докучливъ, какъ Госпожа Скарронъ. Г. Колбертъ, къ которому она прибѣгла, разсудилъ, что титло вдовы такова человѣка, котораго все дѣло состояло въ томъ, чтобъ смѣ-

шить людей, и охать, недовольное было право на пенсію. Всѣ предлагали ей свои услуги; но ни кто ей оныхъ не оказывалъ. Самые даже давнѣйшіе ея друзья не захотѣли болѣе принимать такую женщину, которая всегда, какъ они говорили, вооружена была челобитною. Между тѣмъ щастіе начало къ ней смягчаться. Принцесса Намурская учинилася Королевою Португальскою. Она любила Гжу Скарронъ, и захотѣла увести ее съ собою. Гжа Скарронъ была столько нещастлива, и столько при томъ благоразумна, что всѣ страны свѣта были для нее равны. И такъ сдѣлавъ условія, назначили день къ отъѣзду; но нѣкоторое нечаянное щастливое произшествіе воспрепятствовало сему намѣренію. Гжа Скарронъ захотѣла прежде отъѣзда быть представленною Гжѣ де Монтеспанъ: она знавала ее въ бытность свою въ Албретовомъ домѣ; но тогда Гжа Монтеспанъ, будучи уже у Короля въ

милости, и преселясь, такъ сказать, въ новой свѣтъ, забыла можетъ быть не только ее, но и домъ, гдѣ она ее видала. Маркиза де Тіанжь, сестра ея, которая не преставала быть съ нею въ дружбѣ, съ охотою взялася представить сестрѣ своей молодую вдову, которая, оставляя Францію, желала, по крайней мѣрѣ еще разъ видѣть украшеніе оной. Гжа де Монтеспанъ, которую хвала придворныхъ еще не испортила, весьма была довольна симъ лестнымъ привѣтствіемъ, и не разсудила за благо, чтобъ Португальская Королева отняла у Франціи Гжу Скарронъ. Ей отвѣтствовали, что смерть Королевы матери принудила ее искать внѣ Государства честнаго пропитанія. Гжа де Монтеспанъ, выслушавъ всѣ подробности ея состоянія, тронулася ея бѣдностію, которая съ такою красотою доказывала удивительную добродѣтель. Она велѣла ей подат челобитную, и взялася вручить ее сама

Королю. КакЪ, вскричалЪ Государь, опять вдова СкарронЪ! —— Государь; сказала ему Гжа МонтеспанЪ, давно бы уже не надлежало вамЪ о ней слышать, и удивительно, что Ваше Величество не удостоили еще по сіе время выслушать такую женщину, коея предки разорилися, служа предкамЪ вашимЪ. Рука, подавшая сіе прошеніе, учинила оное пріятнымЪ. ПенсіонЪ былЪ опредѣленЪ, и путешествіе вЪ Португаллію оставлено. Гжа СкарронЪ приближилась опять кЪ большому свѣту, отЪ коего было удалилася, и перешла жить во дворецЪ Ришелье.

Продолженіе впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ НЕИМОВѢРНЫЯ МѢСТА ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О МНИМОЙ БѢДНОСТИ ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ ДРЕВНИХЪ РИМЛЯНЪ.

Валеръ Максимъ не забылъ упомянуть о Цинцинатѣ, семъ славномъ полководцѣ. У него было только семь десятинъ земли, изъ коихъ лишился онъ трехъ, продавъ оныя на заплату пѣни за одного изъ своихъ пріятелей, и за своего сына, которой, будучи призыванъ въ судъ, ослушался сего и не явился. Насъ хотятъ увѣрить, что сими четырью десятинами земли содержалъ онъ всю свою семью, и съ честію поддерживалъ свой диктаторской санъ. Я простилъ бы Цинцинату, естьли бы онъ не оставилъ чемъ себя похоронить.

Но вотъ вещь, еще удивитель-

нѣе, еще страннѣе! Еліи, числомъ шестнадцать человѣкъ, имѣли только маленькой домикъ и небольшую усадебку въ Вейской округѣ. Для сей-то причины народъ дал Еліямъ преимущество находиться на позорищахъ, какъ на Циркѣ, такъ и въ театрѣ Фламиніевомъ. Естьли бы по нещастію побило градомъ сію маленькую земельку; то Еліи пошли бы по міру. Но Юпитеръ конечно ихъ отъ того предохранилъ. Елій Туберо имѣлъ серебра не болѣе, какъ двадцать четвертую часть унціи: что составитъ четвертую только часть золотника. Павелъ Емилій, выдавшій за него дочь свою, подарилъ ему пять фунтовъ онаго, по одержаніи побѣды надъ Персеемъ, Царемъ Македонскимъ. Не смотря на сію неслыханную щедрость, Туберо умеръ въ такой бѣдности, что также не изъ чего было бы по тогдашнему обыкновенію дать надлежащую часть женѣ его, естьли бы для сего не продали небольшаго клочка земли.

Кней Сципіонъ былъ въ Гишпаніи во время второй Карѳагенской войны. Онъ униженно просилъ Сенатъ избрать на его мѣсто другаго Генерала, дабы можно было ему возвратиться въ Римъ. За чемъ же ему надобно было туда возвратиться? Не умеръ ли и у него староста, какъ у Регула? Совсѣмъ не то; а вотъ какая сдѣлалася причина: дочь его пришла въ тѣ лѣта, что надлежало выдать ее за мужь, и что безъ него не кому было дать ей приданое. Всегда благодѣтельный Сенатъ благоволилъ взять на себя сіе дѣло, и выдалъ дочь Сципіонову на казенное иждивеніе. Я не имѣю болѣе духу продолжать исчисленіе примѣровъ такихъ знаменитыхъ бѣдняковъ, о коихъ Валеръ Максимъ повѣствуетъ. Я даже умалчиваю о тѣхъ изящныхъ мысляхъ и замысловатыхъ забобонахъ, коими историкъ сей украшаетъ свои повѣсти. Онъ не примѣчаетъ того, что вмѣсто усугубленія высокаго на-

шего мнѣнія о Римлянахъ, описываетъ онъ ихъ, какъ слабоумныхъ и ни мало непривержечныхъ къ отечеству людей. Не должно ли осуждать намъ Публиколу, какъ человѣка безпорядочнаго, беззаконнаго и лѣнивого, не имѣвшаго свойственнаго порядочному человѣку хозяйства, которой не оставилъ чемъ себя похоронить? Развѣ есть въ томъ какая нибудь слава, чтобъ по смерти своей пустить дѣтей по міру. Фабрицій же былъ по сему описанію беззаконной скупяга, употреблявшій свою кружку съ роговою ножкою и на питье за столомъ вина, и на жертвоприношенія. Папій былъ скверный и гордый упрямецъ, естьли не хотѣлъ онъ разстаться съ сими двумя серебряными штуками, для удовлетворенія крайнихъ надобностей своего семейства. Регулъ не былъ ли худой гражданинъ? Не подло ли было просить себѣ смѣны, для того, что у него изломилася лопата и соха? Сципіонъ столько же не из-

винителенъ, что предпочелъ свадьбу дочери своей пользѣ отечества. Въ томъ ли состояло сіе патріотическое усердіе, которое было основаніемъ всѣхъ Римскихъ добродѣтелей? Сіи Полководцы получали великое отъ Республики жалованье. Развѣ не могли они отлагать къ сторонѣ по нѣкоторой части на непредвидимыя надобности? Естьли бы у Сципіона было и сто дочерей; то онъ былъ бы въ состояніи всѣхъ ихъ выдать за мужь съ хорошимъ приданымъ, учинивъ столь богатую надъ непріятелемъ добычу.

Изъ сего видно, что Валеръ Максимъ, желая черезъ чуръ похвалить Римлянъ, сдѣлалъ ихъ негодными подлецами, кои оставляли попеченіе о выгодахъ отечества для своихъ собственныхъ выгодъ; и какихъ выгодъ: втрехъ денежныхъ! Сей авторъ видно ослѣпился тѣмъ ложнымъ мнѣніемъ, что бѣдность есть мать всѣхъ великихъ добродѣтелей.

Онъ не вѣдалъ, что дѣлающій надлежащее употребленіе изъ своего богатства, гораздо есть превыше сихъ Римлянъ, коихъ представляетъ онъ намъ надмѣру бѣдными, дабы увѣрить насъ, что они и дѣйствительно были бѣдны. Я окончу сей членъ нѣкоторыми Марціаловыми стихами, кои весьма здѣсь пришли къ стати. „Ты стараешся, говоритъ онъ нѣкоторому Нестору, казаться бѣднымъ, и слыть таковымъ, и желаешь получить мѣсто въ народѣ: но ты обманщикъ, и ласкаешся тщетною честію. Ни чего не имѣть, Несторъ, не есть истинная бѣдность.„

Древняя Исторія повѣствуетъ о великомъ множествѣ градскихъ осадъ, кои продолжалися по нѣскольку десятковъ лѣтъ. Я не говорю о Троянской осадѣ, которая десять лѣтъ продолжалася. Стихотворцы украсили оную такимъ множествомъ басней, и она происходила въ столь отдаленное отъ

нашихъ вѣковъ время, что весьма позволено о истиннѣ сего сомнѣваться. Осада города Веія продолжалася также десять лѣтъ: городъ сей находился близь Рима. Камиллъ овладѣлъ наконецъ онымъ, и получилъ честь тріумфа. Но какое пространство могъ въ то время имѣть сей городъ, и каковы были его укрѣпленія?

Спартане осаждали въ продолженіе десяти лѣтъ городъ Мессену, а Псамнитикъ, Король Египетскій, осаждалъ Сирійскій городъ Азотумъ двадцать девять лѣтъ сряду. Авторы увѣряютъ, что онъ жилъ на свѣтѣ всего пятдесятъ четыре года. Надлежало, чтобъ тогда искуство атаковать крѣпости было въ своемъ младенчествѣ, а искуство защищать оныя въ совершенствѣ. Людовикъ XIII овладѣлъ Рошелью, такимъ городомъ, который получалъ со всѣхъ сторонъ припасы, меньше, нежели въ два года съ половиною. Сіе славное произшествіе не должно ли дѣлать стыдъ

древности? Однако же, причина такихъ продолжительныхъ осадъ была та, что древніе, вмѣсто того, чтобъ настоять въ предпріятіяхъ своихъ, тревожилися при каждой грубой хитрости осажденныхъ и убѣгали, оставя ихъ въ покоѣ. Я думаю, не противно будетъ читателю видѣть нѣкоторыя изъ сихъ хитростей: я постараюсь пересказать оныя точно словами тѣхъ авторовъ, изъ коихъ извлекъ я оныя. Діогенъ Лаерцій снабдитъ меня первою. „Говорятъ, что Аліатъ осаждалъ городъ Пріенъ. Философъ Віасъ велѣлъ раскормить двухъ лошаковъ, и выгналъ ихъ въ непріятельской станъ: сіи весьма удивилися, что даже и животныя у жителей сего города столь жирны. Аліатъ началъ помышлять о мирѣ; онъ послалъ въ городъ офицера, дабы примѣтить, что въ ономъ происходитъ. Віасъ, предвидя намѣреніе Аліатово, велѣлъ насыпать въ разныхъ частяхъ города большія кучи пѣску, и прикрывъ ихъ

хлѣбными зернами, показалъ офицеру: сей возвратясь въ лагерь, донесъ Царю о всемъ виденномъ. Аліатъ отчаялся въ успѣхѣ своего предпріятія, принужденъ былъ заключить миръ, и по томъ послалъ звать къ себѣ Віаса. Сей Философъ велѣлъ ему отвѣчать, чтобъ онъ покушалъ луку и по плакалъ. „

Сія хитрость весьма славится въ древности: что же до меня касается; то я нахожу оную совсѣмъ невѣроятною. Какимъ образомъ сіи раскормленные лошаки могли попасть въ непріятельской лагерь. Вышедъ изъ воротъ Пріенскихъ естественно должно разсудить, чтобъ они далѣе не пошли, и возвратилися бы назадъ? Извѣстно, что сіи животныя не охотно оставляютъ то мѣсто, гдѣ ихъ кормятъ. Вѣроятно, что они были не осѣдланы, дабы дородность ихъ была виднѣе. Но сіе не подало ли бы подозрѣнія о какой нибудь хитрости?

Сей Офицеръ, входящій столь спокойно и безопасно въ Пріенъ. какъ будто сей городъ принадлежитъ Аліату; встрѣча его съ Віасомъ; предвидѣніе Философа о всемъ, что случилося; услужливость его, показывать кучи песку, притрушенныя хлѣбомъ; простота сего посланнаго, что онъ не догадался поворошить сіи кучи ногами, или палкою: всѣ сіи обстоятельства показываютъ, что всего сего ни когда не бывало. Сколь замысловато отвѣчалъ Віасъ Королю, чтобъ очъ наѣлся луку, естьли не можетъ безъ онаго плакать, что былъ обманутъ сею хитростію.

Вторая хитрость касается до осады Рима Галлами. „Сіи народы, говоритъ Валеръ Максимъ, овладѣли городомъ Римомъ, и осадили Капитолію. Они надѣялися овладѣть оною голодомъ. Заключенные тамъ Римляне, употребили такую хитрость, которая отняла всю надежду у побѣ-

дителей. Они начали бросать съ верьху хлѣбъ въ лагерь непріятельской. Сіи весьма тому удивилися, подумали, что у Римлянъ было великое множество съѣстнаго, и что не льзя принудить ихъ здаться съ голоду, и были принуждены снять осаду.,,

Вотъ право прекрасная хитрость! О какъ замысловаты были сіи Римляне! Они бросаютъ хлѣбъ, и тѣмъ спасаютъ свой городъ. Аліатъ по крайнѣй мѣрѣ захотѣлъ удостовѣриться, что дородность лошаковъ въ самомъ ли дѣлѣ была дѣйствіе изобилія, въ Пріенѣ царствующаго. Онъ послалъ туда офицера чтобъ о томъ развѣдать: но бѣдные Галлы по простому безъ затѣй даются въ обманъ. Нѣсколько хлѣбовъ наполняютъ ихъ страхомъ; они бьютъ ретираду, и послѣ сего увѣрьте кого нибудь, что Галлы не были круглые дураки!

Валеръ Максимъ предвидитъ, что нѣсколько труднова то повѣрить

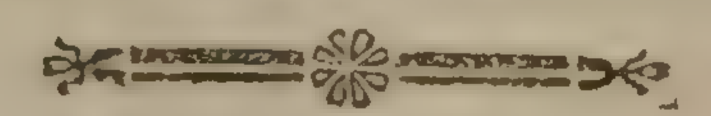
сей его исторіи, или лучше сказать, онъ находитъ въ сихъ фокусъ-покусахъ такое искуство, такой умъ, что боится, что мы сочтемъ Римлянъ неспособными выдумать такую диковину, и видно для сего присовокупляетъ, что боги благоволили имъ внушить сію хитрость, пріемля сильное участіе въ спасеніи Рима: и такъ симъ обязаны они были Юпитеру, и воздвигнули ему въ благодарность за то храмъ, подъ имянемъ Юпитера *Пистора* или спасителя. Нынѣ одного фокусъ-покуса не довольно, для отдаленія непріятеля отъ крѣпости или города.

Третья хитрость, о коей я намѣренъ говорить, взята изъ Стравона: дѣло идетъ объ осадѣ Казилина Аннибаломъ. „Сей полководецъ, говоритъ онъ, примѣтилъ, что осажденные посѣяли близъ стѣнъ своихъ рѣпу. Онъ удивился ихъ терпѣнію, присоединенному къ надеждѣ выдержать осаду, до тѣхъ поръ, пока сія

рѣпа сожретъ. И такъ отчаялся онъ въ успѣхѣ своего предпрїятія, предложилъ нѣкоторыя условія, и позволилъ выйти осажденнымъ изъ города, не нанеся имъ ни малаго вреда.,,

Сія рѣпа была, по видимому, посѣяна за городомъ вокругъ стѣны, а не внутри города, когда непріятели ее увидѣли, и когда въ томъ и намѣреніе состояло, чтобъ ето было видно. Но земля, лежащая подъ стенами осажденнаго города, утоптанная цѣлою арміею, твердая и жесткая, способна ли произрастить рѣпу и прочія коренья? Къ сему должно прибавить, что видно сѣмяна сіи бросали чрезъ стену градскую: ибо кто бы осмѣлился выйти изъ ограды Казилинской, дабы сѣять рѣпу, и быть убиту непріятелями? Сверьхъ того для кого сѣяли они сію рѣпу за городомъ? Безсомнѣнія для осаждающихъ.

Продолженіе впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРАТКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО И ХРОНОЛОГИЧЕСКАГО СКАЗАНІЯ О ПОЛЕЗНѢЙШИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ И ХУДОЖЕСТВАХЪ,

Съ присовокупленіемъ имянъ извѣстныхъ изобрѣтателей.

Магическій фонарь. Рогеръ Баконъ Агличанинъ, монахъ Св. Франциска, изобрѣлъ Магическіе фонари въ 1266 году, и по причинѣ сего изобрѣтенія былъ обвиненъ въ чернокнижіи; но онъ оправдался предъ своимъ начальствомъ, и предъ Папою Климентомъ IV, коему послалъ въ подарокъ нѣсколько изобрѣтеныхъ имъ штукъ, и сей Первосвященникъ былъ ими весьма доволенъ.

Книга, сочиненная Іовомъ, жившимъ въ той части Идумеи, которая примыкаетъ къ Финикіянской Сиріи, есть древнѣйшій памятникъ писанія изъ всѣхъ вышедшихъ изъ Азіи;

при томъ же и то достовѣрно, что онъ дошелъ до насъ въ цѣлости, или по крайней мѣрѣ большею частію, не иначе, какъ преложенный.

Зодіакальной свѣтъ былъ примѣченъ въ первой разъ въ Англіи Докторомъ Чаильдреемъ въ 1659 году.

Сей свѣтъ былъ также примѣченъ и Кассиніемъ въ 1688 году. Оной же свѣтъ былъ наблюдаемъ 26 Февраля 1769 года въ 7 часовъ вечера въ Гаврѣ де Грасѣ, Аббатомъ Дегемартомъ, Профессоромъ Астрономіи и Физики сего города.

Очки. Ежели Роджеръ Баконъ ихъ не изобрѣлъ; то по крайней мѣрѣ онъ о нихъ говорилъ. Но больше думаютъ, что изобрѣлъ ихъ Фульвій Дели Армати, Италіянецъ; ихъ стали носить съ 1150 года по Р. Х.

Зрительныя трубы со стеклами. Ихъ не было до 1609 года, то есть,

что трубы Астрономическія съ вогнутымъ глазнымъ стекломъ и выпуклымъ предметнымъ изобрѣтены въ 1609 году, Іяковомъ Липперсгеймомъ, или по сказанію нѣкоторыхъ, Іяковомъ Метіемъ, Голландцомъ.

Кеплеръ перьвый выдумалъ Астрономическую трубу съ двумя выпуклыми стеклами, а Шейнеръ перьвый прибавилъ къ сей трубѣ третіе стекло, чтобъ предметы казалися въ настоящемъ ихъ положеніи, а не опрокинутыми. Торричелли изобрѣлъ въ 1643 году трубы, называемыя Торричелліевыми по его имяни. (*)

Трубы Ахроматическія, или троепредметныя трубы, изобрѣтены въ Лондонѣ Долондомъ, по наставленіямъ Г. Ейлера. Онъ употребилъ на предметное стекло двухъ сортовъ стекла, извѣстныя въ Англіи подъ имянами *Флинт-глассъ* и *Кровн-глассъ*, и перьвое

(*) Барометры.

изъ коихъ имѣетъ особливое свойство производить въ различныхъ лучахъ свѣта гораздо большее разбрызываніе, нежели *Кроун-глассъ*, или обыкновенное стекло. Профессоръ Цейгеръ въ Санктпетербургѣ нашелъ потомъ изъ смѣшенія миніума (сурика) съ дикимъ камнемъ стеклянное вещество, коего дѣйствіе еще удивительнѣе, нежели *Флинт-гласса* (*). Труба, въ 21 дюймъ, сдѣланная изъ сего стекла по образцу Долондову, должна произвести лучшее дѣйствіе, нежели Астрономическая труба обыкновенная въ 30 футовъ.

Машина для выливанія воды изъ кораблей. Г. Дугласъ Боденъ, Агличанинъ, изобрѣлъ недавно сію машину, съ помощію коея при первомъ испытаніи вылили изъ военнаго корабля больше двухъ бочекъ воды въ полторы минуты.

(*) Способъ, какъ дѣлать сей Флинт-глассъ по предписанію Гна Цейгера, будетъ сообщенъ въ слѣдующей части въ ученой статьѣ.

Новая машина, изобрѣтенная недавно Гномъ Гаммаромъ, Шведомъ, для доставанія утопшихъ въ морѣ вещей. Слышно, какъ употребляющій сію машину ходитъ, говоритъ и поетъ на днѣ моря. Изобрѣтена же она въ 1774 году.

Машина Гидравлическая весьма простая, поднимающая воду на 30 и на 32 фута въ вышину, по кубическому футу въ секунду и въ часъ 3600 футовъ. Сею машиною можетъ дѣйствовать одинъ человѣкъ, или даже и рабенокъ нѣсколько сильной, приводя ее въ движеніе отъ времени до времени весьма рѣдко, изобрѣтена Гномъ ле Корню въ 1775 году.

Машина и способъ, служащія къ подъятію бочки имѣющей воды на [illegible]8 и 60 футовъ въ вышину, изобрѣтена недавно.

Машина для очищенія поля отъ

камней, которая менѣе, нежели въ три часа времени очистила большое пространство земли отъ невѣроятнаго почти количества камней, и даже подняла одинъ большой камень, вѣсомъ въ 36800 Французскихъ фунтовъ. Изобрѣлъ оную Г. Олофъ Боржесонъ, Шведъ, въ 1774 году.

Г. Макеръ изобрѣлъ искуство ростапливать въ пять или шесть часовъ времени Гипсъ, слюду и проч. которыхъ ни одинъ еще Химикъ до него не могъ растопить въ печахъ.

Мегаметръ, новый инструментъ, изобрѣтенный Гномъ Шарніеромъ, корабельнымъ Офицеромъ, для удобнѣйшаго и точнѣйшаго морскаго наблюденія въ 1767 году.

Микроскопъ, или мѣлкозоръ съ однимъ стекломъ, изобрѣтенъ Христіаномъ Гунгенсомъ. Съ двумя же стеклами наиденъ Корнеліемъ Дреб-

белемъ, крестьяниномъ Ноод-Голландскимъ въ 1627 году. Онъ же есть изобрѣтатель тѣпломѣровъ.

Микроскопъ съ шестью стеклами, придающій насѣкомымъ огромной видъ, изобрѣтенъ Самойломъ Готливомъ Гофманомъ, Ганноверцомъ, въ 1774 году.

Зажигательныя зеркала. Баронъ Тширнъ Гаузенъ сдѣлалъ самыя большія зажигательныя зеркала вогнутыя, и зажигательныя стекла съ собирательнымъ стекломъ.

Зажигательное зеркало Архимедово. Строеніе сего зеркала описывается въ небольшой изданной въ 1775 году на Французскомъ языкѣ книжкѣ, продающейся въ Парижѣ.

Дутыя смотрительныя зеркала, суть изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи Венеціяне

ете одни обладали сею тайною. Утверждают, что не прежде, какъ въ пятомъ-надесять столѣтіи начали везде ихъ употреблять. Большія зеркала, или литыя, изобрѣтены во Франціи въ 1688 году, нѣкіимъ Теварномъ.

Водяная обыкновенная мѣльница изобрѣтена уже тому двѣ тысячи лѣтъ. Сіи мѣльницы суть полезнѣе прочихъ, какъ то вѣтреныхъ: ибо онѣ безпрестанно могутъ молоть.

Вѣтряныя мѣльницы изобрѣтены на Востокѣ, чтобъ могли служить въ случаѣ недостатка воды: изобрѣтеніе сіе пренесено въ Европу во время Крестныхъ походовъ.

Мѣльница, изобрѣтенная для случая недостатка воды и вѣтра, въ которой одной лошади довольно, чтобъ привести въ движеніе вдругъ восемь жерновъ, изъ коихъ въ каждомъ вѣсу 4000 фунтовъ, и даетъ столько

муки, какъ самая исправная мѣльница. Изобрѣлъ Г. Макенъ въ 1767 году.

Новая домашняя мѣльница, приводимая въ движеніе свинцовыми шарами, и которая съ помощію самой малой двигательной силы, возобновляетъ теряемое въ каждую минуту движеніе. Изобрѣлъ Господинъ Пинжеронъ въ 1773 году.

Водяная мѣльница для молонія финифти, для фаянсовой посуды, и камня для фарфоровой посуды, изобрѣтена въ 1719 году, а въ 1743 году учинена простѣйшею и сильнѣйшею Гномъ Мазоа, Французомъ.

Ноты музыкальныя изобрѣтены въ 1020 году.

Новой способъ печатанія музыки (*) вышелъ изъ печатни Господина

(*) Типографскимъ наборомъ.

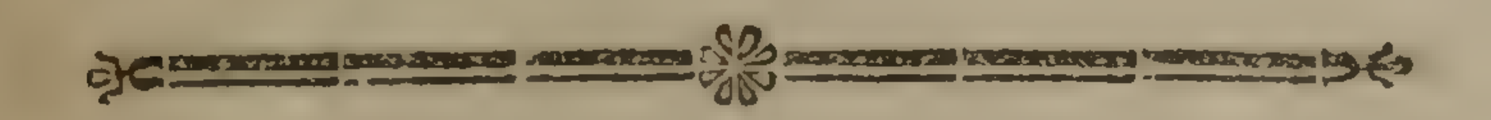
Брейткопфа, въ Лейпсигѣ въ 1755 го.

Ощутительная музыка для слѣпыхъ изобрѣтена Іяковомъ Іосифомъ Домбреномъ, слѣпымъ органистомъ игуменства Кусси, въ Ліонской Епархіи. Сей художникъ ослѣпъ семи лѣтъ; что не препятствуетъ ему имѣть весьма проворныя руки, и великое дарованіе для сочиненія музыки: онъ дѣлаетъ свои ноты изъ воску на деревянныхъ доскахъ. Въ 1771 году.

Продолженіе впредь.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

АРЗАСЪ и ИСМЕНІЯ,

Восточная повѣсть. (*)

При концѣ царствованія Артамена, Бактріяна была волнуема междоусобными раздорами. Сей Государь палъ подъ бремянемъ печалей, и оставилъ престолъ дщери своей Исменіи. Аспаръ, главный скопецъ его Двора, принялъ въ свое правленіе дѣла государственныя. Онъ много желая добра отечеству, мало желалъ власти. Онъ зналъ людей, и умѣлъ предусматривать произшествія. Природа одарила его духомъ примиренія, а нравъ его казался подходящимъ ко всѣмъ прочимъ.

(*) Взята изъ сочиненій славнаго Монтескю.

Миръ, коего не смѣли болѣе надѣяться, былъ возстановленъ. Таково было очарованіе, произведенное умомъ Аспаровымъ! Каждой возвратился паки къ своей должности, и не вѣдалъ почти, что преступалъ нѣкогда оную. Безъ всякаго усилія и шума умѣлъ онъ творить великія дѣла.

Миръ возмутился паки отъ Царя Ирканскаго. Онъ прислалъ требовать Исменію себѣ въ жены; но получивъ отказъ, вошелъ въ Бактріяну. Вшествіе сіе было странно. Иногда появлялся онъ въ полномъ вооруженіи, и въ готовности сразиться съ непріятелями своими; иногда же видали его въ убранствѣ жениха, влекомаго страстію къ своей любезной. Онъ велъ съ собою все, что прилично къ брачному торжеству: плясуновъ, музыкантовъ, комедіянтовъ, поваровъ, скопцовъ, женщинъ, но притомъ шла за нимъ многочисленная армія. Онъ писалъ къ Царевнѣ нѣжнѣйшія письма; съ другой же стороны,

опустошалъ всю страну ту. Одинъ день посвящаемъ былъ отъ него пиршествамъ, а другой военнымъ дѣйствіямъ. Ни когда не видано было столь совершеннаго подобія брани и мира, и ни когда не было вмѣстѣ таковаго распутства и порядка. Когда одно селеніе бѣжало отъ лютости побѣдителя; то въ самое то время другое утопало въ радости и всякаго рода утѣхахъ. По странному нѣкоему своенравію искалъ онъ двухъ не сообразныхъ между собою вещей: хотѣлъ быть любимъ и страшенъ; но ни въ томъ, ни въ другомъ не имѣлъ успѣха. Ополчились противъ его, и единое токмо сраженіе окончило войну. Нѣкій воинъ, прибывшій вновь въ Бактріанскую армію, явилъ чудесные примѣры храбрости: онъ прорубился до того мѣста, гдѣ неустрашимо сражался Царь Ирканскій, и взялъ его въ пленъ. Вручивъ сего Государя одному изъ чиновниковъ, и не объявляя имяни своего, готовился вмѣшаться

паки въ толпу; но при общемъ восклицаніи, повели его торжественно къ ставкѣ военачальника. Онъ предсталъ предъ него съ благородною смѣлостію, и со скромностію говорилъ о своемъ дѣяніи. Полководецъ предлагалъ ему награды, онъ показался къ нимъ нечувствительнымъ; онъ хотѣлъ осыпать его почестями; но онъ къ нимъ уже былъ привыченъ.

Аспаръ заключилъ, что такой человѣкъ былъ конечно необыкновеннаго рода. Онъ позвалъ его ко Двору, и увидя его тамъ, еще болѣе во мнѣніи своемъ утвердился. Присутствіемъ своимъ заставилъ онъ его себѣ чудиться: самая печаль, являющаяся на челѣ его, внушала къ нему почтеніе. Онъ началъ хвалить его храбрость, и говорилъ ему множество привѣтствій. Государь, сказалъ ему иностранецъ, извини нещастнаго, коего ужасность положенія содѣлываетъ, почти, неспособнымъ къ чувствованію твоихъ милостей, и

еще менѣе къ соотвѣтствованію на оныя. Глаза его наполнились слезами, и Евнухъ пришелъ въ сожалѣніе. Будь другомъ моимъ, сказалъ онъ ему, когда ты нещастливъ. Доселѣ я тебѣ удивлялся; теперь люблю тебя: хотѣлъ бы я тебя утѣшить, и что бы ты воспользовался твоимъ и моймъ разсудкомъ. Поди, живи въ моихъ чертогахъ: обитающій во оныхъ любитъ добродѣтель, и ты не будешь тамъ странникомъ.

На другой день Бактріяне торжествовали свою побѣду. Царевна вышла изъ чертоговъ въ сопровожденіи всего Двора. Она появилась въ колесницѣ посреди безчисленнаго народа. Фата, покрывающая ея лице, оставляла всьмъ свободно взирать на прелестной ея станъ; черты ея были сокрыты: но любовь подданныхъ, казалось, являла имъ оныя.

Она сошла съ колесницы, и вошла въ храмъ. Вельможи Бактріянскіе ее окружили. Она простерлась на

землю, поклонилась въ молчанiи богамъ: потомъ, снявъ покрывало, и возвыся голосъ рекла:

Боги безсмертные! Царица Бактрiянская притекла воздать вамъ благодаренiе, за победу, вами ей дарованную. Довершите ваши щедроты, не дозволяя ей во веки употреблять во зло оную. Сделайте, чтобъ не имела она ни страстей, ни слабостей, ни прихотей, чтобъ страхъ ея былъ въ неделанiи зла, надежда въ творенiи блага, и послику не можетъ она быть благополучною..... (сказала она голосомъ прерывающимся отъ рыданiй) сделайте, по крайней мере, чтобъ народъ ея былъ щастливъ.

Священнослужители совершили обряды, предписанные для богослуженiя: Царица вышла изъ храма, села въ колесницу, и народъ препровелъ ея до дворца.

Несколько минутъ потомъ, Аспаръ возвратился въ свой домъ: онъ искалъ пришлеца, и нашелъ его въ

глубочайшей печали. Сѣвъ близъ его, и выславъ всѣхъ, сказалъ ему: заклинаю тебя, юноша, повѣдай мнѣ вину твоей скорби. Или мнишь ты, что стѣснѣнное горестію сердце не находитъ отрады въ изліяніи своихъ печалей? Сіе подобно отдохновенію въ спокойнѣйшемъ мѣстѣ. Для сего должно было бы разсказать тебѣ всѣ приключенія моей жизни, сказалъ ему странникъ. Того-то я отъ тебя и требую, возразилъ Асларъ; ты будешь бесѣдовать съ человѣкомъ чувствительнымъ; не скрывай отъ меня ни малѣйшаго обстоятельства: для друга нѣтъ ни чего маловажнаго.

Не одна однако же склонность и состраданіе были виною сему Асларову любопытству. Онъ хотѣлъ привязать сего чрезвычайнаго юношу ко двору Бактріянскому; онъ желалъ узнать обстоятельно человѣка, котораго включилъ уже онъ во связь дальновидныхъ своихъ намѣреній и предназначивалъ къ величайшимъ дѣламъ.

Странникъ, подумавъ нѣсколько, началъ такимъ образомъ:

Любовь содѣлала все блаженство и нещастіе моей жизни. Съ начала усѣяла она ея печалями и утѣхами; но въ послѣдствіи оставила одни только слезы, жалобы и страданія.

Я родился въ Мидіи, и могу щитать знаменитыхъ людей въ числѣ моихъ предковъ. Отецъ мой одержалъ великія побѣды, начальствуя Мидійскими войсками. Я лишился его во младенчествѣ; воспитатели же мои научили меня щитать его добродѣтели за лучшую часть моего наслѣдства.

На семнатцатомъ году меня основали. Не дали мнѣ того множества женъ, которыми отягчаютъ въ Мидіи людей моего произхожденія. Захотѣли послѣдовать природѣ, и научить меня, что естьли чувственныя нужды ограничены; то сердечныя суть еще и того болѣе.

Ардазира отъ прочихъ моихъ женъ отличалась, какъ родомъ своимъ,

такъ и любовію моею. Она имѣла вѣкую гордость, смѣшанную съ неописуемою какою-то нѣжностію: чувствія ея были столь благородны, столь отличны отъ тѣхъ, кои подлое снисхожденіе влагаетъ въ сердца Азіятскихъ женщинъ; сверьхъ того она столь была прекрасна, что глаза мои увидѣли только ее, и сердце о прочихъ не вѣдало.

Лице ея было восхитительно: станъ, взглядъ, прелести, голосъ, очаровательныя рѣчи, все меня приводило въ восторгъ. Я желалъ безпрестанно ее слышать, и не уставалъ ни когда взирать на нея. Для меня не было ни чего столь совершеннаго въ природѣ. Воображеніе мое не представляло мнѣ ни чего превышающаго то, что я въ ней находилъ; и когда я думалъ о щастіи, коимъ люди удобны лишь наслаждаться: то всегда представлялось мнѣ мое собственное.

Мой родъ, мои богатства, мои лѣта, и нѣкоторыя личныя выгоды,

побудили Царя выдать за меня дочь свою. Въ Мидіи есть издревлѣ введенный обычай, что удостоивающіеся сей чести, должны отсылать всѣхъ своихъ женъ. Въ семъ великомъ союзѣ видѣлъ я токмо потерю всего любезнѣйшаго для меня на свѣтѣ: но я принужденъ былъ скрывать тоску мою, и казаться веселымъ. Между тѣмъ, какъ весь Дворъ поздравлялъ меня съ такою милостію, коею онъ всегда упоенъ бываетъ, Ардазира не требовала со мною видѣться, а я боялся ея присутствія, но искалъ ее. Я пошелъ къ ней, снѣдаемъ будучи скорбію. Ардазира, сказалъ я ей, я тебя лишаюсь..... Но не оказывая мнѣ ни малѣйшей ласки, ниже досады, не подъемля очей, не проливая слезъ, она наблюдала глубокое молчаніе: смертная блѣдность являлась на ея лицѣ, и я видѣлъ на немъ нѣкоторое пренебреженіе, смѣшанное съ отчаяніемъ.

Я хотѣлъ ее облобызать, она

показалась мнѣ холодною, и единое движенiе ея было, чтобъ вырваться изъ моихъ объятiй.

Не страхъ смерти заставилъ меня принять Царевну, и естьли бы не боялся я подвергнуть опасности Ардазиру; то конечно навлекъ бы на себя ужаснѣйшее мщенiе. Но когда я представлялъ себѣ, что за отказомъ моимъ послѣдовала бы неминуемо ея смерть; то разсудокъ мой мѣшался и я предавался моему злополучiю.

Меня повели въ Царскiе чертоги, и мнѣ не позволено уже было выйти изъ оныхъ. Я увидѣлъ сiе жилище, сотворенное къ унынiю всѣхъ и къ утѣхамъ одного; сiе жилище, въ коемъ, не взирая на молчанiе, вздохи любовные едва ли слышны; сiе жилище, въ которомъ царствуетъ тоска и великолѣпiе, гдѣ все неодушевленное смѣется; но все, имѣющее жизнь плачетъ; гдѣ все движется съ господиномъ, и все съ нимъ умолкаетъ.

Въ тотъ же самой день представленъ я былъ Царевнѣ; она могла меня отягчить взглядами, но мнѣ не дозволено было поднять моихъ. Странное дѣйствіе великости! Глаза ея могли говорить; но мои не могли отвѣтствовать. Два скопца, вооруженные кинжалами, готовы были омыть въ моей крови дерзость взирать на Царевну.

Каково было состояніе сердца таковаго, какъ мое, быть принуждену нести въ одръ мой рабство Царедворское! Находиться всегда между прихотей и гордаго пренебреженія, не чувствовать болѣе ни чего, кромѣ одного хладнаго почтенія, и потерять навсегда то, что и самую неволю усладить можетъ, потерять блаженство любить и быть любиму.

Но каково было мое положеніе, какъ одинъ изъ скопцовъ Царевниныхъ пришелъ ко мнѣ заставить меня подписать повелѣніе, выслать изъ дому моего всѣхъ моихъ женъ!

Подпиши, сказалъ онъ мнѣ, почувствуй всю сладость сего приказанія: я донесу Царевнѣ, о неукоснительности твоего послушанія. Лице мое покрылось слезами, я началъ писать; но остановился. Сжалься, сказалъ я скопцу, постой, я умираю..... Государь, сказалъ онъ мнѣ, мы оба потеряемъ головы; подпиши: мы уже становимся преступниками, щитаютъ всѣ мгновенія; я уже бы долженъ былъ возвратиться. Трепещущая моя рука. или стремительная, (ибо разумъ мой тогда затмился) начертала письмены бѣдственнѣйшія, какія только быть могутъ.

Женъ моихъ отослали наканунѣ моей женитьбы; но Ардазира, подкупя одного изъ моихъ невольниковъ, одѣла въ свое платье одну невольницу, похожую на нее станомъ, и покрывъ фатою, сама сокрылась въ потаенномъ мѣстѣ моего дому; скопцу же сказала, что хочетъ посвятить себя въ жрицы.

Ардазира имѣла надмѣру великой духъ, дабы мыслить, что законъ, отрѣшающій законныхъ женъ отъ ихъ правъ, могъ на нее простираться. Злоупотребленіе власти не заставляло ее почитать власть. Она жаловалась природѣ на сіе звѣрство, а на безсиліе свое отчаянію своему.

Брачное торжество совершилось во дворцѣ. Я повезъ Царевну въ мой домъ. Тамо пляски, музыка, пиршества, все казалось изъявляющимъ радость, отъ которой сердце мое весьма далеко было.

По наступленіи ночи весь Дворъ насъ оставилъ. Скопцы повели Царевну въ опочивальну. Увы! въ сей то храминѣ Ардазира внимала клятвамъ моимъ многократно. Я пошелъ въ мой покой, исполненъ бѣшенства и отчаянія.

Часъ, назначенный къ совершенію брака, наступилъ. Я пошелъ въ потаенной входъ, почти незнаемый въ моемъ домъ, и по коему любовь столь

часто меня провожала. Я шелъ въ темнотѣ, одинъ, и погруженъ въ горесть и глубочайшее уныніе, какъ въ незапу свѣтъ поразилъ глаза мои. Ардазира съ кинжаломъ въ рукѣ, предстала предъ меня. Арзасъ, сказала она, поди, скажи новой твоей супругѣ, что я здѣсь умираю; скажи ей, что я оспоривала у ней сердце твое до послѣдняго издыханія. Она готовилась поразить себя: я одержалъ ея руку, Ардазира, вскричалъ я, какое ужасное зрѣлище хочешь ты мнѣ представить!.... и отверзая мои объятія: прежде рази того, кто перьвый уступилъ звѣрскому закону! Она поблѣднела, и кинжалъ упалъ изъ рукъ ея. Я обнялъ ее, и не знаю, по какому чудесному дѣйствію душа моя успокоилась. Я держалъ сей дражайшій предметъ, и предался весь сладости любви. Все, даже мысль о моемъ нещастіи, бѣжала изъ ума моего. Я мнилъ обладать Ардазирою, и мнѣ казалося, что я не могу уже

болѣе ее лишиться. Странное дѣйствіе любви! Сердце мое воспламенялось и душа становилась спокойнѣою.

Слова Ардазиры привели меня въ себя. Арзасъ, сказала она мнѣ, оставимъ сіи бѣдственныя мѣста, уйдемъ отселѣ. Чего намъ бояться? Мы умѣемъ любить и умереть..... Ардазира, сказалъ я, клянусь, что ты всегда будешь моею; такъ, ты будешь моя, какъ будто ни когда изъ объятій моихъ не выходила: я ни когда съ тобою не разлучуся. Призываю боговъ въ свидѣтели, что ты одна будешь составлять блаженство моей жизни..... Ты предлагаешь мнѣ великодушное намѣреніе. Любовь уже мнѣ его внушала, и внушаетъ паки твоими устами: ты увидишь, люблю ли я тебя.

Я оставилъ ее, и будучи исполненъ нетерпѣнія и любви, пошелъ съ поспѣшностію отдать всюды моя повелѣнія. Дверь комнаты Царевниной заперли. Я взялъ, сколько могъ унес-

ти, золота и каменьевЪ. Невольниковъ моихЪ послалЪ по разнымЪ дорогамЪ; а самЪ одинЪ поѣхалЪ сЪ Ардазирою вЪ ужасную темноту ночи, надѣясь и страшась всего, теряя иногда природную мою отважность, терзаемый всѣми страстями, иногда даже самыми угрызеніями, не зная, должность ли я свою исполняю, или слѣдую заблужденію необузданной любви.

Я не упомяну ничего обЪ опасностяхЪ, которымЪ мы на пути подвергались. Ардазира, не взирая на слабость ея пола, ободряла меня: она, почти, была умирающа; но за мною слѣдовала. Я убѣгалЪ людей; ибо всѣ люди сдѣлались моими врагами: я искалЪ только пустыхЪ степей. Я пришелЪ вЪ сіи горы, наполненныя тиграми и львами. Присутствіе сихЪ звѣрей меня ободряло. Не сюда, говорилЪ я Ардазирѣ, не сюда евнухи Царевнины и стражи Царя Мидскаго придутЪ искать насЪ. Но наконецЪ

дикіе звѣри столь умножились, что я началъ опасаться. Я поражалъ стрѣлами тѣхъ, кои близко къ намъ подходили: ибо, вмѣсто того, чтобъ запастися вещами, потребными для жизни, снабдился я оружіемъ, которое вездѣ могло мнѣ оное доставить. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ, я досталъ огня изъ камней, зажегъ сухіе сучья, провождалъ ночи у сихъ огней, и стучалъ моимъ оружіемъ. Иногда зажигалъ я лѣсъ, и гналъ предъ собою сихъ устрашенныхъ звѣрей. Потомъ вышелъ я въ страну, болѣе открытую, и возчудился сему молчанію природы. Оно мнѣ представляло тѣ времяна, въ которыя родились боги, и въ которыя красота первая появилась; любовь ее воспламенила, и все оживотворилося.

Наконецъ вышли мы изъ Мидіи. Въ пастушескомъ шалашѣ возмнилъ я себя обладателемъ вселенныя, и тамъ могъ я сказать, что я принадлежу Ардазирѣ, а Ардазира мнѣ.

Мы прибыли въ Маграту, гдѣ невольники наши къ намъ присоединилися. Тамъ начали мы жить въ деревнѣ, далеко отъ свѣта и шума. Восхищаясь одинъ другимъ, разговаривали мы о настоящихъ нашихъ утѣхахъ, и о прошедшихъ печаляхъ.

Ардазира разсказывала мнѣ, каковы были мысли ея и чувствія во все время нашей разлуки, какова была ея ревность тогда, какъ думала она, что я пересталъ ея любить, какова была ея горѣсть, когда увидѣла она, что я ее еще люблю, ея бѣшенство противъ безчеловѣчнаго закона, и наконецъ негодованіе противъ меня за мое оному послушаніе. Она было съ начала вознамѣрилась умертвить Царевну; но откинула мысль сію: она нашла бы удовольствіе въ томъ, чтобъ умереть въ моихъ глазахъ, и не сомнѣвалась, чтобъ я не сжалился. Когда я былъ въ ея объятіяхъ, говорила она,. когда она предложила мнѣ бѣжать, и оставить отечество; тогда она была уже во мнѣ увѣрена.

Ардазира ни когда не была столь щастлива: она была въ восхищеніи. Мы не жили съ Мидійскимъ великолѣпіемъ; но нравы наши отъ того смягчилися. Она видѣла во всемъ, потерянномъ нами, великія мои ей пожертвованія. Она была одна со мною. Въ сераляхъ, въ сихъ роскошныхъ мѣстахъ, всегда найти можно мысль о совмѣстницѣ: когда же наслаждаются тамъ любезнымъ: то чемъ сильнѣе любовь, тѣмъ сильнѣе опасеніе.

Но Ардазира не имѣла ни какой недовѣрчивости: сердце было увѣрено въ сердцѣ. Кажется, что такая любовь даетъ веселый видъ всему, насъ окружающему, и что когда одинъ предметъ намъ нравится, то повелѣваетъ всей природѣ намъ нравится: кажется будто бы сія любовь есть то щастливое младенчество, предъ коимъ все играетъ и смѣется.

Я ощущаю нѣкоторую сладость, говоря тебѣ о семъ блаженномъ вре-

мени нашей жизни. Иногда терялЪ я Ардазиру вЪ рощахЪ, и находилЪ по звуку прелестнаго ея голоса. Она украшалась цвѣтами, которые я срывалЪ; я украшался срываемыми ею. Пѣніе птицЪ, журчаніе источниковЪ, пляски и пѣсни молодыхЪ нашихЪ невольниковЪ: тихая радость, разсѣянная по всюды, были безпрестанныя свидѣтельства нашего щастія.

Иногда Ардазира казалася пастушкою, которая безЪ нарядовЪ и украшеній, являлась мнѣ вЪ природной своей простотѣ; иногда же видалЪ я ее таковою, какЪ была она, когда восхищался я єю вЪ МидскомЪ сералѣ.

Ардазира упражняла женщинЪ своихЪ вЪ прекрасныхЪ работахЪ: онѣ пряли руно Гирканское, употребляли Тирской багрецЪ. Весь домЪ вкушалЪ истинную радость. Мы сЪ удовольствіемЪ снисходили кЪ равенству природы; мы были щастливы, и желали жить сЪ людьми, такЪ же щастли-

вымии. Ложное благополучіе учиняетъ людей жестокими и гордыми, и сіе щастіе не сообщается. Истинное же блаженство дѣлаетъ ихъ тихими и чувствительными; и сіе щастіе всегда дѣлится.

Я помню, какъ Ардазира выдала одну свою любимицу за одного изъ моихъ отпущенниковъ. Любовь и младость заключали сей бракъ. Любимица сказала Ардазирѣ: сей день есть также перьвый день вашего брака. Всѣ дни жизни моей, отвѣтствовала она, будутъ симъ перьвымъ днемъ.

Ты, можетъ быть, удивишся, что будучи, какъ бы изгнанъ изъ Мидіи, въ одно почти мгновеніе приготовясь къ побѣгу, и не могши ни чего унести съ собою, кромѣ тѣхъ денегъ и драгоцѣнныхъ камней, которые мнѣ тогда попались, могъ я имѣть въ Маргіане столько богатства, что купилъ хорошій домъ, великое число служителей, и всѣ возможныя

вещи къ способной жизни. Я самъ тому удивился, и теперь еще удивляюсь. По нѣкоему странному произволу жребія, котораго не могу я понять, не имѣлъ я ни откуда помощи; но вездѣ находилъ оную. Золото, каменья и прочія драгоцѣнности, казалось, сами ко мнѣ приходили. Это были нечаянные случаи, скажешь ты мнѣ. Но столь многократныя и всегда одинакія нечаянности не могутъ быть нечаянностями. Ардазира думала съ начала, что я хотѣлъ удивить ея, и что привезъ съ собою незнаемыя ей богатства. Я началъ думать также, что не она ли имѣла неизвѣстныя мнѣ сокровища. Но мы увидѣли наконецъ оба, что ошибались въ нашемъ мнѣніи. Я находилъ много разъ въ моей комнатѣ сверпки, въ которыхъ находилось по нѣскольку сотенъ дариковъ: Ардазира же съ своей стороны находила полные ларчики драгоцѣнныхъ камней.

Въ одинъ день, прогуливаясь въ

моемъ саду, увидѣлъ я небольшой сундучокъ, наполненный золотыми монетами, и усмотрѣлъ другой такой же въ duплѣ одного дуба, подъ которымъ я обыкновенно отдыхалъ. О прочемъ я умалчиваю. Я былъ увѣренъ, что въ Мидіи не было ни одного человѣка, которой бы зналъ мѣсто моего убѣжища, и сверьхъ того я зналъ, что изъ той страны не льзя мнѣ было ожидать ни какой помощи. Я ломалъ себѣ голову, дабы проникнуть, откуда получалъ я сіи пособія. Всѣ догадки мои опровергали одна другую.

Я слыхалъ, сказалъ Аспаръ, прервавъ Арзаса, чудесныя повѣсти о нѣкоторыхъ сильныхъ духахъ, прилѣпляющихся къ людямъ, и дѣлающихъ имъ великое добро. Ни что слышанное мною не дѣлало впечатлѣнія въ моемъ умѣ; но повѣствуемое тобою больше меня удивляетъ. Ты сказываешь то, что самъ испыталъ, а не то, что о другихъ слышалъ.

Сіи помощи, продолжалЪ АрзасЪ, человѣческими ли способами мнѣ были доставляемы, или находилось что либо тутЪ чрезЪестественное, сіе оставляю я нерѣшеннымЪ; но то справедливо, что я ни когда не имѣлЪ вЪ оныхЪ недостатка, и что тѣмЪ же самымЪ способомЪ, каким безчисленное множество людеи находятЪ везде бѣдность, я находилЪ по всюды богатство. И вотЪ что всего удивительнѣе, что онѣ приходили ко мнѣ вЪ самую пору: ни когда казна моя не приходила кЪ окончанію безЪ того, что бы новое сокровище не появилось: столь-то бодрствующая надЪ нами сила была попечительна. Но вотЪ что еще болѣе: не одни только нужды наши были удовлетворяемы, но часто и прихоти. Я не люблю, примолвилЪ онЪ, разсказывать чудесныя приключенія. Я сказываю единственно то, чему я принужденЪ былЪ вѣрить, а не то, чему бы ты долженЪ вѣрить.

Накануне свадьбы любимицы, одинъ прекрасной, какъ Ангелъ, юноша, принесъ ко мнѣ корзину преизрядныхъ плодовъ. Я далъ ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, онъ ихъ взялъ, оставилъ корзину, и болѣе мы его не видали. Я отнесъ къ Ардазирѣ корзину, и нашелъ ее гораздо тяжелѣ, нежели думалъ. Мы съѣли плоды, и нашли, что дно было все наполнено дариками. Ето духъ, сказали во всемъ домѣ, которой принесъ сюды сіе сокровище для свадебныхъ издержекъ.

Я убѣждена, говорила Ардазира, что ето духъ, которой творитъ чудеса изъ благосклонности къ намъ. Превышающимъ насъ бытіямъ ни что не можетъ быть пріятнѣе любви: единая любовь имѣетъ совершенство, удобное вознести насъ къ онымъ. Арзасъ, ето духъ, знающій мое сердце, и видящій, сколь много я люблю тебя. Желала бы я его увидѣть, и узнать, сколько ты меня любишь.

Я возвращаюсь къ моей повѣсти.

Страсть Ардазирина и моя получили различныя свойства отъ впечатлѣній воспитанія нашего. Ардазира дышала только для того, что бы любить. Страсть ея была ея жизнь, вся душа ея была одна любовь. Не въ ея было власти любить меня меньше; но и больше она любить меня не могла же. Я же, казалось, любилъ страстнѣе, по тому, что по видимому не всегда равно любилъ. Единая Ардазира была удобна занять меня; но нашлись вещи, способныя нѣсколько меня отвлѣчь. Я гонялъ оленей, и сражался съ дикими звѣрьми.

Вскорѣ возмнилъ я, что веду жизнь надмѣру беззнатную. Я нахожусь, говорилъ я, въ областяхъ Царя Маргіанскаго: для чего же бы мнѣ не побывать при Дворѣ? Слава отца моего представлялась часто моему воображенію. Сколь тяжело выдержать бремя знатнаго имени, когда добродѣтели, обыкновеннымъ людямъ свойст-

венныя, суть меньше предѣлъ, гдѣ должно остановиться, нежели точка, изъ коей должно начать бѣгъ свой. Кажется, что обязанности, пріемлемыя за насъ другими, суть сильнѣе нашихъ собственныхъ. Когда я былъ въ Мидіи, говорилъ я; тогда надлежало мнѣ унижаться, и скрывать съ вящшимъ раченіемъ добродѣтели мои, нежели пороки. Естьли не былъ я рабъ Двора; то былъ рабъ его ревности. Но теперь, не завися ни отъ кого; кромѣ самаго себя, по тому, что не имѣю отечества, будучи свободенъ среди лѣсовъ, подобно львамъ, я буду имѣть душу обыкновенную, естьли останусь обыкновеннымъ человѣкомъ.

Мало по малу привыкъ я къ симъ мыслямъ. Таково общее всѣхъ насъ свойство, что по мѣрѣ нашего щастія, желаемъ мы быть щастливѣе. Въ самомъ верьховномъ блаженствѣ, появляются скуки. Сіе произходитъ отъ того, что какъ умъ нашъ есть связь мыслей; то и сердце есть связь же-

ланій. Когда мы почувствуемъ, что щастіе наше не можетъ болѣе возрастать; то стараемся дать ему новое образованіе. Иногда мое честолюбіе возгоралось отъ самой моей любви: я надѣялся, что учинюсь достойнѣе Ардазиры, и не взирая на ея прозьбы и слезы, я ее оставилъ.

Я не стану тебѣ описывать ужаснаго того усилія, которое я себѣ сдѣлалъ. Стократно былъ я готовъ возвратиться. Намѣрялся упасть къ ногамъ Ардазиры; но стыдъ оболгать самаго себя, удостовѣреніе, что я не буду болѣе имѣть силы съ нею разстаться, привычка, которую я сдѣлалъ, повелѣвать моимъ сердцемъ въ труднѣйшихъ переломахъ: все сіе убѣдило меня продолжать мое путешествіе.

Я былъ принятъ Царемъ со всевозможнымъ отличіемъ. Едва могъ я примѣтить, что былъ я иностранецъ. Меня приглашали на всѣ увеселенія: онъ предпочелъ меня всѣмъ

моимъ сверстникамъ, и не было такого чина, котораго бы я не могъ надѣяться получить въ Маргіанѣ.

Скоро представился мнѣ случай оправдать его милости. Дворъ Маргіанской пребывалъ долгое время въ глубочайшемъ мирѣ. Слухъ пронесся, что безчисленное множество варваровъ пришли на границу, что порубили на голову посланную противъ ихъ армію, и шли скорыми шагами къ Столицѣ. Когда бы городъ взятъ былъ приступомъ; то и тогда бы Дворъ не могъ быть въ большемъ страхѣ. Сіи люди ни когда, кромѣ щастія, ничего не испытывали. Они не умѣли различать нещастія отъ нещастія, и то, что можно поправить, съ испорченнымъ безповоротно. Собрали на скорую руку совѣтъ, и поелику былъ я близокъ къ Царю; то и приглашенъ былъ на сей совѣтъ. Царь былъ въ отчаяніи, а совѣтники его безъ ума. Ясно можно было видѣть, что не можно спасти ихъ,

не возвратив прежде имъ здраваго разсудка и бодрости духа. Первый Министръ открылъ совѣтованія. Онъ предложилъ отвести Царя въ безопасное мѣсто, и послать къ непріятельскому Полководцу ключи отъ города. Онъ готовился было представлять свои доводы, и весь совѣтъ клонился согласиться на оные. Я всталъ съ своего мѣста, между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, и началъ сію рѣчь: естьли ты скажешь еще одно слово; то я умерщвлю тебя. Прилично ли Великому Государю и всѣмъ честнымъ людямъ, здѣсь присутствующимъ, терять драгоцѣнное время, слушая твои подлые совѣты? — И обратясь къ Царю: Государь, сказалъ я ему, большое государство не упадаетъ съ одного удара. Ты имѣешь тьму средствъ: когда же оныя истощатся; тогда разсуждай ты съ симъ человѣкомъ, умереть ли тебѣ должно, или послѣдовать его подлымъ совѣтамъ. Друзья! я клянуся съ вами защищать Царя

до послѣдняго издыханія. Послѣдуемъ за нимъ, вооружимъ народъ, и сообщимъ ему часть нашей бодрости.

Въ городѣ немедленно приготовились къ оборонѣ, и я занялъ внѣ онаго одно мѣсто съ избранными ратниками, составленными изъ Маргіанцовъ и нѣкоихъ храбрыхъ людей, мнѣ принадлежащихъ. Мы разбили многія изъ ихъ отрядовъ. Отдѣленіе конницы, отрѣзало у нихъ сообщеніе съѣстныхъ припасовъ. Они не имѣли потребныхъ орудій къ осажденію города. Число войскъ нашихъ всякой день возрастало. Они отступили и возвратилися въ свою страну, а Маргіана освободилась.

Въ шумѣ и замѣшательствѣ сего Двора, не наслаждался я истинною радостію. Ардазиры мнѣ везде не доставало, и сердце мое безпрестанно къ ней обращалось. Я позналъ мое щастіе на то, чтобъ его оставить; я убѣжалъ отъ истинныхъ утѣхъ, дабы искать ложныхъ.

Ардавѳса съ самаго моего отъѣзда не имѣла ни одной мысли, которую бы другая не опровергала. Ее обуревали всѣ страсти, и не одною изъ нихъ не была она довольна. Она хотѣла молчать, хотѣла жаловаться: брала перо, чтобъ ко мнѣ писать; но досада перемѣняла ея намѣреніе. Она не могла рѣшиться показать мнѣ свою чувствительность, но еще меньше равнодушіе: но наконецъ горѣсть души ея утвердила ея предпріятія, и она написала ко мнѣ слѣдующее письмо:

,,Естьли бы ты сохранилъ въ сердце твоемъ хотя искру сожалѣнія; то ни когда бы меня не оставилъ; ты соотвѣтствовалъ бы столь нѣжной любви, и уважалъ бы нашимъ нещастіемъ; ты пожертвовалъ бы мнѣ суетными намѣреніями. Жестокой! Ты счелъ бы хотя за малую потерю лишеніе сердца, тобой однимъ пылающаго. По чему ты можешь знать буду ли я въ состояніи перенести твое

отсутствіе? И естьли я умру, безчеловѣчной! можешь ли ты усомниться, чтобъ не ты былъ моимъ убійцею? О боги! Ты мой убійца! Арзасъ! Любовь моя, столь изобилующая въ вымышленіи мнѣ новыхъ терзаній, ни когда не угрожала мнѣ казнію сего рода. Я мнила, что одни только твои нещастія буду я оплакивать, и что во всю жизнь мою пребуду нечувствительна къ моимъ собственнымъ.......»

Я не могъ прочитать сего письма безъ пролитія слезъ. Сердце мое стѣсняла горесть, а къ чувствованію сострадація присоединилось жестокое угрызеніе, что я содѣлалъ нещастіе того, что было мнѣ любезнѣе жизни.

Мнѣ пришло въ мысль позвать Ардазиру ко Двору: но я на сей мысли остановился не болѣе минуты.

Дворъ Маргіанской, почти, одинъ въ Азіи, гдѣ женщины не отдѣляются отъ сообщества съ мущинами. Царь былъ молодъ: я думалъ, что

онъ все можетъ, и думалъ, что можетъ любить. Ардазира могла бы ему понравиться, и сія мысль была для меня ужаснѣе тысячи смертей.

И такъ не оставалось мнѣ ничего другаго предпріять, кромѣ того, чтобъ возвратиться къ ней. Ты удивишся, услыша, что меня остановило.

Я ожидалъ съ часу на часъ блистательныхъ знаковъ благодарности Царской. Я воображалъ, что представъ въ новомъ блескѣ глазамъ Ардазиры, способнѣе бы могъ предъ нею оправдаться. Я думалъ, что она болѣе любить меня будетъ, и заранѣе наслаждался мыслію, что повергну новое мое щастіе къ ногамъ ея.

Я увѣдомилъ ее о причинѣ медленности отъѣзда моего; и сіе-то самое привело ее въ отчаяніе.

Милость ко мнѣ Царя столь была стремительна, что оную приписали склонности, которую будто Царевна, сестра его, ко мнѣ почувствовала. Ето одна изъ такихъ вещей,

которымъ всегда вѣрятъ, одинъ самъ услышавъ, очую. Одинъ невольчикъ, данный мнѣ Ардазиромъ, описалъ къ ней слышанное имъ. Мысль, что она имѣетъ совмѣстницу, была для нее несносна. Но что же она почувствовала, услышавъ о моихъ дѣяніяхъ. Она не усомнилась, чтобъ толикая слава не умножила любовь. Я не Царевна, говорила она въ своемъ негодованіи; но чувствую, что нѣтъ ни одной на свѣтѣ, которая бы была достойна того, чтобъ я ей уступила принадлежащее мнѣ сердце, и естьли я то показала въ Мидіи, то покажу и въ Маргіанѣ.

Переходя отъ мыслей къ мыслямъ, она утвердилась въ семъ намѣреніи.

Она распустила большую часть своихъ невольниковъ, накупила другихъ, послала убрать домъ въ землѣ Согдіанской, скрыла свое имя, взяла съ собою незнакомыхъ мнѣ евнуховъ, и тайно пріѣхала ко Двору. Тамъ сговорилась

она съ преданнымъ ей невольникомъ, и взяла мѣры, чтобъ меня на другой день увезти. Въ тотъ день я положилъ итти мыться въ рѣкѣ. Невольникъ привелъ меня на то мѣсто берега, гдѣ Ардазира меня ожидала. Едва успѣлъ я раздѣться, какъ меня схватили; накинули на меня женское платье, посадили въ покрытую носилку, и шли день и ночь. Вскорѣ вышли мы изъ Магріанскихъ земель, и прибыли въ землю Согдіанскую. Меня заперли въ огромныхъ палатахъ, давая знать, что Царевна, имѣющая ко мнѣ склонность, велѣла меня похитить, и тайно привезти въ страну ей принадлежащую.

Ардазира не хотѣла быть знаема, ни чтобъ и я былъ знаемъ: она хотѣла веселиться моимъ заблужденіемъ. Всѣ тѣ, кои не участвовали въ сей тайнѣ, щитали ее Царевною. Но мущина, запертый въ ея чертогахъ, могъ бы нанести поношеніе ея званію; и такъ мнѣ оставили жен-

ское мое одѣяніе, и думали, что я молодая дѣвка, недавно купленная и назначенная къ ея услугамъ.

Я былъ тогда на двадцатомъ году. Мнѣ говорили, что я имѣю всю свѣжесть молодости, и хвалили мою красоту, какъ бы я и дѣйствительно былъ дѣвка.

Ардазира зная, что страсть къ славѣ побудила меня ее оставить, вздумала всѣми средствами ослабить мою бодрость. Меня поручили двумъ евнухамъ. Дни проходили въ томъ, что меня наряжали, наводили хорошую краску въ лицѣ, умывали, натирали благоуханнѣйшими духами. Я не выходилъ никогда изъ дому, меня учили стараться самому о моемъ нарядѣ, болѣе же всего хотѣли пріучить меня къ тому повиновенію, подъ бременемъ коего пресмыкаются въ большихъ Восточныхъ сераляхъ.

Я былъ въ неописуемомъ негодованіи за столь недостойное со мною обхожденіе. Не было ни чего такого,

на что бы я не рѣшился, дабы разорвать мои узы; но видя себя безъ оружія, окруженнаго людьми, безпрестанно за мною присматривающими, я не боялся предпринять, но боялся неудачи. Я надѣялся, что въ послѣдствіи не столь рачительно смотрѣть за мною будутъ; что мнѣ удастся, можетъ быть, подкупить кого нибудь изъ невольниковъ, и выйти изъ сего жилища, или умереть.

Признаюсь даже и въ томъ, что нѣкоторое любопытство, увидѣть конецъ моего злоключенія, укрощало стремительность моихъ мыслей. Въ стыдѣ, въ горести и смущеніи, я удивлялся, что не имѣю больше онаго. Душа моя чинила предпріятія; но всѣ онѣ оканчивались нѣкоторымъ непонятнымъ смятѣніемъ: нѣкоторое тайное очарованіе, и непостижимая сила, удерживала меня въ сихъ чертогахъ.

Ложная Царевна была всегда закрыта фатою, и я никогда не слы-

халъ ея голосу. Она почти цѣлые дни провождала, смотря на меня сквозь рѣшетку, вдѣланную въ мою горницу. Иногда призывала меня и въ свою комнату. Тамъ дѣвки ея пѣли нѣжнѣйшія пѣсни: мнѣ казалось, что все изъявляло ея любовь. Ей всегда казалось, что я не довольно къ ней близокъ: она однимъ мною занималась, всегда находила что нибудь поправить въ моемъ нарядѣ: она расплѣтала мою косу, чтобъ снова заплѣсть, и никогда не была довольна сдѣланнымъ ею.

Въ одинъ день пришли мнѣ сказать, что она позволяетъ мнѣ съ нею видѣться. Я нашелъ ея сидящею на богатѣйшей пурпуровой софѣ: фата все еще ее покрывала, голова ея была нѣжно наклонена, и казалось, что она была погружена въ нѣжную томность. Я подошелъ, и одна изъ ея женщинъ, такъ начала мнѣ говорить: любовь тебѣ благопріятствуетъ; она то самая подъ симъ одѣ-

яніемъ привела тебя въ сіи мѣста. Царевна тебя любитъ. Всѣ сердца бы ей покорились; но она одного твоего хочетъ.

Какъ, сказалъ я воздохнувъ, могу я отдать сердце, которое мнѣ больше не принадлежитъ? Любезная моя Ардазира имъ владѣетъ, и будетъ владѣть вѣчно.

Я не примѣтилъ, чтобъ Ардазира показала отъ словъ сихъ какое волненіе; но послѣ она мнѣ сказывала, что ни когда толикой радости не ощущала.

Дерзновенный, сказала мнѣ сія женщина, Царевна оскорбленна, подобно богамъ, когда найдется нещастный, ихъ нелюбящій.

Я воздамъ ей, отвѣчалъ я, всю должную преданность; почтеніе мое, благодарность ни когда не потухнутъ: но судьба, жестокая судьба, не позволяетъ мнѣ ее любить. Великая Царевна, примолвилъ я, бросясь къ ея ногамъ, заклинаю тебя славою твоею,

забыть такова человѣка, которой по вѣчной любви своей къ другой, не будетъ ни когда тебя достоинъ.

Я услышалъ, что она испустила тяжелой вздохъ, и мнѣ показалось, что лице ея покрылось слезами. Я внутренно укорялъ себя въ моей нечувствительности; я хотѣлъ того, что находилъ невозможнымъ: хотѣлъ сохранить вѣрность, и не отнять у нея надежды.

Меня отвели опять въ мою комнату, и чрезъ нѣсколько дней получилъ я записку незнакомой мнѣ руки:

„ Любовь Царевны велика, но не „ безчеловѣчна: она не будетъ даже „ роптать на твои отказы, когда ты „ докажешь ей, что они законны. При„ходи же объявить ей причины, ко„торыя побуждаютъ тебя быть столь „ вѣрнымъ твоей Ардазирѣ. „

Меня повели опять къ ней. Я разсказалъ ей всѣ приключенія моей жизни. Когда же говорилъ я о моей любви; то слышалъ, что она воздыхала.

Она держала меня за руку, и въ сіи трогательныя минуты, какъ бы противъ своей воли сжимала оную.

Начни снова, говорила мнѣ одна изъ ея женщинъ, съ того мѣста, когда ты былъ въ такомъ отчаяніи, когда Царь Мидійскій отдалъ за тебя свою дочь; повтори намъ страхъ твой, въ разсужденіи Ардазиры во время вашего побѣга. Опиши еще Царевнѣ тѣ утѣхи, которыя вкушали вы въ уединеніи вашемъ у Маргіанцовъ.

Я думалъ, что ни когда не кончу сихъ подробностей: я повторялъ, и ей казалось то новымъ; я оканчивалъ, а она думала, что я только начиналъ.

На другой день получилъ я сію записку:

„Я постигаю великость любви „твоей, и не требую, что бы ты мнѣ „ею пожертвовалъ. Но увѣренъ ли „ты, что сія Ардазира еще тебя „любитъ? Можетъ быть ты для „неблагодарной отвергаешь сердце обо„жающей тебя Царевны.“

Я написалъ въ отвѣтъ слѣдующее:

„Ардазира меня столько любитъ, что я не могу просить боговъ о умноженіи ея любви. Увы! можетъ быть она надмѣру много меня любила. Я помню, какое письмо писала она ко мнѣ вскорѣ послѣ того, какъ я ее оставилъ. Естьли бы вы видѣли страшныя и нѣжныя изрѣченія ея скорби; то бы вѣрно почувствовала сожалѣніе. Я боюсь, чтобъ во время моего здѣсь задержанія, отчаяніе, что меня лишилась, и отвращеніе къ жизни, не внушали бы ей такого намѣренія, исполненіе коего низвергнуло бы меня во гробъ.„

Она мнѣ отвѣтствовала такимъ образомъ: будь щастливъ Арзасъ, и отдай всю любовь твою красавицѣ, тебя любящей: что до меня касается; то я желаю одной твоей дружбы.

На другой день повели меня въ ея комнату. Тамъ ощутилъ я все то,

что можетъ склонить къ роскоши. Воздухъ наполненъ былъ пріятнѣйшими куреніями. Она находилась на кровати, завѣшенной одними только цвѣтами: она лежала въ роскошномъ положеніи, простерла ко мнѣ руку, и посадила близъ себя. Все, даже самое покрывало ея, имѣло нѣчто прелѣстное. Я видѣлъ прелѣстную стройность прекраснаго ея стана. Одно тонкое полотно, на ней движущееся, попеременно, то скрывало отъ меня, то представляло мнѣ восхитительныя красоты. Она примѣтила, что глаза мои были заняты, и когда увидѣла, что они воспламенились; то полотно, какъ бы само собой, разверзлось. Я увидѣлъ всѣ сокровища красоты небесной. Въ сіе мгновеніе сжала она мою руку; глаза мои всюду заблуждали. Нѣтъ, вскричалъ я, ничего столь прелѣстнаго, кромѣ моей Ардазиры; но я свидѣтельствуюсь богами, что вѣрность моя .....Она бросилась ко мнѣ на шею, и пражала

къ своей груди. Въ незапу комната померкла, покрывало ея отвергось, она меня поцѣловала. Я выступилъ изъ себя. Точкое и стремительное пламя разлилось по моимъ жиламъ, и всѣ чувства мои возгорѣлись. Мысль о Ардазирѣ отъ меня удалилась. Одно слабое напоминовенie.....но оно мнѣ казалося мечтою.....Я былъ готовъ.....предпочесть ея самой ей. Уже нанесъ я руки на ея грудь, они стремительно бѣгали повсюды: любовь являлась въ одномъ своемъ бѣшенствѣ, она стремилась къ побѣдѣ; еще мигъ, и Ардазира не могла бы противиться: какъ вдругъ она, сдѣлавъ усилie, позвала къ себѣ на помощь, исторглась изъ моихъ объятiй, и я потерялъ ее.

Я возвратился въ мою комнату, дивясь самъ моему непостоянству. На другой день принесли ко мнѣ платье, приличное моему полу, а въ вечеру повели меня къ той, о коей напоминанie приводило меня еще въ

восторгъ. Я къ ней приближился, бросился къ ея ногамъ, и восхищенный любовiю, говорилъ ей о моемъ благополучiи, сѣтовалъ на собственной мой отказъ; я просилъ, обѣщавалъ, требовалъ, дерзнулъ все сказать, хотѣлъ все видѣть, готовился все предпрiять. Но нашелъ странную перемѣну: она показалась мнѣ холодною, и какъ уже довольно отняла у меня смѣлости, и насладилась моимъ недоумѣнiемъ; то прервала молчанiе, и я въ первой разъ услышалъ ея голосъ: желаешь ли ты видѣть лице той, которую ты любишь?....Сей голосъ поразилъ меня, я сдѣлался неподвиженъ, надѣялся, что ето Ардазира, надѣялся, но боялся. Сними сiю повязку, сказала она мнѣ. Я снялъ, и увидѣлъ лице Ардазиры. Я хотѣлъ говорить; но языкъ мой остановился. Любовь, удивленiе, радость, стыдъ, всѣ страсти меня объяли. Ты Ардазира, сказалъ я. Такъ, измѣнникъ, я Ардази-

ра. Ардазира, продолжалъ я прерывающимся голосомъ, почто играешь ты такимъ жестокимъ образомъ нещастнымъ? Я хотѣлъ ее обнять. Государь, сказала она, я твоя. Увы! Я надѣялась найти тебя вѣрнѣе. Довольствуйся повелѣвать здѣсь. Накажи меня, естьли хочешь, за то, что я сдѣлала ..... Арзасъ, примолвила она плача, ты того недостоинъ.

Дражайшая Ардазира, сказалъ я ей, почто приводишь ты меня въ отчаяніе? Хотѣла ли бы ты видѣть меня нечувствительнымъ къ обожаемымъ мною прелѣстямъ? Признайся, что ты сама съ собою несогласна. Не тебя ли я любилъ? Не сіи ли красоты всегда меня прельщали? Ахъ! сказала она, ты полюбилъ бы другую, кромѣ меня. Нѣтъ, сказалъ я ей, не полюбилъ бы я другую. Все, что не ты, не могло бы мнѣ понравиться. Чтожъ бы было, естьли бы не видалъ я сего обожаемаго лица, не слыхалъ бы сего голосу, не нашелъ бы

сихъ взоровъ? Но сжался, престань меня приводить въ отчаяніе; помысли, что изъ всѣхъ невѣрностей учинилъ я самую меньшую.

Я узналъ по томности ея глазъ, что она перестала досадовать; я узналъ то по слабому ея голосу. Я держалъ ее въ объятіяхъ. Сколь щастливъ тотъ, кто можетъ обнимать любезную! Какъ выразить сіе блаженство, коего избытокъ чувствуютъ одни истинные любовники! Когда любовь сама послѣ себя возраждается, когда все льститъ нашей надеждѣ, все повинуется; когда чувствуемъ, что все имѣемъ, и чувствуемъ, что не довольно еще имѣемъ; когда душа сама съ собою разстается, и стремится за предѣлы самой природы!

Ардазира, успокоясь, сказала мнѣ: любезной Арзасъ, любовь моя къ тебѣ заставила меня дѣлать чрезвычайныя дѣла. Но необузданная страсть не имѣетъ ни правилъ, ни законовъ.

Тотъ ее не знаетъ, кто не включаетъ прихотей своихъ въ число величайшихъ своихъ удовольствій. Именемъ боговъ прошу тебя, не оставляй меня болѣе. Чего тебѣ не достаетъ? Ты щастливъ, естьли меня любишь. Ты увѣренъ, что ни когда смертный не былъ толико любимъ: скажи мнѣ, обѣщай мнѣ, клянись, что ты со мною здѣсь пребудешь.

Я клялся ей тьмократно, и клятвы мои прерываемы были одними моими лобызаніями: она имъ повѣрила.

Сколь щастлива любовь, когда она успокоивается, когда, стараясь дать себя почувствовать, хочетъ она дать знать себя, когда, насладившись красотами, чувствуетъ она себя поражаемою одними только прелѣстями.

Мы жили въ Согдіанѣ въ такомъ блаженствѣ, котораго описать я не въ силахъ. Хотя я пробылъ только нѣсколько мѣсяцовъ въ Маржіанѣ, но сіе пребывание излѣчило уже

меня отъ честолюбія. Я пользовался милостію Царя; но скоро увидѣлъ, что онъ не въ состояніи простить мнѣ храбрость мою и свой страхъ. Присутствіе мое его смущало: слѣдовательно не могъ онъ меня любить. Придворные его то примѣтили, и съ тѣхъ поръ уваженіе ихъ ко мнѣ умалилось, и чтобъ не сказать, что я избавилъ государство отъ опасности, весь свѣтъ говорилъ, что опасности ни когда и не было.

Такимъ образомъ будучи равномѣрно отвращенъ отъ рабства и рабовъ, не осталось во мнѣ иной страсти, кромѣ любви моей къ Ардазирѣ, и я щиталъ себя стократно щасливѣйшимъ, оставшись въ единой пріятной мнѣ зависимости, нежели отдаться другой, которую я ненавидѣлъ.

Намъ показалось, что благодѣтельный духъ за нами послѣдовалъ. Мы нашлись въ томъ же изобиліи, и видѣли многократно новыя чудеса.

Рыбакъ принесъ намъ продавать рыбу: ко мнѣ принесли драгоцѣнный перстень, найденный въ ея горлѣ.

Въ одинъ день, имѣя недостатокъ въ деньгахъ, послалъ я продать нѣкоторые каменья въ ближній городъ: мнѣ принесли за нихъ деньги, и чрезъ нѣсколько дней потомъ увидѣлъ я на столѣ моемъ тѣ самые камни.

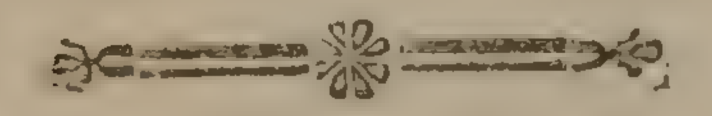
Великіе боги! говорилъ я самъ въ себѣ; и такъ мнѣ нѣтъ средства сдѣлаться бѣднымъ!

Мы захотѣли искусить духа, и попросили у него великаго количества денегъ. Онъ намъ ясно показалъ, что хотѣнія наши неумѣренны. Мы нашли чрезъ нѣсколько потомъ дней на столѣ самое малѣйшее количество, какова еще ни когда не получали. Мы не могли, увидя то, воздержаться отъ смѣха. Духъ съ нами шутитъ, сказала Ардазира. Ахъ, вскричалъ я! Сколь боги суть мудрые

распредѣлители: посредственность, ими намъ даруемая, гораздо предпочтительнѣе сокровищь, которыя они намъ отказываютъ.

Мы не имѣли ни одной печальной страсти. Слѣпое тщеславіе, жадность къ любостяжанію, страсть къ господствованію, казалось, отъ насъ бѣжали, и были страсти инаго свѣта. Сіи мнимыя благія сотворены на то только, чтобъ наполнять пустоту душъ, которую природа не наполнила. Онѣ изобрѣтены тѣми, которые неспособны были къ возчувствованію другихъ.

Окончаніе впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

О ЛУКАВСТВѢ И ХИТРОСТИ ЖИВОТНЫХЪ.

ЗАБАВНОЕ МЩЕНІЕ ОДНОГО СЛОНА.

Брю повѣствуетъ, что весьма часто случается видать въ землѣ Гвинала, что въ Африкѣ, стада слоновъ изъ 40 и 50 состоящихъ. Когда они лѣжатъ въ грязи для прохлажденія своего; то на проходящихъ мимо ихъ и не смотрятъ, и не было примѣра, чтобъ они на кого нибудь напали, естьли не выстрѣлятъ по нихъ изъ ружья, или не раздражатъ чемъ нибудь инымъ: ибо ежели хотя одного изъ нихъ ранишь; то столь опасными врагами они становятся, что весьма трудно отъ нихъ спастися. Но естьли удастся ихъ такъ чемъ нибудь устрашить, что они вздумаютъ

бѣгать: то сіе дѣлають они съ великою медленностію. Они глядятъ гордо на тѣхъ, кои возмущаютъ ихъ спокойствіе, и вскричавъ страшно два или три раза, продолжаютъ свое шествіе.

Нѣкоторые Французскіе матросы, плывя въ верьхъ по рѣкѣ Курбали въ маломъ суднѣ, увидѣли слона столь увязшаго въ тинѣ, что они сочли легкою его себѣ добычею. Какъ не могли они къ нему подойти довольно близко, чтобъ его убить; то пули ихъ послужили только къ приведенію его въ бѣшенство. Не въ состояніи же будучи и самъ подойти къ нимъ близко, не осталось ему инаго способа къ отмщенію, кромѣ того, что, наполнивъ хоботъ свой жидкою грязью, пустилъ онъ на нихъ столь изобильной дождь, что едва не потопилъ ихъ съ ихъ судномъ. Они принуждены были уплыть; и поелику в к рѣ послѣ того сдѣлался приливъ: то слонъ вплавь вышелъ на берегъ.

КАКЪ СЛОНЫ ЛОВЯТЪ МУХЪ.

Слоны имѣютъ на спинѣ весьма твердую кожу, а подъ брюхомъ мягкую, тѣло у нихъ совсемъ почти голое, а на хвостѣ столь мало волосовъ, что не могутъ они употреблять онаго для сгонянія мухъ, ихъ безпокоящихъ, и коихъ жаленіе весьма для нихъ чувствительно, не смотря на огромность ихъ. Кожа ихъ взборождена згибами, изъ коихъ исходитъ запахъ, привлекающій сихъ насѣкомыхъ. Но давъ налетѣть множеству оныхъ, натянувъ кожу, потомъ, какъ ихъ насядетъ великое число; то слонъ сжимаетъ кожу, и такимъ образомъ подавляетъ всѣхъ мухъ, кои попадутся въ морщины. Сія хитрость служитъ имъ въ семъ случаѣ вмѣсто хвоста.

СРАЖЕНІЕ СЛОНА СЪ ДРАКОНОМЪ.

Въ особливости достойно удивленія понятіе, данное животнымъ

природою, каждому сообразно съ его родомъ, въ сраженіи слона съ дракономъ.

Поелику все затрудненіе дракона состоитъ въ томъ, чтобъ вскочить на столь высокое животное, каковъ есть слонъ; то онъ караулитъ его, когда онъ пойдетъ по обыкновенной своей дорогѣ; и какъ скоро онъ съ нимъ поравняется; то драконъ бросается на него съ дерева. Слонъ знаетъ, что тщетно сталъ бы онъ стараться избавиться отъ своего соперника. И такъ онъ помышляетъ только о томъ, какимъ бы образомъ прибѣжать поскорѣе къ лѣсу, или къ каменной горѣ, дабы объ оныя раздавить дракона. Но сей его предупреждаетъ, и начинаетъ тѣмъ, что опутываетъ его ноги излучистымъ своимъ хвостомъ. Тогда слонъ, для освобожденія своего, прибѣгаетъ къ своему хоботу; но драконъ всовываетъ голову свою въ самый хоботъ его, и грызетъ нѣжнѣйшія онаго

части. Естьли встрѣтятся они другъ съ другомъ на дорогѣ: то драконъ подымается на дыбы предъ слономъ, и старается въ особливости напасть на его глаза. Сія-то есть причина, отъ чего находятъ часто слѣпыхъ слоновъ, коихъ боль и голодъ доводятъ въ семъ состояніи до крайняго истощенія. Но чему приписать столь сильную антипатію? Кажется не льзя иначе сего изъяснить, какъ сказавъ, что природа забавляется сими сраженіями. Однако же вотъ другое сему объясненіе. Кровь слоновая, сказываютъ, очень холодна, что безъ сомнѣнія привлѣкаетъ драконовъ прохладиться оною, особливо же въ большіе жары. Они ныряютъ въ воду, дабы ожидать тамъ того времени, въ которое обыкновенно слоны приходятъ пить; тогда они обвиваются вокругъ его хобота, и кусаютъ его за ухо, не переставая, по тому, что сія есть единственная часть тѣла его, которую хоботъ защищать не можетъ.

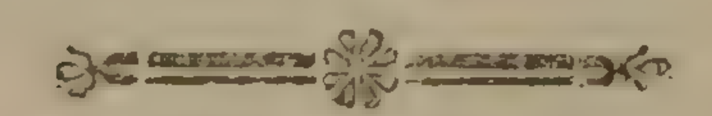
ХИТРОСТЬ И ЛУКАВСТВА ОБЕЗЬЯНЪ.

По сказанію Дампіера, обезьяны, находящіяся въ стоанѣ Кампешскаго залива, достойны примѣчанія по чрезмѣрному своему безобразію. Они гораздо больше зайца, и имѣютъ большіе хвосты. почти до двухъ футовъ съ половиною длины. Они ходятъ стадами по 30 и по 40 по лѣсамъ, гдѣ прыгаютъ съ одного дерева на другое. Естьли попадется имъ человѣкъ; то они сдѣлаютъ такой видъ, что будто хотятъ его растерзать: даже когда я бывалъ одинъ, присовокупляетъ сей путешественникъ; то я не смѣлъ по нихъ стрѣлять, а особливо, когда въ первой разъ ихъ увидѣлъ. Ихъ было тогда большое стадо, кои прыгали съ дерева на дерево надъ моею головою, скрипѣли зубами, и словомъ, дѣлали ужасной шумъ. Было много и такихъ, кои кривляли ртомъ, глазами, и дѣлали множество странныхъ тѣлодви-

женій. Нѣкоторыя ломали сучья, и бросали оными въ меня, другія испускали свою мочу и калъ. Наконецъ самая большая изъ нихъ сѣла на вѣтвь прямо надъ моею головою, и оттолѣ на меня прыгнула, что заставило меня податься назадъ. Но обезьяна зацѣпила хвостомъ за вѣтвь, и повисла на оной, смотря на меня съ страшнымъ кривляньемъ. Наконецъ я пошелъ, и они слѣдовали за мною до нашихъ селеній, продолжая свои грозныя тѣлодвиженія. Сіи обезьяны употребляютъ хвосты свои столь же искусно, какъ и руки, и столь же крѣпко могутъ оными уцѣпляться.

(Бюфонъ.)

Продолженіе впредь.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ.

Священникъ увѣщевалъ одного преступника, коего за воровство осудили повѣсить, и укорялъ его, что онъ взялся за весьма худое ремесло. Сей нещастный

отвѣчалъ Попу: Ехъ, Батюшка! Ремесло мое было очень хорошо, естьли бы позволили мнѣ въ немъ упражняться.

Генрихъ IV, Король Французской, любилъ скорые и острые отвѣты. Встрѣтясь однажды съ однимъ духовнымъ, спрашивалъ онъ у него: откуда ты, куда и за чемъ? Духовной, не медля ни мало, отвѣчалъ: изъ Буржа, въ Парижъ, за мѣстомъ. Ты его получишь, отвѣчалъ Король.

Одинъ безрукой, кривой и громой Офицеръ, отличившій себя храбрыми подвигами въ службѣ сего Государя, подалъ ему нѣкогда прошеніе, въ которомъ просилъ себѣ награжденія, и упоминалъ о великомъ числѣ ранъ, имъ полученныхъ въ многократныхъ сраженіяхъ: Генрихъ IV, прочитавъ прошеніе, сказалъ: я подумаю. Государь, отвѣчалъ Офицеръ, когда меня послали сражаться съ непріятелями Вашего Величества, естьли бъ я тогда

сказалъ; подумаю; то бы не былъ я теперь безъ глаза, безъ руки и безъ ноги. Генрихъ сначала прогнѣвался за сей непочтительный отвѣтъ; но вскорѣ милосердіе его обезоружило его, и заставило щедро наградить сего изувѣченнаго воина.

Сей же Государь по прозбѣ Герцога Неверскаго пожаловалъ нѣкоему Господину голубую ленту. Когда возлагаютъ цѣпь ордена на Кавалеровъ; то они говорятъ сіи слова: Domine non sum dignus; т. е. *Государь, я недостоинъ*. Когда новопожалованный сказалъ сіи слова; то Генрихъ отвѣчалъ: я знаю, что ты недостоинъ, но я пожаловалъ тебя по прозбѣ Герцога Неверскаго.

Одинъ весьма плохой Ораторъ остановилъ у воротъ нѣкоего города сего Государя глупою своею поздравительною рѣчью, которую онъ началъ такъ: Государь! Когда Алек-

сандрЪ Великій и проч. ГенрихЪ, предвидя, что не скоро дождется онЪ конца сей рѣчи, прервалЪ его, и сказалЪ: другЪ мой, АлександрЪ Великій обѣдалЪ, а я еще нѣтЪ.

ОдинЪ славный пьяница, будучи при послѣднемЪ издыханіи, попросилЪ одного изЪ своихЪ пріятелей, чтобЪ онЪ подалЪ ему стаканЪ воды, сказавЪ ему: умирающій человѣкЪ долженЪ примириться со всѣми своими врагами.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

I.

Узнать, кто изъ 20 человѣкъ или болѣе, находящихся въ бесѣдѣ, надѣнетъ кольцо, на который палецъ, и на который составъ.

НапримѣрЪ положимЪ, что изЪ 15 человѣкЪ, изЪ коихЪ состоитЪ собраніе,

одиннадцатой человѣкъ взялъ кольцо, надѣлъ его на пятой палецъ, то есть на мизинецъ, на второй составъ: чтобъ сіе узнать; то надлежитъ поступить слѣдующимъ образомъ:

Вышедъ въ другую горницу, прикажите тому человѣку рядовое свое число, то есть, которымъ онъ сидѣлъ, умножить на 2, потомъ приложить 5, послѣ сумму умножить 5ю, сложить число пальца, на которомъ кольцо надѣто: потомъ умноживъ еще 10ю, приложить число того состава, и наконецъ спросить сію сумму, вычесть изъ нее 250: тогда остатокъ покажетъ искомое, какъ ниже сего явствуетъ.

11 человѣкъ.
2
22
5
27
5
135
5 палецъ.
140
10

1400
2 составъ

1402
250

11,5,2.

Такимъ образомъ сіе число 11,5,2 будетъ означать, что кольцо у одиннадцатаго человѣка, на пятомъ пальцѣ или на мизинцѣ, на второмъ составѣ.

2.

Способъ узнать задуманной кѣмъ нибудь недѣльной день.

Ежели кто попроситъ угадать недѣльной день, о которомъ онъ задумаетъ; то надобно поступить въ семъ случаѣ слѣдующимъ образомъ:

Прикажите число того дня, щитая съ Воскресенья, умножить на 2, къ сему приложить 5, потомъ умножить на 50, и послѣ произведеніе сіе показать; изъ него вычесть 250: тогда въ остаткѣ первая, по лѣвую сторону остающаяся цыфра, покажетъ задуманной день недѣли.

Напримѣръ: естьли кто задумалъ Вторникъ; то поелику Вторникъ по вышеписанному правилу значитъ въ недѣлѣ третій день, то и напишетъ онъ 3, когда оное умножитъ 2, то сдѣлаетъ 6; къ сему когда приложитъ 5, то будетъ 11; когда 11 умножитъ на 50, то учинится 550; когда же изъ 550 вычтется 250, то останется 300; и такимъ образомъ сыщется недельный день 3, то есть Вторникъ.

3.

Написавъ три разныя суммы, скажите находящимся съ вами, что сколь оныя ни различны, однакожь вы, не взирая на то, можете раздѣлить ее тремъ человѣкамъ такъ, чтобъ каждое число было равно, умѣя то сдѣлать, не мѣшавъ находящихся чиселъ въ одной строчкѣ съ другою, но каждую особенно; что самое и можно учинить слѣдующимъ образомъ:

Напримѣръ:

5134122.
61254.
7218.

Изъясненіе.

Начинайте складывать первой строчки числа такимъ образомъ: 5 и 1, 6; къ сему причисля 3 и 4, учинитъ 13; а потомъ къ онымъ приложа еще послѣдніе 1, 2 и 2, произойдетъ 18. Равнымъ образомъ поступайте и съ остальными двумя строками, коихъ обѣихъ сложенныя числа также составятъ 18. И такъ тотъ раздѣлъ и будетъ исполненъ, и каждый изъ трехъ имѣетъ одинакое число 18.

Можно написать такимъ образомъ и нѣсколько строчекъ, изъ коихъ каждая особо будетъ содержать только 25, какъ напримѣръ:

100239523.
60920341.
4231609.
532096.
90948.
4579.
893.

Должно замѣтить только то, чтобъ писать каждую сумму такъ, дабы произведеніе было одинакаго числа.

4.

Какъ представить въ стеклянномъ штофѣ весьма красивое серебряное произрастеніе, называемое Философическимъ деревомъ.

Возми самаго чистаго серебра 1 лотъ, крѣпкой водки 4 лота, да ртути столько же; распусти въ сей водкѣ помянутое серебро, и вливъ на то одинъ фунтъ простой воды, закупорь крѣпко, и поставь въ такое мѣсто, гдѣ бы оно не шаталось: тогда увидишь, что внутри штофа станетъ выростать преудивительное серебряное дерево, которое всякой день будетъ увеличиваться, и подниматься выше.

КОНЕЦЪ

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ,

Статья Ученая.

Стран.

Статья Економическая.

Статья Нравоучительная.

Статья Историческая

Статья Увеселительная.

